

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВА

Ариадна Ивановна

ПАРАМЕТРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В ОБЛАСТИ МОРФЕМИКИ

(на материале русского языка)

Специальность 10.02.19 - общее языкознание,
социолингвистика, психолингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

МОСКВА

1988

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

ВВЕДЕНИЕ	77
Создание морфемно-словообразовательных данных машинного фонда русского языка Задачи работы и предмет исследования . Методика описания материала Материал и его источники Структура работы	83 23
Г Л А В А 1. <u>ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕТОДЫ МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА. ОБОСНОВАНИЕ ИНВЕНТАРЯ РУССКИХ МОРФЕМ</u>	25
РАЗНОГЛАСИЯ ПО ПОВОДУ МОРФЕМНОГО И СЛОВООБРАЗОВА- ТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	27
ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА	30
Задачи морфемного анализа	30
Роль семантического критерия при морфемном анализе. Значение морфем и их возможная десе- мантизация	31
Проблема эквивалентных решений при морфемном анализе	37
Историческая изменчивость инвентаря морфем и структуры слова. Хронологические границы син- хронного морфемного анализа	40
МЕТОДЫ МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА	44
Предпосылки морфемного анализа	45
Сопоставительная методика членения слов	51
Методика непосредственных составляющих	54
ОБОСНОВАНИЕ ИНВЕНТАРЯ МОРФЕМ	60
Г Л А В А II. <u>МЕСТО ПОНЯТИЙ ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ СРЕДИ ДРУГИХ СМЕЖНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ</u>	66
О ТЕРМИНОЛОГИЧНОСТИ ПОНЯТИЙ ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ.....	66
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЙ ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ	77

Использование понятий центр и периферия в области фонетики и фонологии	77
Использование понятий центр и периферия в области морфологии и словообразования	83
Использование понятий центр и периферия в области синтаксиса	88
Использование понятий центр и периферия в области лексики и семантики	90
Использование понятий центр и периферия применительно к тексту и теории стилей	94
ПРИЗНАКИ ПЕРИФЕРИИ. СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПЕРИФЕРИИ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ПОНЯТИЯМИ	97
Признаки периферии, предлагаемые в лингвистической литературе	97
Соотношение понятий центр-периферия с понятиями норма-ненорма, системность-асистемность	101
Соотношение понятий центр-периферия с понятиями симметрия-асимметрия	107
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПЕРИФЕРИИ. ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ПЕРИФЕРИИ	117
Г Л А В А Ш. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В МОРФЕМНОМ СОСТАВЕ СЛОВАРНОЙ ФОРМЫ РУССКОГО СЛОВА	130
КОЛИЧЕСТВО МОРФЕМ В СЛОВЕ (ГЛУБИНА СЛОВА)	132
Слова малой глубины	138
Одноморфемные слова	138
Двуморфемные слова	145
Слова большой глубины	147
Простые (однокорневые) многоморфемные слова	147
Сложные (поликорневые) многоморфемные слова	153
Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов	159
ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ МОРФЕМ В СЛОВЕ	166

Нарушения обычного порядка следования морфем в морфемных структурах слова	169
Морфемные блоки как устойчивые последователь- ности суффиксов и их роль в морфемной и слово- образовательной структуре русского слова	173
ПОВТОРЯЕМОСТЬ МОРФЕМ В ПРЕДЕЛАХ СЛОВА	185
Словообразовательный круг в русском языке	185
Омоморфные морфемы в пределах слова	195
 Г Л А В А IV. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ИНВЕНТАРЕ	
МОРФЕМ	201
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КОРНЕВОМ ЗАПАСЕ МОРФЕМ	202
Десемантизированные и связанные корни	204
Корни с ограниченной дистрибуцией	209
Корни, образующие слова - одиночки	209
"Реликтовые" корни в современном русском ли- тературном языке	215
Корни, являющиеся производящей основой для двух и более корневых слов каждый	216
Корни, специфичные для отдельных частей речи	225
Корни, периферийные с точки зрения их длины в терминах фонем (букв) и слогов	229
Корневые морфемы, периферийные с точки зрения составляющих их алломорфов	234
Омоморфия корней	246
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АФФИКСАЛЬНОМ ЗАПАСЕ МОРФЕМ ...	263
Аффиксы, периферийные с точки зрения их длины в терминах фонем (букв) и слогов	264
Омоморфия аффиксов	266
Аффиксы, периферийные с точки зрения их продук- тивности и активности	271
Реликты исчезнувших словообразовательных мо- делей, сохранившиеся в морфемной структуре русского слова	277

Остаточные морфы в основе слова, никогда не функционировавшие в качестве форманта	290
Проблема полуаффиксов (аффиксоидов)	295

Г Л А В А У. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ МОРФЕМИКИ В
ТЕКСТЕ

Г Л А В А У. <u>ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ МОРФЕМИКИ В ТЕКСТЕ</u>	301
---	-----

ОСОБЕННОСТИ МОРФЕМНОГО СОСТАВА СЛОВ В ТЕКСТЕ	302
--	-----

Особенности глубины слова в тексте	303
--	-----

Оморфные морфемы в пределах формы слова в тексте	305
---	-----

Колебания длины окончаний в тексте	307
--	-----

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕНТАРЯ МОРФЕМ, РЕАЛИЗУЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ, ПО СРАВНЕНИЮ С ИНВЕНТАРЕМ МОРФЕМ, РЕАЛИЗУЮЩИХСЯ В СЛОВАРЕ	308
---	-----

Корневые и суффиксальные алломорфы, специфичные для текста и отсутствующие в словаре	309
---	-----

Алломорфы корней в диалектных текстах	312
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	314
------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	320
--------------------	-----

В В Е Д Е Н И Е

Морфемика как самостоятельный раздел морфологии существует уже не первое десятилетие, но основной объект ее анализа, принципы и методы исследования до сих пор вызывают ожесточенные споры, которые, впрочем, способствуют более интенсивному дальнейшему изучению основ морфемного анализа.

Как неоднократно подчеркивал в свое время известный немецкий математик XIX-XX вв. Феликс Клейн, "процесс познания начинается ... с середины и далее развивается не только по восходящей, но и по нисходящей линии, теряясь в неизвестности. Однако наша задача заключается в том, чтобы постараться в обоих направлениях пробиться сквозь туман неведомого, но, конечно, представление о том, что колоссальный слон науки, несущий на себе груз истины, стоит на каком-то абсолютном фундаменте, до которого человек может докопаться, является лишь легендой" (цитируется по книге: И.М.Яглом. "Герман Вейль". М., 1967, с.10). Желание "пробиться сквозь туман неведомого" и что-либо познать ведет к поискам все новых и новых фактов. Знание этих фактов наряду с критическим осознанием работ предшественников позволяет делать более широкие обобщения и по-иному осмысливать материал. При этом следует учитывать, что лингвистическая терминология каждого времени весьма своеобразна, четкие однозначные категории утверждаются не сразу, и это затрудняет восприятие новых идей. По словам Е.Баратынского,

"Сначала мысль, воплощена

В поэму сжатую поэта,

Как дева юная, темна

Для невнимательного света;

Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем".

По-видимому, в настоящее время морфемика находится во второй стадии - "со всех сторон своих видна": ее перестали "встречать в штыки" и, говоря словами А. Сухотина, наступает "полоса признания, и новое входит обязательной частью в ткань науки" (Сухотин 1978, с.41).

Вводимый в научный обиход новый материал требует предварительной оценки и классификации фактов по степени их достоверности; метод анализа меняется в зависимости от задач, поставленных исследователем, который должен устанавливать связи явлений, руководствуясь принципом системного анализа.

Данная работа посвящена обоснованию понятия языковой периферии и анализу периферийных явлений русской морфемики. Тема структурирования языка на центр и периферию, актуальная в настоящее время, привлекала к себе внимание лингвистов еще в 60-е гг. но до сих пор не получила своего окончательного разрешения. Принципиально новое решение поставленной проблемы связано с количественной оценкой понятия периферии, а сама идея структурирования языка на центр и периферию пересматривается с точки зрения параметрического подхода.

Цельность картины возникает в результате изучения предмета анализа с различных точек зрения. Именно такой многоаспектный подход к собранному материалу лежит в основе настоящего исследования периферийных явлений русской морфемики.

Создание морфемно-словообразовательной базы данных
машинного фонда русского языка

В последнее время предпринимаются попытки создать так называемый машинный фонд русского языка - банки данных, под которыми понимается, по словам М.Аллегра, "всякая совокупность однородных данных, собранных и уже обработанных с помощью электронной вычислительной техники или которые могут обрабатываться этими техническими средствами", по словам Ж.Шомье, - "совокупность внесенных в память данных, доступных для ЭВМ, которая может их обрабатывать для использования в различных предусмотренных областях" (Шомье 1981, с.4), а по Справочнику под общей ред. В.М.Савинкова (Справочник 1984, с.5), - "система программных, языковых, организационных и технических средств, предназначенных для централизованного накопления и коллективного использования данных". Компонентами банка данных являются базы данных - "поименованная совокупность данных (информационных объектов), отображающая состояние реальных объектов и их отношений в рассматриваемой предметной области" (там же).

В 80-е гг. стали активно дискутироваться вопросы, связанные с созданием машинного фонда русского языка (МФРЯ 1986; Герд 1986), который должен содержать "генеральный словник русского языка, иллюстративно-текстовой фонд русского языка; терминологический фонд русского языка; академический словарно-граммати-

ческий фонд русского языка; лексикографическую базу МФРЯ; лингвостатистическую базу МФРЯ; фонд процессоров русского языка; фонд лингвистических алгоритмов и программ; информационно-справочный фонд по русистике" (Андрющенко 1985, с.55).

В отличие от генерального словника и текстового фонда русского языка, которые представляют собой собрание самих фактов языка - слов и предложений, фонды грамматики - это "массивы совсем другого рода, это фонды интерпретационные¹⁾, которые всегда предстают перед нами уже как итог научно-исследовательской деятельности языковедов" (Герд 1986, с.91; ср. Демьянков 1985).

Именно таким фондом по грамматике (более узко - по морфемике) в неалгоритмическом, немашинном виде является "Словарь морфем русского языка" (Кузнецова, Ефремова 1986). Словарь морфем уже введен в память машины; его единицы - морфемы - очень удобны в качестве единиц словаря распознавания связного текста.

На важность выбора именно морфемы в качестве единицы словаря распознавания связного текста впервые обратили внимание в ЛГУ на кафедре фонетики, сотрудники которой совместно с Лабораторией речи Института математики Сибирского отделения АН СССР занялись разработкой модели автоматического распознавания связного текста на русском языке (Асиновский 1986; Уровни языка 1986). Выбор морфемы в качестве единицы словаря распознавания обусловлен тремя свойствами морфемы (Асиновский 1986, с.157):

- Морфемное описание слова дает экономию памяти как минимум в

¹⁾ На самом деле, лексический машинный фонд языка тоже является интерпретационным фондом, хотя и в меньшей степени (см. например, различные взгляды на проведение границ между омонимией и полисемией, между сложными словами и сочетанием слов и т.п.).

- 10 раз по сравнению со словарем слов и в 100 раз по сравнению со словарем словоформ.
- Морфемы - это наиболее приближенный участок слова к так называемым опорным участкам, получаемым на выходе первичной обработки сигнала. Эта приближенность к опорным фонетическим участкам дает возможность использовать морфемный словарь распознавания, содержащий дистрибуцию каждой морфемы, для адекватной интерпретации диффузных, слабых, фонетически неинтерпретированных участков.
 - У морфемы имеется наиболее однозначная по сравнению со словом соотнесенность с лингвистическими категориями, используемыми при синтаксическом и семантическом анализе текста. Если для словаря морфема является средством экономного описания его единиц, то для текста морфема представляется универсальным показателем согласования, и тип согласования - классификатор типов морфем.

Основные характеристики фонетических и морфологических структур были получены при работе с машинной версией "Словообразовательного словаря русского языка" Д.Уорта, А.Козака и Д.Джонсона (1970)²⁾, который был введен (с основными граммати-

²⁾ Данный словарь представляет собой словарь корневых морфем с их производными, сделанный на основе машинного способа деления слов (общий объем которых составляет 110 тыс.) на морфемы. Слова Орфографического словаря русского языка были отперфорированы (с небольшой предварительной редакцией), перенесены на магнитную ленту, сегментированы с помощью машины по программе, написанной специально для этой цели математиками А.Козаком и Д.Джонсоном.

Операция перфорирования - набивка 220 тыс. перфокарт (каждое слово во избежание ошибок набивалось дважды) потребовала око-

ческими пометами) в память ЭВМ БЭСМ-6 в Институте математики СО АН СССР (результаты опубликованы в Уровни языка 1986).

Таким образом, интерес к созданию и обработке машинного фонда морфем русского языка не только не случаен, но актуален и открывает новые возможности в автоматическом распознавании текста.

Как уже отмечалось, "Словарь морфем русского языка" А.И.Кузнецовой и Т.Ф.Ефремовой это и есть морфемный фонд русского языка - инвентарь морфем со всеми их окружениями, морфемы и их дистрибуция.

Обработка "Словаря морфем русского языка", содержащего (в отличие от словаря Д.Уорта 1970) не только корневые, но и аффиксальные (префиксальные и суффиксальные) морфемы, проводилась вручную и преследовала вполне конкретные цели, реализующиеся в следующих задачах.

Задачи работы и предмет исследования

1) Поскольку машинный морфемный подфонд грамматического фонда русского языка является в значительной мере интерпретаци-

ло 1000 часов работы двух операторов (каждый из них работал ежедневно в течение соответственно двух и полутора месяцев). По предварительным оценкам, правила сегментации должны были приводить в 95% случаев к адекватному членению на морфемы. Предполагаемые 5% ошибок должны были быть исправлены на компьютере простым расширением программы сегментации, расширением, которое учло бы более тонкие различия, ускользнувшие при подготовке первоначального списка морфемных швов. Однако выборочная проверка результатов первого автоматического сегментирования показала, что реальная цифра, как считает Д.Уорт, ближе к 73% (на деле, достоверные случаи членения можно оценить немногим более 50% - А.К.).

онным (Герд 1986, Демьянков 1985), то естественно, что в зада-
чи работы прежде всего входит о б о с н о в а н и е приня-
той в работе м е т о д и к и м о р ф е м н о г о ч л е-
н е н и я слов с учетом всех основных предпосылок сегменти-
рования текста, благодаря которой получен фонд морфем, отра-
женный в "Словаре морфем русского языка" (именно "Словарь мор-
фем..." служил основным источником, по которому собирался ма-
териал для исследования).

2) Сделать полную обработку морфемного фонда русского
языка под силу лишь ЭВМ, как и вообще решение задач большой
размерности. Ручной обработке доступны (да и то не полностью)
только области окраинные, малочисленные, то, что обычно называ-
ют периферийными областями языка. В задачу работы входило
о б н а р у ж е н и е и а н а л и з р а р и т е т о в
м о р ф е м и к и в инвентаре морфем или в структурах слов с
точки зрения различных признаков, в связи с чем о т б о р
самых п р и з н а к о в также становился существенной за-
дачей работы. Единицами анализа, следовательно, служат статисти-
чески редкие явления и в инвентаре морфем, и в структурах слов.

Исследование периферийных явлений в области морфемки при-
водит к постановке ряда более частных проблем, например:

- к решению задачи выявления корреляционных отношений между
отдельными параметрами и отдельными периферийными явлениями,
рассмотренными с точки зрения этих параметров;
- к объяснению сквозь призму исторических преобразований опре-
деленных синхронных явлений, превратившихся в настоящее время
в единичные;
- к поискам связующих звеньев между морфемным и словообразова-

тельными анализами, между тем, как сделаны готовые слова, и тем, как они делаются, и т.п.

Задачи частного характера возникают как при исследовании инвентаря морфем и их дистрибуционных особенностей, так и при изучении функционирования морфем в тексте.

3) Многомерное признаковое изучение морфем русского языка позволяет сформулировать в качестве задачи новую трактовку понятия периферийности (в противовес центру или ядру) в области морфологии вообще и морфемики в частности.

4) Использование морфемы (конечной внутрисловной составляющей) "в качестве основной единицы системного представления языковых средств" (Уровни языка 1986, с.11) требует особого внимания к вопросу о соотношении разного рода внутрисловных структур: словообразовательной, формообразовательной и морфемной. Сравнение формообразовательной и морфемной структур фактически есть сравнение структур слова и составляющих его морфем в тексте и словаре (системе).

Формообразовательная структура слова представляет собой формообразующую основу плюс форматив (в понимании этого термина Ю.С.Масловым); формообразующая основа, в свою очередь, имеет сложную морфемную структуру. Исходные формы слов, фиксируемые в словаре и вместе с тем встречающиеся все (за редким исключением³⁾) и в тексте, обладают, естественно, одной и той же мор-

³⁾ Этими исключениями являются, например, реституируемые в словаре, но реально не сохранившиеся в языке формы Им.п.ед. или мн.ч. некоторых существительных, имеющих так называемые дефектные парадигмы. Так, в словаре обычно дается: умолк, -у: без умолку, про-сып, -у: без просыпу и т.п.

фемной структурой; остальные ("не основные") парадигматические, сугубо "текстовые" словоформы (косвенные падежи существительных, спрягаемые формы глаголов...), не приводимые в словаре, нередко отличаются по своим морфемным структурам и входящим в состав слова морфемам от словарных словоформ.

В настоящей работе, с одной стороны, сравнивается запас (инвентарь) морфем, реализующихся в словаре и тексте, с другой стороны, сопоставляются морфемные структуры словарных словоформ и текстовых форм слова. В тексте могут встретиться такие структуры, такие особенности морфемного состава слов, такие корни и аффиксы, которых нет в словаре, особенно в системе литературного языка. Выявление этих специфических черт текста может пригодиться при машинной обработке текста.

Методика описания материала

Для решения выдвинутых задач использовался метод параметрического описания. Каждому объекту, с одной стороны, приписывалось некоторое количество признаков (так называемое однообъектное распределение), с другой стороны, разные объекты изменялись по одному общему признаку (многообъектное распределение). При обработке материала использовалось многообъектное спектральное распределение, то есть объединение выделенных для анализа единиц (отдельных морфем или структур слов) в группы по значениям признаков. Иногда приходилось обращаться к многомерному (многопараметрическому) распределению, которое комбинируется из двух первых видов распределения (Тулдава 1987, с.42-47).

Методика исследования сводилась к следующему.

Составлялся некоторый (далеко не полный в данной работе) перечень признаков, характеризующих структуру слова и морфему.

Признаки можно сгруппировать в фонетические, семантические, морфологические, функциональные... По каждому признаку количество принимаемых им значений бывает разное - от двух и выше. Так, у корня может быть два значения какого-либо альтернативного признака (корень свободный - корень связанный) или много значений, как, например, по признаку длины (корень односложный - двусложный - ... шестисложный или корень в одну - две - ... - девять букв). Среди выделенных для описания признаков могут быть и качественные (наличие/отсутствие альтернантов у корня), и количественные (число алломорфов у корня). Качественный и количественный подход к анализу морфемики не исключает, а взаимно дополняет друг друга, позволяя компенсировать имеющиеся в каждом недостатки, так как оба подхода преследуют одну и ту же цель - получение достоверных и надежных результатов исследования.

Как указывает Ю.Тулдава, "на практике допускается "гибкая" трактовка понятий объекта, признака и значения признака. Объектом может быть индивидуальная единица (например, конкретное слово) или класс единиц (часть речи и т.п.). Признак (точнее, наименование признака) может быть простым или сложным, например, "частота в тексте T_i ". Значение признака может быть количественно-пропорциональным, интервальным или порядковым... Вследствие такой гибкости в определении компонентов измерения возможны различные варианты классификаций лингвистических распределений в зависимости от конкретных условий и задач исследований" (Тулдава 1987, с.46).

В настоящей работе построение классификации 5000 объектов (в данном случае - морфем) в 20ти-мерном пространстве признаков

было предпринято в главах II-IV.

В последнее время в арсенал гуманитарных процедур вообще (Бородкин 1986) и лингвистических, в частности, вошли различные методы многомерного статистического анализа (факторный анализ, смысл которого заключается в том, чтобы любой предъявляемый машине объект с наименьшей вероятностью ошибки максимально безошибочным образом был отнесен к одному из заранее сформированных классов; многомерная классификация и распознавание образов, многомерное шкалирование и др.). Эффект от использования новых методов зависит прежде всего от методологической ориентации, профессиональной квалификации лингвиста.

Особое внимание следует уделять отбору признаков, характеризующих изучаемые явления русской морфологии (более узко - русской морфемики). Иногда предлагается использовать только существенные признаки (Бондарко 1968, с.51; Нещименко 1984, с. 49), иногда - любые (Кузнецова 1985, с.23). Обнаружение взаимосвязи и взаимообусловленности отдельных "сильно закоррелированных" признаков позволяет выявить комплексный характер изучаемого явления.

Многопризнаковый анализ какого-либо явления не требует априорного деления признаков на зависимые и независимые, так как все признаки можно рассматривать как равноправные, но если можно выразить большое число рассматриваемых признаков через меньшее число более емких внутренних характеристик того или иного явления языка (в частности, морфемного явления), то предполагается, что эти наиболее емкие характеристики (например, глубина слова) окажутся одновременно и определяющими, наиболее существенными, "информативными" (при факторном анализе их называют факторами - Бородкин 1986, с.20).

Малоинформативные признаки могут быть двух видов : к первому принадлежат признаки, по которым подавляющая часть изучаемых объектов относится к одному значению признака ; ко второму виду принадлежат признаки, по которым все объекты примерно одинаково распределены по значениям этих признаков. С помощью признаков первого вида можно квалифицировать изучаемые явления с точки зрения центра и периферии (вторые для этой цели не пригодны). В зависимости от точки отсчета одно и то же явление по одному и тому же признаку может быть центральным и периферийным, таков, например, признак "способность/неспособность корня функционировать в виде слова в языке" : по отношению ко всем словам языка, среди которых преобладают производные, это будет периферия ; по отношению ко всем корням, учитывая и те, которые не могут функционировать как свободные корни, это будет центр (см. Глава IV).

Многомерное рассмотрение различных совокупностей объектов выявляет наличие "промежуточных" объектов, характеризующих переход от одного типа объектов к другому. Надо выяснить не только принадлежность объектов к тому или иному типу, но "вес" их по отношению к этому типу, а также степень их сходства с объектами (единицами) других типов, то есть выявлять "полосу размыва" между типами. Переход между классами скорее постепенен, чем скачкообразен.

Материал и его источники

В качестве материала исследования, подвергаемого многомерному признаковому анализу, взяты только исконные (за редким исключением) морфемы русского языка и структуры русских слов,

отобранные (согласно выдвинутым критериям) из общего запаса структур слов и морфем русского языка, содержащего помимо исконных русских слов многочисленные заимствования.

Сбор материала для любого исследования (и особенно в области морфемики) – процесс необычайно кропотливый. Для настоящей работы материал собирался по предварительно сделанному самим автором (при участии Т.Ф.Ефремовой) "Словарю морфем русского языка", в котором представлено более 52 тыс.слов, состоящих приблизительно из 5 тыс.морфем (среди них около 4400 корней, 70 префиксов и более 500 суффиксов, в том числе и "аномальных", встречающихся в одном или нескольких словах).

Материал пополнялся из других источников:

1) из имевшихся в распоряжении автора словарей морфем и словарей морфемного состава слов русского языка, в которые вносились в процессе работы коррективы, поправки, касающиеся членения слов и объединения морфем (алломорфем) в морфемы согласно принятому в работе методу членения, а также

2) из разного рода словарей-справочников, таких, как: Граудина, Ицкович, Катлинская (1976), ООДС (1973), Букчина, Калакуцкая (1974), Колесников (1978), Обратный словарь (1974), Засорина (1977), Засорина (1979), Котелова (1980, 1981, 1982, 1984, 1986а,б, 1987), Елитте (1982 и 1984) (полный список источников см. в библиографии, раздел Словари).

В настоящее время для русского языка создано около 20 словарей морфемного состава слов и собственно словарей морфем, преимущественно корневых.

Составление словарей – необычайно трудоемкое занятие; лексикографическая работа, требующая большой затраты сил и времени

лексикографа, получила в свое время красочную оценку в эпиграмме гуманиста эпохи Возрождения Жюль Сезара (Юлия Цезаря) Скалигера (1484-1558) (эпиграмма известна в России в переводе Феофана Прокоповича (1681-1736) под названием "К сложению лексиков"):

Если в мучительские осужден кто руки,
ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкие работы мест рудных.
Пусть лексик делает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет.

Однако если для лексикографа словарь оборачивается прежде всего своей теневой стороной и составители словаря испытывают лишь "муку", то для человека, пользующегося им, словарь - источник многих интересных находок, облегчающий сбор материала для исследования.

Каждый словарь обладает своими возможностями, несет свою информацию, как явную, так порою и скрытую от поверхностного взгляда. Словари морфем в этом смысле не представляют исключения. Составитель словаря, разумеется, не может предвидеть всех запросов читателей, которые нередко замечают информацию, не замечаемую самим лексикографом.

Вся информация, хранящаяся в словарях морфем, может быть разбита на несколько типов:

- прежде всего это проблема структуры русского слова;
- во-вторых, задачи, касающиеся инвентаря морфем;
- в-третьих, задачи, относящиеся к проблемам гнезда, которое иногда считают самостоятельной единицей словообразования.

С л о в а р и м о р ф е м н о г о с о с т а в а
с л о в а в русском языке⁴⁾ (Потиха 1964 и 1981) позволяют
с достаточной легкостью собрать материал для дальнейшего ис-
следования под каким-либо определенным углом зрения, например,
найти случаи оморфий в пределах одного слова, примеры рекур-
ренции аффиксов, относящихся к периферийным областям морфеми-
ки, определить преобладающую в структуре слова и периферийную
глубину слов (см.Глава III), установить основные виды моделей
строения слова (последнее было сделано также в лаборатории
Экспериментальной фонетики при ЛГУ (Уровни языка 1986) по ма-
териалам словаря Уорта, Козака, Джонсона (1970), содержащего,
к сожалению, слишком много явных ошибок, чтобы им можно было
пользоваться без должной осторожности и корректировки для пос-
ледующих работ в области морфемики), а по ним - нарушения в по-
рядке следования морфем в русском слове и т.д.

В некоторых современных словарях и теоретических исследо-
ваниях решаются комплексно вопросы членимости и словообразова-
тельной структуры слова. Такого типа двуаспектные словари от-
ражают морфемный состав слова и дают материал по словообразо-
ванию (Амиров 1975, Засорина 1979, Шеляховская 1980; ср. так-
же: Сикорская 1985).

Богатый материал по периферийным явлениям в области мор-
фемики можно собрать по разным типам с л о в а р е й м о р-
ф е м, среди которых наиболее разработаны принципы составле-

⁴⁾Ср. аналогичные словари морфемного состава слов старославян-
ского языка (Миклошич 1845), белорусского языка (Бордович,
Шакун 1975). Для чешского языка составлен словарь морфемного
состава слов, в котором слова даются не в прямом, а в обрат-
ном порядке (Славичкова 1975).

ния так называемых корнесловов - словарей корней.

В настоящее время для русского языка существуют **к о р-
н е с л о в ы** трех типов:

- корнесловы с элементами толкования значений корня или без них (Волконская, Полторацкая 1961; Уорт, Козак, Джонсон 1970) и с переводом значений корня на другой язык (Патрик 1938, Юшманов 1968, Гриббл 1973 и 1981; Броунинг 1985; ср. Матюшонок 1983);
- корнесловы, в которых сопоставляются корни русского языка с корнями других славянских языков (Герман 1975);
- частотные словари корневых морфем (Ашенбрэннер 1971; Кулешова 1976; Оливериус 1976; Засорина 1979⁵⁾).

С л о в а р и а ф ф и к с а л ь н ы х м о р ф е м русского языка представлены в меньшем количестве. Среди изданных можно назвать индексы префиксов и суффиксов русского языка (Потиха 1981, Гриббл 1973 и 1981, Броунинг 1985), экспериментальный словарь 100 словообразовательных формантов русского языка (Бартков 1982. Ср.: Бартков, 1986), толково-сопоставительный русско-украинский словарь служебных морфем (Цыганенко 1982. Ср. толкования значений префиксов в словаре Дыбиной, Щербаевой 1986), а также частотные словари аффиксальных морфем

5) "Справочник-корнеслов", помещенный в приложении к книге пяти авторов (Л.М.Акуленко, Л.Н.Засорина, М.И.Привалова, Э.В.Тисенко, Б.Н.Яковлев) "Образование употребительных слов русского языка" (под ред. Л.Н.Засориной), является на самом деле деривационно-корневым словарем, содержащим 100 самых продуктивных корней русского языка, от которых образовано свыше 2,5 тыс. производных, с указанием частот и количества дериватов.

основы (Кузнецова, Лавренова 1975; Оливернус 1976⁶⁾).

Своеобразной разновидностью словаря аффиксов (более узко-суффиксов) является "Мотивационный диалектный словарь", созданный на материале говоров Среднего Приобья (Блинова 1982-1983), в котором устанавливаются мотивационные отношения слов не только лексические, то есть с однокоренными словами, но и структурные, когда в слове "осознается классификационный признак обозначаемого" (Блинова 1982-1983, с.7), иначе говоря, по аналогии с другими словами, бытующими в языке, выделяется суффикс заглавного слова.

По всем перечисленным видам словарей морфем (корневым и аффиксальным)⁷⁾ удобно собирать сведения о корнях, функционирующих в виде слов; о корнях с нулевой и малой словообразовательной потенцией; о количестве алломорфов, образующих морфему; о длине корней и аффиксов в терминах фонем или графем; об оморфных морфемах и многих других периферийных явлениях.

6) Списки слово-изменятельных морфем русского языка помещены, например, в "Грамматическом словаре русского языка" А.А.Зализняка (1977), в книге З.М.Волоцкой, Т.Н.Молошной, Т.М.Николаевой "Опыт описания морфологии русского языка" (1964).

7) Своеобразную контаминацию словаря морфемного состава слова и словаря морфем представляет словарь И.М.Карлсен и П.М.Эдвардса (1955), имеющий, впрочем, узко практическое назначение - "помочь изучающим русский язык правильно употреблять изменяемые формы, ударение и чередование, свести до минимума затраты усилий при освоении иностранного языка. Оригинальность данного пособия заключается в том, что в нем делается попытка применить систему кодифицирования информации при помощи цифровых и буквенных кодов и многочисленных схем в целях более полного описания русской грамматики" (Кузнецова 1957, с.121).

Структура работы

Композиция работы определяется поставленными задачами.

Глава I содержит обоснование методов членения слов на морфемы и полученных в результате предложенного метода структур слов и инвентаря русских морфем, из числа которых отбирался затем материал для настоящего исследования. В этой главе описываются (в самых общих чертах) разногласия по поводу морфемного и словообразовательного анализов, рассматриваются основы и принципы морфемного анализа: роль семантического критерия при морфемном анализе, проблема эквивалентных решений; хронологические границы синхронного морфемного анализа; историческая изменчивость инвентаря морфем и структура слова. Подробно разбирается сопоставительная методика членения слов, в известный ранее метод исследования вносятся коррективы и оцениваются вытекающие из них преимущества.

Поскольку материалом для анализа служат только явления, относящиеся к периферийным в области морфемике, то в главе II дается трактовка понятия периферии, связанная с параметризацией морфем, обсуждается сложный вопрос выбора параметров для анализа различных языковых явлений, и отвергаются попытки сближения понятия периферии с понятиями ненормы, асистемности, асимметрии. При многомерном признаковом подходе к описанию языка предлагаются количественные критерии центра и периферии.

Основные разделы работы - главы III и IV - посвящены анализу конкретных периферийных явлений морфемике в систе-

ме языка (в словаре). При этом в г л а в е Ш рассматриваются по нескольким основным и многим дополнительным признакам периферийные явления в морфном составе слова, взятого в его исходной (словарной) форме (на примере понятий глубины слова, порядка морфем в слове, оморфности и др.), а в г л а в е IY - периферийные явления в инвентаре морфем (среди корней и аффиксов основы), изучаемых также с помощью различных признаков. Насколько позволяет ручная обработка материала, выявляются корреляции, существующие между отдельными периферийными явлениями.

В г л а в е Y кратко анализируются периферийные явления морфематики в тексте, устанавливаются их отличия от аналогичных явлений в словаре.

В З а к л ю ч е н и и подводятся итоги исследования, осуществленного (приблизительно по 20 параметрам, периферийных морфем и структур слов в русском языке. Заключение демонстрирует преимущества многопризнакового, фасетного подхода к анализу языка по сравнению с иерархическим, таксономическим. Периферия в области морфематики определяется с точки зрения параметрического подхода к описанию языка, благодаря чему по каждому параметру могут быть выделены свои центральная и периферийные зоны. Наконец, в Заключении говорится о возможном практическом применении результатов исследования и их теоретической ценности.

Г Л А В А I

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И МЕТОДЫ МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА .

ОБОСНОВАНИЕ ИНВЕНТАРЯ РУССКИХ МОРФЕМ .

Язык организован так, что с помощью сравнительно небольшого числа морфем (минимальных значимых частей слова) и благодаря их все новым и новым комбинациям может быть построено великое множество слов. Если бы язык не был таковым, он был бы непригоден для своей задачи: носителям коммуникативной системы, состоящей из неповторяющихся единиц, понадобилась бы чудовищная память.

При практическом акте речи нет необходимости знать устройство слова. Если же заходит речь о строении слов, о членении их на части, это значит, что перед человеком возникает исследовательская лингвистическая задача - задача проведения морфемного анализа, - и каждый решает эту задачу в меру своих знаний, представлений, способностей. Морфемный анализ напоминает работу со скальпелем, с помощью которого вскрываются различные наслоения морфем в слове. Знание того, как устроены слова, имеет большой прикладной смысл: оно может быть использовано при обучении иностранным языкам, например, при изучении русского языка как иностранного (Волконская, Полторацкая 1964 , Гриббл 1973, 1981; Браунинг 1985), при обучении грамоте, при решении задач машинного перевода. Очень важным представляется возможное применение списка корней в качестве контрольного при автоматическом членении слов на морфемы, а если дополнить его сведениями о частоте встречаемости корней, - в целях рационального размещения списка в памяти ЭВМ. При дополнительной статистической обработке инвентарь морфем, полученный в результате морфемного анализа, может быть применен

для записи информации на машиночитаемые носители, для контроля текстовой информации; им можно пользоваться при изучении особенностей различных функциональных стилей, изучении их исторического развития и даже судить о словотворчестве писателей (Ля-тина 1978). Отсюда становится понятным и естественным то внима-ние, которое привлекает к себе морфемный анализ и тот раздел язы-кознания, который занимается морфемным анализом, - морфемика.

Многие вопросы, касающиеся строения слов и их образования, активно обсуждаемые лингвистами в XX столетии, были намечены в глубокой древности¹⁾. Изучение морфемного строения слова и ис-

¹⁾ Вопрос о том, как устроены в языке слова, т.е. из каких частей они состоят, каково назначение каждой части, как функционируют определенные части слова, имеет более чем 2000-летнюю давность. Уже в V веке до н.э. Яска (предшественник Панини) в "Нирукте", отразившей успехи грамматического знания индусов, заметил и отграничил друг от друга словоизменение, словообразование и словосложение (теория словосложения, разработанная в индийской грамматике, используется и в настоящее время; в лингвистическую терминологию прочно вошли, например, названия структурных ти-пов сложных слов - бахуврихи, двандва, татпуруша); он отметил также изменения, которые претерпевает значение корня в различ-ных производных. К IV в. до н.э. индийские грамматисты четко различали словообразование и словоизменение, а в структуре сло-ва - корень и аффиксы. По сложившейся традиции в работах древ-них индийских грамматиков и даже в словарях корни давались обычно списком с толкованием их значений. В IV в. до н.э. Па-нини проводит классификацию корней, говорит о простых и произ-водных "корнях", о функции различных элементов слова, которые выделяются методом сопоставления однокоренных слов, напоминая тот метод, который получил теоретическое обоснование и шли-фовку в работах лингвистов XX века.

У древних индийцев, греков, римлян мы находим также в об-щей форме постановку некоторых чисто словообразовательных проб-лем. Так, в работах римского грамматика Варрона (II в. до н.э.) делаются попытки (впрочем, обычно неудачные) определить направ-ление образования слов, мотивировку одного слова другим, обсужда-ются вопросы изменения значений слов через изменение их форм.

следование образования слов столетия шли рука об руку, не подвергаясь отдельному рассмотрению и не получая статуса самостоятельности. Лишь в XX в. лингвисты обнаружили и осмыслили это различие.

РАЗНОГЛАСИЯ ПО ПОВОДУ МОРФЕМНОГО И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО АНАЛИЗОВ

В 70-80-е годы XX века стали особенно заметны теоретические разногласия по поводу морфемного и словообразовательного анализов: так, нередко идет речь о морфемном анализе в противоположность словообразовательному синтезу (Милославский 1980); порою высказывается мнение, что морфемный состав слова - поверхностная структура в словообразовании, а сама словообразовательная структура - глубинная структура (Соболева 1980, с.90); наконец, морфемная структура слова противопоставляется словообразовательной и формообразовательной, то есть обсуждаются вопросы тройкой внутрисловной структуры слова (Динамика структуры 1982, с.76-85; Богданов, Евтюхин 1983; Уровни языка 1986; ср.: Толстая 1982). Вопросы соотношения морфемного и словообразовательного анализов обычно неосознанно (а порой и сознательно) связываются со спорами о двух возможных подходах к выделению основных единиц языка (Алпатов 1982) - словоцентрическом, когда исследователь идет от слова либо к новому слову, либо к его части - морфеме (европейская традиция), и несловоцентрическая, когда исследователь ведет свой анализ от морфем (или даже фонем) к более крупным единицам или от сочетания слов к более мелким единицам (восточная традиция, а также дескриптивистская, ориентированная первоначально на бесписьменные языки индейцев Северной Америки). Может быть и

комбинирование обоих подходов, наблюдаемое достаточно часто.

Противопоставление морфемного и словообразовательного анализов не снимает вопроса о существовании одновременно и взаимозависимости обоих анализов.

При словообразовательном анализе, выделяя и определяя производящую основу, часто приходится учитывать чередования, сведения о которых дает морфемика, устанавливающая алломорфы. Формант как основное средство словообразования также выделяется при морфемном анализе.

Морфемный анализ мало зависит от словообразовательного, так как обычно при членении слова используется сопоставительный метод, при котором практически не учитывается, что от чего образуется (эта проблема возникает лишь в сравнительно редких случаях при членении суффиксальных последовательностей: см. примеры с прилагательными на -чат ; примеры с отглагольными существительными типа зеленение, которое может быть соотнесено с глаголами и зеленеть, и зеленить, в результате чего меняется членение слова: в первом случае - зел-ен-е-ни-е, во втором - зел-ен-ени-е). Когда идет речь о взаимосвязи морфемики и словообразования, то необходимо учитывать также существование пограничных областей между словообразованием и словоизменением, которые в равной мере обслуживаются нередко одними и теми же морфемами. Например, в словах лес-а "строительные"; кум-а, ряб-а; очк-и, счет-ы (как существительных *Pluralia tantum*) соответствующие окончания, по мнению А.Г. Лыкова (1976) , превращаются в суффиксы, становятся реляционно-деривационными; аналогично в сложных словах соединительными элементами (интерфиксами) между корнями могут быть застывшие флексии: тр-ех-этаж-н-ый, с-ум-а-с-шед-ш-ий,

верт-и-хвост-к-а и т.п. Случаи дефектной парадигмы (типа вверх тормашк-ами, без просып-у, без удерж-у, на корточк-ах и др.) могут интерпретироваться также двояко - как имеющие либо суффиксы (-ами, -и, -у, -ах), либо окончание в неполной парадигме. Такие бифункциональные морфемы можно называть амбификсами, однако это не новый класс морфем: в этом случае речь идет лишь о выступлении морфем одного класса в функции другого класса. Вместе с тем при наличии в языке явлений подобного рода можно было бы говорить об омоморфии особого типа (см. глава IV).

Сравнение морфемного и словообразовательного анализов позволяет говорить прежде всего о расхождениях обоих анализов, о том, что "два этих типа анализа должны проводиться порознь, строиться как самостоятельные исследования, использующие свою методику, и опираться на разные исходные принципы" (Кубрякова 1974, с.216).

Лингвист, занимающийся морфемным анализом, интересуется констатацией наличия в слове определенных морфем, описанием морфного состава слова, фиксацией того, как сделано слово. В свое время Л.В.Щерба писал, что правила словообразования сводимы к тому, "как можно делать новые слова. Вопрос же о том, как сделать готовые слова, - дело словаря, где должна быть дана делимость слова" (Щерба 1945, с. 181). Говоря словами Зд. Оливериуса, "для морфемного анализа характерен путь от слова к морфеме, для словообразовательного анализа путь от (фундированного) слова к (фундирующему) слову. С точки зрения морфемного подхода слово состоит из n элементов (морфем), причем n приобретает разные значения (от одного до 11 - А.К.). С точки зрения словообразовательного подхода слово состоит из двух элементов: словообразователь-

ной основы и словообразовательного форманта (Оливерius 1967, с.12), например, слово переосвидетельствование с точки зрения морфемного анализа имеет в своем составе на материале письменного варианта языка 11 элементов (пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ни-е), а с точки зрения словообразования - два (переосвидетельствова/ть/ → переосвидетельствование).

В дальнейшем речь пойдет об основах и принципах только морфемного анализа.

ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА

Разработка теоретических основ и принципов собственно морфемного анализа (чем занимается раздел языкознания морфемика) была начата в работах американских дескриптивистов²⁾. Их труды получили широкую известность в русском языкознании в середине нашего века. В то же время независимо от работ американских лингвистов в русском языкознании также закладывались основы морфемного анализа, цели и задачи которого к настоящему времени сформулированы достаточно четко (РГ-80, с.123-142).

Задачи морфемного анализа

Морфемный анализ - это операция, цель которой состоит в определении инвентаря морфем того или иного языка. Для достижения этой цели необходимо решить задачи, состоящие в выявлении и систематизации морфем в языке, в установлении законов их функционирования и соединения.

²⁾ Дескриптивисты выделяли три ступени морфемного анализа:

1. Сегментирование текста (синтагматическая идентификация морфем);
- II. Классификация алломорфов по морфемам (парадигматическая идентификация морфем);
- III. Установление системных отношений, группировка морфем в более крупные дистрибуционные классы.

- 1) Выделение минимально значимых элементов слова - морффов (Обычно о морффах говорят в процессе сегментирования текста^и слов, а о морфемах - в процессе анализа);
- 2) описание аранжировки (правил сочетаемости) морффов;
- 3) сведение (или несведение) их в одну морфологическую единицу (морфему) в качестве ее вариантов (алломорффов);
- 4) описание строения морфем и
- 5) их классификация по месту в слове и функции, иначе - определение видов (классов) морфем.

При решении этих задач частично бывают затронуты задачи морфонологии - дисциплины, изучающей закономерности фонологического оформления морфем.

Решение двух первых задач позволяет говорить об основных закономерностях и особенностях структуры слова в русском языке, а решение остальных задач связано с проблематикой инвентаря морфем (его объема, значения и статуса морфем и т.д.).

Роль семантического критерия при морфемном анализе.

Значение морфем и их возможная десемантизация.

Морфемы как единица морфологического (грамматического) уровня языка - единица билатеральная, двусторонняя. Изучать ее можно с точки зрения и плана выражения, и плана содержания, причем полного соответствия между этими двумя планами нет, что будет отмечаться в дальнейшем неоднократно.

В плане выражения предметом исследования может стать

- 1) фонемный и слоговой состав самих морфем, их ритмическая структура; 2) дистрибуция морфем (при этом необходимо учитывать не только и не столько фонемную дистрибуцию, сколько морфемную,

то есть учитывать аранжировку морфем (РГ-80, с. 126-127),

3) морфема как совокупность алломорфов (в этом случае затрагивается неминуемо и план содержания).

В плане содержания предметом исследования при морфемном анализе является прежде всего значение морфем (помимо упомянутого сведения алломорфов в морфемы, при котором обычно используется семантический критерий),

С точки зрения значения морфемы делятся на понятийно-вещественные (этим значением обладает лишь корень слова, если не произошло его десемантизации вообще, если значение не редуцировалось до нуля) и грамматические, включающие деривационные (словообразовательные) и реляционные (словоизменительные) значения.

Значение основных морфем можно определять, только исходя из значения слов, в состав которых входит та или иная морфема. От разнообразия и широты значений производных, входящих в одно гнездо, зависит степень определенности значения корня. Сравнительно легко можно определить понятийное (вещественное) значение свободного корня (особенно не многозначного), но оно с трудом определимо для связанного корня, где наблюдается десемантизация (семантическое выветривание) корня, и тем более для аффиксов, у которых можно констатировать лишь структурное или словообразовательное значения.

По словам С.И.Богданова, "всякая попытка выделить более или менее определенную смысловую общность, присущую корню во всех его употреблениях, и на основании этого противопоставить корневую морфему другим разновидностям морфем оказывается неудачной" (Богданов 1984, с.12). Сама природа морфемного значения, известная его семантическая неопределенность, "неосвязаемость" (Богда-

нов 1980, с.82-86) позволяют говорить о семантической вариативности морфем, возможной в широких пределах. В самом деле, если допустимо фонетическое (формальное) варьирование морфемы, то должно быть допустимо и ее семантическое варьирование, на чем настаивает, например, Г.С.Чинчлей (1980) (напротив, Р.С.Манчуриян (1981, с. 136) считает, что варьирование в плане выражения не сопровождается параллельным, симметричным изменением в плане содержания, которое Р.С.Манчуриян называет аллосемией). Это вполне естественно: поскольку наблюдается большая вариативность производных, часто бывает трудно найти общую сему для разных вариантов (алломорфов) корня (иногда вариантами называют только те алломорфы, которые находятся в отношении не дополнительной дистрибуции, а свободного варьирования (Белошапкова 1981, с.141)), что не может не сказаться на "значении" корня. В одних случаях производное как бы включает в себя значение целого выражения, и это отражается на значении корня: насобачиться = собаку съесть, смотаться = смотать удочки, вздыбиться = встать на дыбы, баклушничать = бить баклуши. В других случаях в результате семантической вариативности производного возникает десемантизация корня или полный семантический разрыв со значением непроизводного слова. Так, в глаголе бедокурить легко вычленяется при морфемном анализе второй компонент - курить, но значение его в литературном языке невосстановимо, неизвестно (-курить связано с диалектным курить "гулять, кутить", то есть бедокурить "кутить на беду"). Ср. также: колченогий с десемантизацией корня -колч- (в диалектах есть существительное колча "хромой", глагол колтать); богательня с исчезнувшим дѣлн "ради"; тунеядец с неизвестным теперь туне "даром" (устар. втуне еще известно, хотя и не широко).

Иногда при объяснении значения приходится обращаться к экстралингвистическим факторам, как, например, при анализе эпонимов.

Десемантизация корня особенно часто наблюдается в сложных словах, компоненты которых иногда превращаются в полуаффиксы (аффиксоиды, см. Глава IV, с. 295-299; Ср.: Бартков 1980, 1982, 1986; Степанова 1979), смутно сохраняя связь со значением слова, типа -образный, -подобный, -видный, а иногда (в иностранных словах и корнях) совсем его утрачивая: палеолит, где выделяются палео- (ср. палеозой, палеозавр, палеоазиат, палеотерий) и -лит (ср. монолит, ангаралит³⁾, литосфера, литография), на русской почве полностью десемантизированные. Таким образом, могут быть членимыми слова, в которых какая-то определенная часть (даже при утрате значения!) регулярно повторяется в других словах языка. Обязательным, видимо, является условие, чтобы десемантизированный корень имел какое-то понятийное значение либо в другом языке, откуда слово заимствовано, либо в диалектах. В этом смысле можно говорить об обязательности значения у корня, но не обязательности его явного проявления. В факте "отсутствия" у морфемы значения можно видеть асимметрию плана выражения и пла-

3) Е.А.Земская считает, что в названии минерала ангаралит элемент -л - интерфикс: ангара-(л)-ит (Белошапкова 1981, с.177). Данное образование правильнее трактовать как сложное слово со вторым компонентом -лит. Ср.: метеоролит, статолит, текстолит, хризолит и др. в отличие от уралит, байкалит, эмалит, где финаль корня -л, а суффикс, действительно, -ит.

на содержания на морфологическом уровне. Со времени появления работы С.Карцевского (1929/1965) лингвисты часто говорят об отсутствии полного параллелизма между планом выражения и планом содержания, в том числе и у морфем (Чинчлей 1975, Кубрякова 1980, Алпатов 1980 и др.). Е.С.Кубрякова, говоря о корреляции формы и содержания у класса служебных морфем, выделяет ядро класса - морфемы, представленные определенными фонологическими последовательностями и наделенные определенными значениями, и две окружающие его размытые зоны - одна образуется морфемами, не имеющими фонологического облика ($\emptyset$), а другая - морфемами, не передающими никакого содержания (асемантическая морфема) (Кубрякова 1980, с.80-85).

То же, но в еще большей степени можно сказать о значении аффиксальных морфем, которые в подавляющем большинстве своем прошли в прошлом стадию форманта, то есть аффикса, непосредственно образующего новое слово от какой-либо производящей основы. Став затем частью этой производящей основы, бывший формант утратил значение, которое можно было ему приписать в момент образования нового слова, приобрел лишь структурное значение, стал десемантизированным, незначимым. В русском языке достаточно много морфем, сохранивших выделяемость в плане выражения, но утративших выделяемость в плане содержания (Алпатов 1980). Этот процесс десемантизации аффикса может быть проиллюстрирован примером рекуррентных суффиксов, то есть суффиксов, повторяющихся в слове дважды: воск-ОВ-ник-ОВ-ые, груб-И-ян-И-ть, долж-Н-ост-Н-ой, о-драх-Л-е-Л-ый, по-верх-Н-ост-Н-ый, порт-Н-яж-Н-ый, пояс-Н-ич-Н-ый и т.п. (подробнее см. Глава III). Значения всех находящихся за корнем суффиксов, кроме последнего, уже не определимы в составе сло-

ва и вообще в первый момент не ощущаются ни говорящим, ни слушающим. При морфемном анализе можно на равных основаниях говорить о значимых отрезках - морфах (морфемах) и о "незначимых", часто называемых субморфами. (Иногда говорят (Г.С.Чинчлэй) о членении (членимости) слов, когда выделяемы только значимые морфы, и о сегментации, если выделяются субморфы, иначе - морфы, не имеющие значения).

В определенном смысле можно утверждать, что при морфемном анализе все (об исключениях см. Глава IV, с. 290) морфы будут "значимы", но это будут "значения" различного рода и степень их выявленности будет различна. - понятийно-вещественные (у корней; при этом возможны десемантизированные корни), словообразовательные/деривационные (у аффиксов, равных формантам в словообразовании), структурные, всегда асемантичные (у субморфов), обычно связанные по происхождению с формантами или корнями при словосложении. Десемантизированные (асемантичные) аффиксы можно интерпретировать по-разному. Так, в слове ремешок с точки зрения морфемного анализа, учитывая не только литературный язык, но и диалекты, и просторечие, можно 1) произвести членение рем-ешок, где корень -рем- выделяется благодаря сравнению с диалектными ремье, ремуха, а также по аналогии с корнями -кам- или -греб- (ср. камень и камушек, гребу и гребешок), или 2) рем-еш-ок, если учитывать чередование ен/еш (ср. камень/камешек, гребень/гребешок, а также в корнях баран/барашек, черенок/черешок). "Незначимый" -еш представляет тогда как субморф, внутриморфемный сегмент, который восполняет морф и может быть представлен равновероятно и как рем-(еш)ок, и как рем-еш-ок и будет лишь структурно значимым. С точки зрения словообразования в слове ремешок возможно лишь одно членение

ремен-ок (ср. ремень). Варьирование значения при словообразовательном анализе возможно только "в узком диапазоне", то есть допустимы минимальные расхождения в значении корневой морфемы или основы. Не случайно у Е.Л. Гинзбурга строятся разные гнезда для сшить и подарить, а у А.Н. Тихонова разводятся в разные словообразовательные гнезда жить и живой, петь и петух.

Таким образом, семантический критерий отступает на второй план при морфемном анализе, в котором на первом месте стоит формальный критерий определения строения слов (в отличие от словообразовательного анализа).

Проблема эквивалентных решений при морфемном анализе

Одно и то же слово в силу многообразия структурно-семантических ассоциаций его с другими словами языка можно одновременно соотносить с несколькими мотивирующими словами (основами). Это неизменно приводит к появлению параллельных синхронных различий как деривационных структур (при словообразовательном анализе), так и морфемного состава слова, особенно его постфиксальной части (при морфемном анализе).

При морфемном анализе необходимость в соотнесении производных с различными производящими (когда приходится учитывать направление производности) возникает, как правило, в целях выделения не корня в слове, а того или иного аффикса (что наблюдается достаточно часто). Это соотнесение обычно ведет к равновероятному допущению двух различных аффиксов (а отсюда иногда и корней) в слове. Эквивалентные членения наблюдаются во всех частях речи. Так, прилагательное дырчатый может члениться двояко: дыр-ч-ат-ый или дыр-чат-ый в зависимости от того, считаем ли мы мотивирующей

основой существительные дыра или дырка. Точно так же при установлении морфемного состава прилагательных выемчатый, ворсинчатый, бугорчатый и им подобных возможны двойственные решения, зависящие от того, как исследователь трактует мотивированность данных слов, которые в равной мере могут быть соотнесены со словами выем и выемка, ворсина и ворсинка, бугор и бугорок (соответственно суффиксы в них будут либо -чат, либо -ч-ат. Ср. бурчатый, узорчатый с суффиксом -чат и бородатый, полосатый, хлопчатый, с суффиксом -ат). В то же время решение о членении прилагательного опойчатый (несмотря на наличие в языке слов опой и опоек) может быть только одно: в слове опойчатый необходимо выделить два суффикса: -ч, чередующийся с -ек, и -ат, так как опойчатый значит "сделанный из опойка", то есть из шкуры молочного теленка, опойка (существительное опой означает "действие или состояние по значению глагола опойть и опиться" и опойчатый, таким образом, от него произведено быть не может).

В звукоподражательных глаголах (типа гавкать, каркать, крякать, мяукать, хрюкать) также возможно эквивалентное членение: корень выделяется путем сопоставления с незафиксированными в словах междометиями: хрю-хрю, кря-кря, мяу..., то есть в подобных глаголах вычленяется суффикс -ка (кря-ка-ть, мяу-ка-ть), а в других случаях его усеченный вариант -к (обычно в сочетании с суффиксом -ну, -в: хрю-к-ну-ть, кря-к-в-а...), хотя можно было бы суффикс -ка трактовать не как единый суффикс, а как последовательность -к-а-ть (ср. гавк, кряк).

В глаголах на -ну разумно суффикс всегда рассматривать целиком как -ну, хотя есть формы -н-ешь, -н-ет и проч., и нередко можно говорить о происходящем наложении морфем, как в слове

пнуть (ср. пнешь). Однако обычно в тех случаях, когда предполагается наложение морфем, например, префиксов и корней или корней и суффиксов в словах призба (диал. "завалинка"), придя, разевать, разиня, рассориться, пнуть, чествовать, властвовать, регоист и т.п., говорят не об эквивалентном членении, а о равновероятном усечении какой-либо одной из двух наложившихся друг на друга морфем в пользу другой или о равновероятном отнесении наложившегося элемента к обоим морфемам одновременно. Исследователю попеременно приходится "принимать сторону" либо корня, либо аффикса. Если лингвист занимается изучением корней, то бывают "соблюдены интересы" корня (-власт-, -чест-, -по-, -зев-, -зи-, -изб-), если аффиксами, - "интересы" суффиксов (обычно сохраняется суффикс -ну, как в п-ну-ть) и префиксов (раз- в разиня, разевать, при- в призба, приду и т.д.) (о наложении морфем много писали Земская 1964, Банский 1968; ср. Янко-Триницкая 1972 и др.).

При допущении эквивалентного членения (что связано с существованием параллельных мотивировок) лингвист может выбрать и такой вариант, который совпадает с исторической структурой слова, поскольку в словах современного русского языка мы сплошь и рядом обнаруживаем напластования, дошедшие до нас от прошлых веков, напластования, которые имеют право быть отраженными в словаре морфем наряду с продуктивными элементами настоящей эпохи.

Если же существование различных равновероятных мотивировок не ведет к появлению разных морфем, то мотивационные отношения при морфемном анализе не принимаются во внимание вообще (в то время как при словообразовательном анализе этот вопрос не только учитывается, но и часто остро дискутируется). Так, судя по словарю А.Н.Тихонова (1978), возможны разные пути образования следующих слов:

продырявить ---> продырявиться ---> продырявливаться или
продырявить ---> продырявливать ---> продырявливаться.
Ср.: быстрый ---> быстренький ---> быстренько или
быстрый ---> быстро ---> быстренько.

В подобных случаях одно производное может иметь две или даже три производящих основы, другими словами, может быть сопоставлено с несколькими словообразовательными структурами, но это никак не отражается на морфемном членении. Например, П.А.Соболева предлагает шесть трактовок для образования прилагательного безгрешный в русском языке (Соболева 1980, с. 21). По этому поводу невольно вспоминается диалог Алисы и Шалтая-Болтая из сказки Л.Кэрролла "Алиса в Зазеркалье": "И все это в одном слове? - сказала задумчиво Алиса. - Не слишком ли это много для одного! - Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему свехурочные, - сказал Шалтай-Болтай" (Лит.Пам., М., 1978, с. 177). Как писал в свое время Ф.Шимкевич, "каждый судит по-своему; а кто на всех угодил, тот еще не родился" (Шимкевич 1842, с. XIV). Эти слова могут быть отнесены как к словообразовательному, так и к морфемному анализу.

Историческая изменчивость инвентаря морфем и структуры слова. Хронологические границы синхронного морфемного анализа

Дериватологи склонны считать все случаи существенного изменения значения слова достоянием истории (при этом ориентация бывает лишь на языковое чутье самого исследователя). Причем, возможное варьирование значения понимается очень узко, например, никак не связываются слова живот и жить, забыть и быть, петух и

петь, заставить (что-либо кого-либо сделать) и ставить/стать и т.п. При морфемном анализе ориентация на семантику минимальная; изменение значений слов обычно не влечет за собой изменения в членении. Впрочем, изменение в значении иногда бывает весьма существенным; если при этом в силу каких-то причин изменилась и орфография такого слова, то расхождение в значении закрепляется орфографией (например, слово калач) и тогда, естественно, изменение значения (при одновременном изменении орфографии) выступает причиной изменения структуры слова и запаса самих морфем. Так, в слове калач уже невозможно выделить корень -кол-, который легко было вычленишь в существительном при написании колач (ср. колесо, двуколка). В слове поленика "растение семейства розоцветных" сейчас можно выделить аномальный остаточный суффикс -еник, который, впрочем, по аналогии с другими названиями растений (голубика, куманика) может быть расчленен и на два: -ен-ик или -(ен)-ик. Старое написание слова поляника позволяло соотносить его с существительным поляна и выделять, следовательно, два суффикса -ян и -ик.

Причудливую судьбу, вопреки этимологии М. Фасмера, испытали современные прилагательные вальжный и существительное вальжность (ср. диал. вальжничать и вальжиться) с корнем -вальж-. По говорам встречаются синонимичные в отдельных или во всех значениях слова вальжный, вальчный, вальвочный, вальшательный и вольшательный, а в старорусский период существовали формы вольчанный, вольшанный "литой, вылитый" (СлРЯ XI-XIII), связанные с глаголом вольяти "вливать". Естественно, что ни о какой связи с корнем -ли-/-ль- сейчас не может быть и речи, тем более, что в современном языке отсутствует приставка *ва - (написание вальжный появляется с XIII в.).

Изменение корневого запаса языка может происходить за счет далеко не малочисленных случаев народной этимологии, с которыми невозможно не считаться исследователю инвентаря морфем.

Иногда высказывается мнение, что инвентарь морфем языка в основе своей должен быть один и тот же для разных периодов существования языка. Однако на деле ни о каком постоянном для всех веков запасе морфем не может быть и речи. В настоящее время не известен даже с достаточной точностью процент корней, общих для XI-XХ веков (не говоря уже об аффиксах) (Андреевская 1987).

Морфный (морфемный) запас русского языка постоянно изменяется в силу различных причин.

Прежде всего, в результате заимствований состав морфем пополняется новыми корнями и аффиксами, из которых некоторый процент корней (в меньшей мере аффиксов) в каждую эпоху адаптируется языком.

С другой стороны, в результате утраты слов⁴⁾ из языка нередко исчезает производящая основа, что ведет к изменению структуры⁵⁾ слова и появлению новых корней или аффиксов - происходит

⁴⁾ С исчезновением многих слов (особенно одного словообразовательного ряда) исчезли и многие аффиксы, оставшись лишь как раритеты в единичных формах (низ-мenni-ый, стрем-нин-а и др.) (см. подробнее с. 284).

⁵⁾ Изменяется не только структура слова, но и способ ее образования (нередко это совпадает с явлением так называемой редеривации). Например, в существительном суглинок синхронно выделяют обычно конфикс су - ок; исторически же здесь последовательно отмечается сначала префиксация (было слово суглин), затем суффиксация (суглин-ок) (Чинчлей 1974, с.30).

так называемый процесс опрощения, как например, в словах хижи-
на (от исчезнувшего хыжа), ящик (от ѣскъ) и т.п., ставших кор-
невыми. Возможен и обратный процесс - осложнение, или редерива-
ция, хрестоматийным примером которого служит появление существи-
тельного зонт из зонтик и соответственно нового корня -зонт-
(ср. появление корня -ехид- вместо ехидн-, пальт- вместо пальто
и др. (случаи этимологического обратного словообразования состав-
ляют совершенно особую область исследования и здесь не рассматри-
ваются).

Иногда свободный корень переходит в связанный, если после
утраты свободной производящей основы сохраняется несколько произ-
водных (сопоставительный метод позволяет членить у-доб-н-ый,
по-доб-и-е; брезг-лив-ый, брезг-ов-а-ть и др., хотя когда-то
свободные корни доба и брѣзгъ исчезли из языка).

В силу различного рода фонетических изменений, в том числе
древнего упрощения групп согласных, также могут появляться новые
корни (см. широко известные примеры хорь, чан, облако, обладать,
обет, обитель, возопить и т.п.).

Наконец, в современную эпоху развития русского языка помимо
новых морфем, заимствуемых вместе со словами, появляется тенден-
ция к образованию новых аффиксов на основе имеющихся устойчивых
аффиксальных последовательностей (морфемных блоков), приобретших
высокую частоту употребления и семантическую регулярность (см.
с. 173).

Таким образом, предмет морфемного анализа (инвентарь морфем
и морфемная структура слова) находится в состоянии постоянного
изменения, как и язык в целом, и может быть исследован и синхрон-
но, и диахронно. При морфемном анализе различаются синхронное,

историческое и даже этимологическое членения.

Под современным морфемным анализом понимается вычленение в слове морфем на основании сравнения слов, бытующих в языке сейчас, условно - в последние 100 лет (хотя и в разных его подсистемах - в литературном языке, в разговорном, в диалектах, в специальных языках...).

Под историческим морфемным анализом понимается восстановление такого строения основ, которое было возможно в слове до утраты производящей основы и которое порою допустимо и в настоящее время, что можно установить, исходя из принципа аналогии (в этом случае соблюдаются интересы системы в целом в ущерб периферийным системам, расшатывающим существующую систему и способным ее изменить). В древнерусский период до падения редуцированных были принципиально иные корни и аффиксы, чем после их падения. В задачи исторического морфемного анализа входит выявление инвентаря морфем различных прошлых периодов существования русского языка, установление древних моделей слов, дистрибуции морфем и т.д.

Этимологическое членение - область работы этимологов, проводящих анализ форм, например, праиндоевропейского или праславянского языков, с которым практически совпадений современного членения слов не бывает и не может быть, в то время как с историческим членением совпадения достаточно частые (см. например Варбот 1969 и 1984).

МЕТОДЫ МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА

Принципы членения слов на морфемы представляют наиболее сложную проблему морфемного анализа.

Предпосылки морфемного анализа

Предпосылками морфемного анализа служат обычно фонетическое и семантическое сходство сравниваемых элементов (последнее, как правило, вызывает бурные дискуссии). Ограничиваться одним из этих критериев, как например сделал в свое время Ю. Шевелев, сравнивая фонетически сходные, но семантически разнородные части слов, типа ко-синус, ко-лено, ко-лбаса или картоф-ель, карус-ель, фор-ель и т.д., нельзя. При отборе для анализа слов необходимо учитывать в качестве исходных посылок оба названные критерия, добавляя к ним еще и другие, о чем речь впереди.

Мнение о том, что выделение корней в словах происходит с учетом семантики, на которую и необходимо ориентироваться в первую очередь (слово сопоставляется с другими семантически родственными словами, через которые оно может быть истолковано), является общепринятым. При этом смысловая близость членимых слов устанавливается интуитивно, "на глазок", то есть с самого начала членение слова ставится в прямую зависимость от языковой культуры носителя языка, от запаса слов, которым он владеет, от его языкового чутья, иначе говоря, - от его лингвистической компетенции. Как писал в свое время Г. Шухардт, "...дама, которой промышленный рабочий или крестьянин не смогли дать удовлетворительного ответа на вопросы о депутате или колонии, в свою очередь также не ответила бы на вопрос о регуляторе или какой-нибудь части плуга. Подобно тому, как нет двух людей, обладающих словарем совершенно одинакового объема, так и между разными общественными группами, проживающими в пределах одной и той же территории, различия в объеме словаря исключительно велики..." (Шухардт 1950, с.220).

Совершенно очевидно, что семантические ассоциации (там, где они вообще возможны) у разных людей различны (например, для одних слово уголовник оказывается семантически сближенным с существительным угол, для других - с существительным голова; исчадие для одних связано по смыслу с существительным чад, для других - с чадо, для третьих не ассоциируется вообще ни с каким словом; возникают сомнения и при определении того, от чего образовано существительное носски, - от носить или нос и т.д.). Отсюда, естественно, возникают заметные расхождения при определении корня в большом количестве слов, так как семантические связи обычно бывают весьма субъективными и нечеткими, расплывчатыми.

По замечанию Бодуэна де Куртенэ, "не во всех индивидуальных головах участников данного языкового коллектива морфологическая делимость слов представляется одинаково ясною и определленною. Границы между отдельными морфемами бывают и более ясны и более туманны. Некоторые морфемы так ясны, так выпуклы, так резко отделяются от других, что при их определении никто не ошибается. Зато при определении других морфем замечаются значительные индивидуальные различия. Мало того, даже у одного и того же лица, в зависимости от интенсивности языкового мышления в данную минуту, проявляется в разное время различная делимость одних и тех же, по-видимому, слов" (Бодуэн де Куртенэ 1963/1912, с.232).

С целью проверки и подтверждения этого допущения была проведена серия экспериментов (Кузнецова 1972, с.254-258), показавшая, что нецелесообразно при членении слов полагаться только на семантический критерий. Ориентация испытуемых только на значение сравниваемых и членимых слов привела к большому разнообразию в членении, результаты которого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Членимые слова	Число испытываемых, давших соответствующее членение с указанием выделенного корня															Всего
	-мот- пол- доб- оборот-	-мот-о-вил- поле- добл- дор-	-мото- полон- дон- рот-	-мотов- лен- длес- оборотен-	-мотови- поленик- длест- орот-	-мотовил- поленика- добрес- одор-	-вил- добрлесть- об-	-об- добрлесть- об-	-об- добрлесть- об-	-об- добрлесть- об-	-об- добрлесть- об-	-об- добрлесть- об-	-об- добрлесть- об-	-об- добрлесть- об-	-об- добрлесть- об-	
МОТОВИЛО	63	6	7	5	1	16	2	-	-	-	-	-	-	-	-	100
ПОЛЕНИКА	23	2	50	12	3	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	100
ДОБЛЕСТЬ	7	10	8	26	22	4	20	2	1	1	1	1	1	1	1	100
ОБОРОТЕНЬ	41	17	12	4	7	15	2	2	-	-	-	-	-	-	-	100

Используя помещенные в таблице 1 данные, можно определить вероятность (P) того, что испытуемый выберет i -ый вариант членения:

$$P_i = \frac{N_i \pm \sqrt{N_i}}{N},$$

где N_i - число испытуемых, давших i -ый вариант членения, $i = 1, \dots, 8$; полное число испытуемых $\sum N_i = N = 100$.

Интересно, что слова (даже те, значения которых не известны носителям языка, например, тороватый, сутуга, сулой, протори, пованленный, налой, привой, пачеси, гугнивый, изборник и т.п.), могут быть расчленены правильно, если на первый план выдвигается чувство морфологической формы слова, его морфемной структуры и общее представление об аффиксальном инвентаре языка. Такой формальный подход более существенен при членении слова, чем подчас шаткие семантические ассоциации (во всех случаях само собой разумеющимся является фонетическое сходство морфемы в пределах как регулярных, так и нерегулярных чередований, бытующих в языке). Роль значения можно свести к роли "стоп-сигнала", запрещающего относить некоторые слова к данному корню.

Аффиксальные окружения (модели слов), остающиеся после извлечения из слова корня, допускают заполнение их определенными корнями, которые могут быть легко угаданы (а это и есть чувство морфологической формы слова) для подавляющего большинства моделей, так как каждое из этих окружений может соединяться с 1-2-3-4 корнями, существующими в языке. Например, модель о-√ча-ть можно заполнить только корнями -гор-, -зна-, -тяг-; модель √-рѣхонек - корнем -мок-; о-√-дать - корнем -прав-; ис-√-атай- - корнем -ход- и т.д. К сожалению, это невозможно сде-

дать приблизительно для 10% аффиксальных окружений (типа √-ить, √-ний, √-ка, √-ать, √-овый, за-√-ить, по-√-ить, по-√-ать, √-нуть и другие), которые могут соединяться со значительным числом различных корней - вплоть до нескольких сотен. Реконструкция слов по этим "многокорневым" окружениям возможна лишь в контексте, да и то с малой вероятностью. Подобный опыт, проведенный с 10 испытуемыми, показал, что газетный текст расшифровывается в 90% случаев, художественный - в 71%, а специальный (брался лингвистический) лишь в 51% даже при наличии у испытуемого общего представления о терминологии данной области и предмете обсуждения. Возможна и "обратная" реконструкция текста - по корням и окончаниям - и она, как показывает эксперимент, осуществляется более легко (Кузнецова 1972).

Однако ориентированность лишь на морфную структуру без учета семантики слов также чревата серьезными искажениями в восприятии слов; например, выделение приставки по- и суффикса -к в словах полевка, полоска, помадка на основании существующей в языке модели по-√-к-а (ср. по-друж-к-а или по-бел-к-а, по-куп-к-а и т.д.) приводит к ошибочному вычленению ложных корней -лев-, -лос-, -мад- (вместо -пол-, -полос-, -помад-). Особенно легко впасть в ошибку такого рода при членении заимствованных слов. Например, существительное слип может быть формально сопоставлено со словами с-клад-ф, с-пад-ф, с-рез-ф, с-нос-ф и почленено с-лип-ф, что будет грубой ошибкой, так как слип "сооружение в виде наклонной плоскости для подъема и спуска судов на воду" (спец.) пришло в русский язык из английского *slip* и является корневым словом. Следовательно, деление слов на морфемы, полученное только на основании критерия формального строения сло-

ва, только по аналогии с другими морфемными структурами (ср.; Богданов 1984, с. 8-9), производиться не должно; его желательно корректировать во всех случаях смысловым критерием.

Наличие в языке строго определенного инвентаря морфем, как корневых, так и аффиксальных (выделенных на материале бесспорных случаев), имеющих определенные правила аранжировки, позволяет утверждать, что при членении слов более существенным является не семантический критерий, а именно формальный - критерий структуры слова. Таким образом, каждый корневой морф следует проверять 1) с точки зрения существующих в языке других морфем (например, в слове зубровка нельзя выделять корень -бров-, а в слове государство корень -судар-, так как в русском языке нет префиксов зу- и го-; о единичных аффиксах, возможных всё-таки в языке, см. глава IV); 2) с точки зрения хотя бы отдаленного семантического сходства сопоставляемых слов. Но и при учете этих двух сугубо синхронных критериев следует использовать в качестве контроля этимологию слова, помня, однако, что полного совпадения выделенных в современном русском языке корней с этимологическими или историческими корнями во многих случаях нет и быть не может, как, например, в словах с каким-либо утраченным или приобретенным согласным (типа хорь, чан, где; гусеница, восемь) или при заимствовании (например, зонтик, ехидна, квитанция). Возможны также случаи равновероятного с современной точки зрения выделения корня.

Следует подчеркнуть, что использование этимологии (особенно при аналогическом членении) не является отступлением от методики синхронного анализа, вопреки мнению Е.В.Красильниковой (1978, с.73).

Учитывая второй и третий критерии, необходимо давать само-

стоятельные словарные статьи на "омонимичные", точнее оморфемные (Виноградов 1975, с. 13-32; 155-165; 295-312; Соболева 1980), корни, как, например, -1.пол- (пол, половик, половища), -2.пол- (полоть, прополка), -3.пол- (полый, полынья), -4.пол- (половина, исполу), -5.пол- (поле, поляна), -6.пол- (полюс, полярный), -7.пол- (поло, ватерполист) и др. Однако при морфемном анализе существует трудность разграничения "полисемии" и "омонимии", которая особенно сказывается на семантической трактовке суффиксов.

Итак, в основу морфемного анализа языка, в основу исследования строения слова должен быть положен прежде всего чисто формальный критерий, при котором фактор значения используется только эвристически, как источник догадок, или с целью уточнения.

Сопоставительная методика членения слов

Членение слов на морфы осуществляется методом сопоставления. Этот метод хорошо отработан и описан на материале русского языка В.А.Богородицким (1915, с.153-158) и А.М.Пешковским (1956, с.11-22), назвавшим его принципом "двойного сравнения"⁶⁾, позднее - М.В.Пановым (с учетом степеней членимости слова - 1975, с.234-238; 1968, с. 214-216. Ср.: Кубрякова 1974, гл.2, р-лы II, III), а на материале английского и других языков - Дж.Гринбергом (1963, с.81-90. Методика Гринберга известна под названием "квадрат Гринберга") и американскими дескриптивистами (Блумфильд

⁶⁾Ср. более раннее учение о членимости слов, базирующейся на учете формообразовательных и словообразовательных процессов, актуальных для структуры анализируемой словоформы (Фортунатов 1956/1901-1902, с. 136). См. также: Богданов, Евтюхин, 1983.

1938/1933; Найда 1946; Блок, Трейджер 1942; Харрис 1951). Отвечаясь от всех деталей и многочисленных споров, следует напомнить, что суть этого метода сводится к тому, что каждое членимое слово рассматривается на фоне однокоренных с ним слов (вертикальный ряд) и корректируется наличием в языке структурно-тождественных слов, то есть слов, имеющих в своем составе такой же аффикс (горизонтальный ряд).

Можно привести простейший пример, когда данные вертикального и горизонтального ряда позволяют однозначно выделить корень и суффикс в слове кустик:

кустик..... столик, мостик, домик, носик

куст

кустовой

кустистый

куститься

кустище

Однако в русском языке едва ли не больше слов другого типа, в которых выделение морфем не проходит так гладко. Но и в этом случае методом "проб и ошибок" можно получить непротиворечивые результаты. Естественно, что чем большим запасом слов владеет носитель языка (включая слова диалектные, просторечные, специальные, устаревшие и пр.), тем легче ему производить членение и тем надежнее будут результаты этого членения.

Если отказываться от привлечения в качестве сравнительного материала диалектизмов, просторечных слов, специальной лексики, то прежде всего надо принять положение о сосуществующих системах в языке, согласно которому строение диалектных слов отлично

от строения слов терминологической подсистемы и общелитературной лексики. Например, носители современного русского литературного языка, с одной стороны, и носители вологодского, архангельского или костромского диалектов, с другой стороны, неминуемо должны по-разному членить слово назойливый, поскольку в говорах есть семантически сходные слова назойистый, назой, зойтсья, зойливый, зой и т.п., отсутствующие в литературном языке (впрочем, результаты членения совпадут, если в общелитературном языке учитывать фактор системности и по аналогии с другими словами выделить в данном прилагательном префикс на- и суффикс -лив). Однако признание сосуществующих подсистем в области морфемного запаса того или иного языка невольно налагает запрет на сопоставление структур слов разных подсистем языка, мешая тем самым проводить статистическую обработку текстов различных жанров, в которых переключаются общелитературные слова, термины, диалектизмы и проч. Возможно также и другое возражение, а именно: один и тот же носитель языка должен тогда по-разному делить слова (часто те же самые, как в случае с прилагательным назойливый) в общелитературном языке и говорах.

В силу этих соображений более целесообразным при проведении сопоставительного анализа является учет всех синхронно существующих слов в том или ином языке, что позволило бы практически снять случаи эквивалентного членения. Эквивалентное же членение можно оставить за словами, допускающими различие членения в зависимости от семантических причин (от разного восприятия семантической стороны членяемых слов, их соответствия с другими родственными словами).

Поскольку норма современного русского литературного языка

в достаточной степени толерантна к вкраплениям в литературный язык (особенно в язык художественных произведений) элементов разговорной речи (даже просторечия), диалектизмов, узко специальных и устаревших слов наряду с макаронизмами и варваризмами, то обращение к перечисленным подсистемам (подъязыкам) современного русского языка не только допустимо, но и желательно. Так, если человеку неизвестно слово окрол, то ему трудно выделить в существительных кролик, крольчиха связанный корень -крол-. Не зная диалектных слов зой, зоя, зоить, зойливый и т.п., трудно вычленив в прилагательном назойливый правильный корень, хотя наличие в языке префикса на- и суффикса -лив и наталкивает на выделение корня -зой- (ср. при той же модели другой корень: на-туж-лив-ый). Человек, употребляющий в своей речи глагол лыбиться, в слове улыбка, безусловно, укажет корень -люб-, что не противоречит и существованию типичной модели в русском языке у-√-к-а (ср. у-бор-к-а, у-вяз-к-а, у-каз-к-а, у-лов-к-а, всего около 30 слов). В заимствованном слове фейерверк нельзя увидеть сложного слова, если не знать таких существительных, как кронверк ("Деревья кронверкского сада Под ветром буйно шелестят". Ходасевич), фахверк ("Фахверковый дом с мезонином в старой части города терялся среди других подобных домов". Л. Гинзбург), верки (правда, устар.).

При членении методом сопоставления однокоренных слов, которое происходит с учетом (в вертикальном ряду) парадигматики слова и чередований, свойственных русскому языку⁷⁾ (так называемые

⁷⁾ В качестве чередующихся корней часто берут корни с эпентетическим л. В настоящей работе l epentheticum относится не к корню, а к суффиксу, оморфичному, таким образом, суффиксу -л в словах типа де-л-о, мы-л-о, ши-л-о, та-л-ый и др.

нерегулярные чередования типа н/ш - карман/кармаш-ек, баран/бараш-ек - привлекаются также), а также с учетом (в горизонтальном ряду) существующего в языке инвентаря аффиксов, часто приходится использовать только второй фактор, то есть учитывать наличие в языке слов, имеющих в своем составе такой же аффикс. Это связано с тем, что в русском литературном языке нередко не оказывается других слов, содержащих такой же, как членимое слово, корень, который служил бы подтверждением правильности произведенного членения. В таких случаях нельзя говорить о методе сопоставления однокоренных слов; в этой ситуации используется лишь критерий структуры слова ("горизонтальный ряд"), иначе говоря, проводится членение по аналогии с существующими в языке образцами. Желательно при этом найти подтверждение правильности выделенного единичного корня в современных диалектах или в литературном языке в виде архаизма. Если такое подтверждение обнаружить невозможно, лучше, хотя и необязательно, считать всю основу непроизводной, несмотря на то, что членение не противоречило бы этимологии. Таковы слова заусеница (за-усен-иц-а, ср. диал. усенница, усенка), взбалмошный (вз-балмош-н-ый, ср. диал. балмошь), назойливый, корни которых единичны в русском литературном языке и, таким образом, составляют исключение из "квадрата Гринберга".

Учитывая модели строения слов в русском языке и морфный инвентарь языка, членение слов по аналогии допустимо производить только в таких ситуациях, когда результаты этого членения не вступают в противоречие с этимологией: так, основываясь на широко распространенной в русском языке модели слова √-к-а, можно было бы выделить суффикс -к в словах балка "овраг, высохшее русло реки" и банка "стеклянный или металлический сосуд", но нельзя

выделить его в словах балка "брус, бревно" и банка "скамейка на гребных судах", заимствованных из германских языков, где он входит в корень.

Вместе с тем, не только корни, но и достаточно большое число суффиксов могут быть аномальными, единичными в языке, существующими в одном - двух словах как остаток после выделения корня: таков, например, суффикс -унок в слове рисунок, суффикс -яск в слове коляска⁸⁾, суффикс -ад' - в слове попадья, внешне (графически) совпадающий с суффиксом -адь в слове площадь, -аф' в слове кутафья, -ин' в ботвинья и др. (Последние суффиксы - яркое свидетельство возможного расхождения суффиксов на уровне письменного и устного вариантов русского языка). В таких словах, как бранчливый, боязливый, горделивый, учитывая однокоренные слова, можно, выделив корни -бран-, -бо(ј)-, -горд-, получить в остатке суффиксы -злив (-я - тематическая гласная глагола бояться), -члив и -елив, а затем по аналогии с прилагательными типа сонливый, драчливый, терпеливый, болтливый, смешливый и т.п., можно отделить суффикс -лив и представить морфемный состав данных слов в следующем виде: бран-ч-лив-ый, бо-я-з-лив-ый, горд-е-лив-ый. Элементы (в настоящее время часто называемые субмор-

⁸⁾ Выделение в слове коляска корня -кол- происходит на русской почве в результате редеривации: это существительное пришло в русский язык из польского kolasa, диал. kolosa, а в русском языке затем стало возможно сопоставить его с образованиями типа двуколка, колесо, около, колея (под редеривацией в данном случае понимается не только появление нового корневого слова в языке, но и выделение нового корня, обычно связанного, из состава прежнего).

фами) -ч (ср. впрочем, перебранка!), -з (возможно, з - остаток суффикса -зи : боязнь), -е в результате только сопоставления однокоренных слов не выделяемы, однако в современном языке нет больше слов с суффиксами -злив или -елив, то есть они не соответствуют системе морфем русского языка (инвентарю морфем, выделенному на основании бесспорных и достаточно регулярных случаев). С другой стороны, известно, что в языке в ходе истории происходит изменение структуры слов, происходит так называемое опрощение, переразложение. Возникает вопрос, должно ли слово быть представлено в словаре как имеющее сугубо синхронную структуру или следует, по возможности (!), отразить следы прежней структуры, как бы указывая в случаях типа -е-лив, что здесь когда-то была другая производящая основа, не сохранившаяся в языке, но оставившая свой след. Это вопрос принципиально важен, но, к сожалению, может быть решен далеко не всегда. С одной стороны, желательно иметь "чистый" набор морфем с минимумом исключений, с другой стороны, интересно фиксировать случаи, где намечается "прорыв цепи" (любые изменения в инвентаре морфем), ибо всякие исключения, если они не исчезают из языка совсем, ведут к единичным или массовым изменениям во всей системе, постепенно ее расшатывают, в связи с чем разумно их отмечать в языке. Так, в словах звездочка, кисточка, козочка, косточка в современном русском языке выделяется суффикс -очк в отличие от корочка, где их два - -оч и -к. В древности существовали слова звѣздѣка, кистъка, козька, костѣка, а в производных от них уменьшительных существительных было два суффикса - -оч и -к, которые в настоящее время, в связи с исчезновением существительных звѣздѣка, кистъка, козька и костѣка, можно выделить лишь по аналогии со

словами типа корочка. Это пример, в котором интуитивно улавливается прошлая структура слова, но не доказывается как существующая и ныне. В целом представляется целесообразным более активное использование членения по аналогии - членения, производимого с учетом "горизонтального ряда", с учетом структурно-тождественных слов (ср.: Китайгородская 1975, с. 219-221).

В префиксах наблюдается аналогичное явление, но в меньшей мере: приди-словае; оби-ходный, обы-денный (Чернышев 1948, с. 376-394); рази-узданный; зако-улок (в двух последних словах можно по аналогии вычленить префиксы раз-, за-, ко-) и т.д.

Методика непосредственно составляющих

Большую помощь исследователю при установлении морфного состава слова может оказать метод непосредственно составляющих (НС) (при использовании которого, как и при словообразовательном анализе, необходимо учитывать мотивированность одного слова или основы другим), нашедший теоретическое обоснование в работах дескриптивистов и введенный в обращение в русском языкознании независимо от дескриптивистов Г.О.Винокуром (1946/1959). Но метод НС не может быть применен для выделения корней в так называемых связанных основах (например, обуть, принимать, рисовать, свергать и др.), которые составляют в русском языке до 30% слов, в связи с чем при морфемном анализе он используется сравнительно редко, но преобладает в анализе словообразовательном.

Т а к и м о б р а з о м, в работе для получения материала использован хорошо отработанный на практике и давно известный метод членения слов, с помощью которого может быть получен инвентарь морфем русского языка и установлены морфные структуры

слов. Однако при использовании этого метода он подвергся корригированию, были введены некоторые принципиально новые положения.

1) Для сравнения однокоренных слов (с целью вычленения общего корня) сознательно привлекаются слова любой подсистемы, бытующие во всех языковых сферах, а не только в литературном языке, поскольку слова всех подсистем устроены из одних и тех же морфем и соединяются друг с другом по одним и тем же законам. В той или иной области языка (его подсистеме) иногда наблюдается преобладание отдельных морфем (см. глава IV, с. 274), но это уже вопрос не устройства слов, а их функционирования. По другим правилам и из других морфем складываются поздние заимствования, особенно термины, однако установление того и другого выходит за пределы работы.

2) При использовании сопоставительного (сравнительного) метода в данной работе происходит перенесение центра тяжести с семантического критерия при сравнении слов на формальный, иначе говоря, при морфемном анализе следует идти не столько от корня, смысл которого часто бывает размыт и трудно уловим, сколько от структуры слова, от аффиксов, или — не от вертикального ряда (ряда однокоренных слов), поскольку корень не всегда четко выделяется, а от горизонтального ряда, от сходства словообразовательных типов, от запаса аффиксов, что делать легче, хотя бы потому, что их значительно меньше, чем корней.

Благодаря первому пункту открылись возможности вскрыть напластования морфем в слове более глубокие, чем это видно при поверхностном рассмотрении. Принцип синхронности при этом жестко соблюдается, так как членимое слово сопоставляется только со словами, существующими в живом языке, в современном русском языке,

хотя и в разных его сферах.

С точки зрения пункта второго становится более упорядоченным закон построения слова, видны ограничения в сочетаемостях морфем. В результате описанного метода членения, примененного к исконно русским или заимствованным в допетровскую эпоху и адаптированным языком словам, имеющим только один корень, получен, с одной стороны, инвентарь морфем русского языка более чем в 5 тыс. единиц, с другой стороны, установлена морфемная структура приблизительно 57 тыс. слов современного русского языка (В работах Т.Ф.Ефремовой (1969, 1970) результаты отличаются от представленных в "Словаре морфем русского языка" А.И.Кузнецовой и Т.Ф.Ефремовой (1986) как в силу указанных причин, так и в силу некоторой разницы в объеме и качестве словника, а также преобладания у Т.Ф.Ефремовой механического подхода к членению на уровне письменной формы речи - например, морф -ий всегда считается окончанием: син-ий и лис-ий).

ОБОСНОВАНИЕ ИНВЕНТАРЯ МОРФЕМ

Общий запас основных морфем под определенным углом зрения (позиция в слове) распадается на три неравноценных по количеству элементов класса:

- корни (приблизительно 4500),
- предкорневые элементы (около 70),
- посткорневые элементы (около 600).

Это - самая упрощенная схема распределения морфем по классам. Точнее, следует, с одной стороны, говорить о морфах как результатах членения слов, поскольку в структуре слова могут встретиться остаточные после вычленения корня и значимых аффиксов эле-

менты, не являющиеся морфемами (своеобразная морфемная "крошка"); они составляют абсолютное меньшинство и каждый раз оговариваются особо (см., например, глава IV); при этом то, что многие лингвисты называют субморфами, может быть интерпретировано как десемантизированные (асемантичные) аффиксы — результат асимметричного дуализма, свойственного языку.

С другой стороны, встает вопрос, все ли морфы, обнаруженные в словах при морфемном анализе, должны быть внесены в инвентарь морфем, распределены по классам. Очевидно, что некоторые, особенно — остаточные, морфы нет необходимости включать в запас морфем языка (морфемарий); другие, реликтовые, возможно, стоит вводить в инвентарь морфем, но с пометами (для настоящего исследования привлекались все морфы, полученные в результате членения отобранного словника).

Как пишет Б.И.Бартков, "решить вопрос о выборе тех или иных классов и терминов для их обозначения можно только руководствуясь определенными правилами, которые часто устанавливаются субъективно. Поэтому нередки ситуации, когда "есть правила для выбора решения, но нет правила для выбора этих правил" " (Бартков 1986, с.12).

Некоторые исследователи ставят под сомнение целесообразность рассматривания десемантизированных корней (особенно греко-латинского происхождения и тем более тех, которые активно участвуют в регулярном образовании сложных слов) в качестве именно корней и интерпретируют их как полуаффиксы (М.Д.Степанова, Б.И.Бартков и др.). Допускаются и более сложные классификации (например: аффикс, полуаффикс, аффиксоид, радикасоид, радикас), для построения которых используются количественные критерии (Бартков 1986, с.13).

Нередко лингвисты признают характерными для русского языка и так называемые конфиксы / циркумфиксы (см., например, Шуба 1975, Бартков 1982).

Морфемы, значение которых с трудом поддается или совсем не поддается определению и формулированию, часто противопоставляют так называемым субморфам (Ср. разные точки зрения: Ружичка 1963, Мельчук 1967, Босак 1977, Алпатов 1980, Редькин, Мирзоян 1980, Земская 1980, Кубрякова 1974 и др.) – незначимым элементам в составе слова, а их, в свою очередь, противопоставляют различного рода "прокладкам", "наращением" и т.п.

Отвлекаясь от теоретических дебатов по поводу статуса различных элементов слова и вопроса о том, какие из них входят, а какие не входят в инвентарь морфем, в настоящей работе я буду говорить 1) о корнях, сводимых в морфемы, допуская, что они могут быть и десемантизированными, как в русских словах – дозор, позор..., птица, птишка... или в иностранных – инкреты, экскреты; инклинатор, деклинатор, инклинометр, деклинация; прогресс, рег-ресс...; 2)–3) о префиксах и суффиксах, не сводимых в морфемы, в разряд которых условно включены все упомянутые виды аффиксов и все остаточные и единичные элементы, полученные в результате членения слов (в том числе субморфы, прокладки, наращения, а для префиксов – даже протетические гласные, как в словах артачиться, арханой), поскольку допускается асимметричный дуализм не только для корней, среди которых могут быть как полнозначные, так и десемантизированные морфемы, но и для аффиксов. Степень десемантизации полуаффиксов и аффиксоидов не оценивается, в связи с чем аффиксоиды и полуаффиксы (по терминологии М.Д.Степановой, Б.И. Барткова) рассматриваются вместе, тем более, что они составляют

группу морфем, занимающих промежуточное положение между центром и периферией, и их исследование, строго говоря, выходит за рамки работы.

Не попали в поле зрения и интерфиксы, ибо не рассматриваются сложные слова. Впрочем, интерфиксы привлекаются в качестве дополнительного материала для полноты общей картины в разделе по омографии, а также при анализе морфемной структуры поликорневых слов, взятых для сравнения со структурами простых слов, имеющих один корень. Особой оговорки требует тот факт, что суффиксальные и префиксальные морфы в данной работе не сводятся в морфемы в связи с общетеоретической неразработанностью этого вопроса. Тем не менее можно предложить в качестве пробного список префиксальных алломорфов, сведенных в морфемы (на материале письменного варианта языка), исключив из него морфы (о которых будет сказано особо), оставшиеся в слове после извлечения из него корня:

БЕЗ-/БЕС-/БЕЗЬ-

В-/ВО-/ВЬ

ВЗ-/ВЗО-/ВЗЬ-/ВОЗ-/ВОЗО-/ВОС-/ВС-

ВЫ-

ДО-

ЗА-

ИЗ-/ИЗО-/ИЗЬ-/ИС-/ЫЗ-/ЫС-

К-/КО-

КУ-

НА-

НАД-/НАДО-/НАДЬ-

НЕ-

НЕДО-

НИ-

О-

ОБ-/ОБО-/ОБЬ-

ОБИ-/ОБЫ-

ОТ-/ОТО-/ОТЬ-

ПА-

ПЕРЕ-/ПРЕ-

ПО-

ПОД-/ПОДА-/ПОДО-/ПОДЬ-

ПРА-

ПРЕД-/ПРЕДЬ-

ПРЕДИ-

ПРИ-

ПРО-	С-/СО-/СЬ-
РАЗ-/РАЗО-/РАЗЬ-/РАС-	СУ-
РОЗ-/РОС-	У-
	ЧЕРЕЗ-/ЧЕРЕС-/Ч.РЕЗ-

В приведенный список наряду с префиксами, образующими новые слова в русском языке, включены префиксы или совсем не участвующие в настоящее время в словопроизводстве (например, КУ-, ОБИ-/ОБЫ-), или выполняющие эту функцию чрезвычайно редко (например, К-/КО-, ПА-, ПРА-, СУ- и некоторые другие). Помимо перечисленных, в морфном инвентаре встречаются остаточные морфы, вообще не являющиеся по своему происхождению префиксами: они остаются в слове после извлечения из слова корня; таковы, например, сегменты ЧИ- (исторически, видимо, из ЧИ "ли"), ЧЕ- (впрочем, есть предположение, что это - приставка), Н- и З- (ср. также ПРЕДИ-), оставшиеся в небольшой группе слов после однозначного выделения в них не только корней, но и префиксов.

Указанный список префиксальных морфем нельзя считать бесспорным и в этом смысле окончательным, по крайней мере, по двум причинам.

- 1) Неясно, не следует ли, учитывая регулярность для русского языка чередования о/а, объединить в одну морфему префиксы ПА- и ПО-, ПРА- и ПРО-, РАЗ-/РАЗО-/РАЗЬ-/РАС- и РОЗ-/РОС-.
- 2) Среди имеющихся в данном списке префиксов следовало бы выделить оморфные префиксы, одним из бесспорных признаков которых является их иноязычное происхождение, как например, ПРО₁ (пробежать) и ПРО₂ - (проформа из нем. - лат. *pro forma* "ради (для) формы").

Еще более сложная картина наблюдается для суффиксов, кото-

ные, подобно префиксам, анализируются в настоящей работе без сведения их в морфемы.

Как уже отмечалось во Введении, для анализа всего запаса морфем и структур слов в работе предлагается метод параметризации. Весь инвентарь, рассмотренный под тем или иным углом зрения, делится на центральную и периферийную зоны по количественному критерию (порог которого устанавливается в 10%). Далее анализу подвергаются лишь периферийные явления в области морфемики, так как каждая особенность структуры русского слова, каждый элемент инвентаря морфем может быть отнесен с разных точек зрения, по разным параметрам либо в центр, либо на периферию.

В следующей главе дается обоснование понятия периферии, определяются ее признаки, выявляются информационные возможности единиц инвентаря морфем и структур слов.

Г Л А В А П

МЕСТО ПОНЯТИЙ "ЦЕНТР" И "ПЕРИФЕРИЯ" СРЕДИ ДРУГИХ СМЕЖНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕС- КИХ ПОНЯТИЙ

О ТЕРМИНОЛОГИЧНОСТИ ПОНЯТИЙ "ЦЕНТР" И "ПЕРИФЕРИЯ"

Универсальным принципом структурирования любого языка на любом языковом уровне считается противопоставление в языке центральной и периферийной зон.

Проблемы периферии языка, рассматриваемые на различных языковых уровнях, все более и более привлекают к себе внимание исследователей. Выделение какой-либо узкой, ограниченной сферы в исследовании бывает плодотворным, когда подобное выделение не абсолютизировано, а условно; когда объект такой сферы исследования рассматривается не сам по себе, а взаимосвязанно с другими объектами анализа целой сетью отношений; когда он является не отграниченной, а органичной составной частью этой области исследования. Вот почему при изучении периферии невозможно (да и не нужно) целиком изолироваться от связанных с ней и противоположенных ей понятий центра и (или) ядра, без сопоставления с которыми специфика периферии не может быть полностью раскрыта. При выяснении специфики какого-либо явления (в данном случае - языковой периферии) целесообразно выбрать и ввести "пункт соотнесения". Это дает возможность при сравнении явлений друг с другом понять, с одной стороны, своеобразие предмета анализа, с другой стороны, выделить черты, общие у него с другими явлениями или единицами языка.

В последние годы появляются работы, в которых делается попытка теоретически обосновать понятия "центр (ядро) - периферия", предлагаются различные критерии для отнесения того или иного языкового явления к одному из этих понятий, перечисляются признаки, характеризующие центр (ядро) и периферию; однако до сих пор перечисленные понятия не имеют однозначного определения и обычно не считаются лингвистическими терминами. Тем не менее, в некоторые словари лингвистической терминологии они все-таки включены.

Время появления слов ядро, центр и периферия в русском языке и первое упоминание о них в словарях или памятниках письменности различно.

Существительное ядро встречается уже в древнерусском языке (судя по "Материалам для словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского); первая фиксация слова в языке принадлежит Ф.Поликарпову (1704).

Слово центр впервые было помещено в лексиконе Вейсманнова (1731), а существительное периферия зафиксировано в русском языке лишь в начале XIX века Н. Яновским (1806).

В современном русском языке все три слова многозначны: по ССРД у слова центр - девять значений, у существительного ядро - шесть значений, у слова периферия - два значения. Частота встречаемости всех трех слов в современном русском языке, особенно существительного периферия, невелика: слово центр имеет частоту 161 при выборке в 1 млн. словоупотреблений (ранг № 450) (ср. прилагательное центральный - частота 137, № 474); частота существительного ядро 51 (№ 560), а существительного периферия - всего 6 (ранг № 605) (Засорина 1977). Однако указанные частоты (особенно у слова центр) слишком велики для их терминологического исполь-

зования: ср. частоты таких слов, как морфология (1), синтаксис (2). Большинство других лингвистических терминов в "Частотном словаре русского языка" под ред. Л.Н.Засориной не встречается вообще.

Ни для одного из рассматриваемых слов (периферия, центр, ядро) в толковых словарях русского языка не указывается терминологического лингвистического значения, то есть нет пометы "лингв." или "грамм", "спец." и т.п. в отличие от многозначных слов, признаваемых терминами, когда одно из значений отмечается как терминологическое, например, в слове ассимиляция дается помета "лингв.", в слове предложение под цифрой 2 указано "в грамматике", а существительное слог в терминологическом употреблении представлено в ССРЛЯ как омоним. Вместе с тем в "Советском энциклопедическом словаре" (1981) и в "Словаре иностранных слов" (1979) помета "лингв." дается при словах ядро (Энц.сл.) и периферия (Сл. иностр. сл.).

В словарях лингвистической терминологии, изданных на русском языке, слова ядро, центр, периферия и их производные или сочетания с ними встречаются нерегулярно, что легко проследить по таблице 2, включающей некоторые лингвистические словари (как отечественные, так и переводные) последних 30 лет издания. В многочисленных других словарях лингвистических терминов нет ни одного из приведенных в таблице терминов, см. например: Н.Н.Дурново. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины) (М.-Пг. 1924); Л.И.Жирков. Лингвистический словарь (М., 1946); Е.В.Кротевич и Н.С.Родзевич. Словник лінгвістичних термінів (Київ, 1957); Л.М.Гайдарова. Частотный словарь специальных терминов ("Русский язык за рубежом", М., 1974, №1, с.77-81)

словарь включает 237 терминов, отобранных на материале 116 текстов объемом свыше 100 тыс. словоупотреблений и включенных в словарь в соответствии с принятыми ранговыми оценками: частота повторения терминов – 10 и количество источников, в которых встретились термины, – 10); Г.А.Нечаев. Краткий лингвистический словарь (Ростов-на-Дону, 1976); Русский язык (энциклопедия) (М., 1979); В.Н.Немченко. Основные понятия морфемии в терминах (краткий словарь-справочник) и Основные понятия словообразования в терминах (краткий словарь-справочник) (Красноярск, 1985) и т.п. Противопоставление понятий центр (ядро) – периферия, центральный – периферийный, как видно из таблицы 2, наиболее последовательно проводится в американской лингвистике, где данные слова превратились в термины, между тем как само учение о центре и периферии как определенной структуре языка получило наиболее полное и раннее развитие в Пражской лингвистической школе (см. ТЛР, 1966, № 2), но и там, впрочем, судя по приведенному в таблице 2 чешскому словарю, существительные центр и периферия все еще не терминологизировались.

Из всех включенных в таблицу слов и словосочетаний в лингвистической литературе чаще всего встречается существительное ядро (а также сочетания с ним), употребляющееся как синоним термина рема (именно в этом смысле оно попало даже в "Советский энциклопедический словарь" /1981/), и – в меньшей степени – сочетания центр предложения и центр слога. Все приведенные в таблице термины (не получившие, строго говоря, общего признания, что хорошо видно из таблицы) применимы, в первую очередь, к синтаксису (существительное ядро) и фонетике (существительное центр). Рассматриваемые термины относятся к сравнительно новым теориям языкозна-

Термины	Ахматова (1966)	Розен-Таль, Телен-Кова (1976)	Марузо (1960)	Вахон (1964)	Хамп (1964)	Традис, Барбаре, Бер-Тмане (1963)	Никитин (1978)
ЯДРО							
ядро высказывания (рема)	+						+
ядерные структуры	+	+		(+)			+
ядро предложения	+	+					+
ядерная цепочка	+						+
ядерная форма	+						+
ядро дифтонга	+						+
ядро слоговое	+						+
ЦЕНТР							
центр предложения	+		+		+		+
центр слога (слоговой центр)	+				+		+
центральный (в противоположность периферийному)	+				+		+
центральный гласный	+				+		+
центральный согласный	+				+		+
центральная долгота	+				+		+
центральные дополнительные звуки	+				+		+
центральный член бессоюзного предложения	+				+		+

Продолжение табл.2

Термины	Ахматов- ва (1966)	Розен- та, Те- ленкова (1976)	Марузо (1960)	Вахек (1964)	Хамп (1964)	Традис, Барда- ре, Вер- мане (1963)	Никили- на (1978)
ПЕРИФЕРИЯ							
периферийный							
периферийное значение							
периферийный падеж							
периферийный язык							

ния - теории актуального членения предложения и акустической фонологии (см. работы Р.О.Якобсона, Г.М.Фанта, М.Халле, где часто упоминаются сочетания центральная (периферийная) фонема, центральный (периферийный) признак и т.п. См. например: Якобсон, Халле (1957). 1962, с. 246, 257, 263 и др.).

Противоположные ядру и центру понятия (за исключением термина периферийный падеж, введенного в 1936 г. Р.Якобсоном), хотя и попали в словари лингвистических терминов, терминами не стали, особенно если судить по таким сочетаниям, как периферийный язык (ср.: периферийные говоры). Следует иметь в виду, что в лингвистические словари вносятся далеко не все термины, а только наиболее устоявшиеся; кроме того, многое зависит от круга расписываемой лингвистической литературы. Так, если бы составитель словаря лингвистической терминологии, собирая материал для словаря, обратился к работам по так называемой "полевой теории" - учении о функционально-семантических категориях (см. работы В.Т.Адмони, А.В.Бондарко, Г.В.Озерова, Л.Н.Сумароковой и др.), то термин периферия неминуемо попал бы в словарь, как и существительные центр, доминанта и ядро. "Термины" периферия, периферийный либо легко заменяемы (ср. периферийное значение - вторичное, неосновное, переносное, побочное значение), либо используются в наиболее широком, общелитературном смысле этого слова ("внешняя часть чего-либо в отличие от центральной его части" наряду со значением "местность /часть страны, области.../, отдаленная от центра, окраина"). Впрочем, в "Словаре иностранных слов" (1979) указывается, как уже отмечалось, для слова периферия специальное лингвистическое значение, относящееся лишь к лексике: "часть слов языка, используемая в специфических усло-

ных общения (напр., междометия, звукоподражания...) и поэтому характеризующаяся рядом исключительных явлений в звуковом составе (первый согласный звук в слове "господи" и т.п.)". Несмотря на слабую представленность анализируемых слов (это особенно касается слова периферия) в словарях лингвистической терминологии слово периферия упорно пробивает себе дорогу в лингвистическую литературу в качестве термина, все чаще мелькая на страницах лингвистических журналов (нередко в противопоставлении существительному центр) применительно к явлениям разных языковых уровней.

В ряде случаев термин периферия встречается в заглавии (или подзаголовке) статей и монографий, являясь тем объединяющим началом, которое позволяет рассматривать в рамках одной работы нередко весьма различные факты языка. Такова, например, диссертация В.В.Ремарчука (1974) "Некоторые вопросы центра и периферии в системе вьетнамского литературного языка (очерки лексики, словообразования, звукового состава)", многочисленные статьи русских и чешских лингвистов, использующих материал разных уровней языка: И.Д.Андреева (1974), В.М.Живов (1973), В.М.Живов и Б.А.Успенский (1973), А.И.Кузнецова (1977 и 1980), М.И.Умарходжаев (1980), Я.Бауер (1966), Й.Вахек (1964 и 1966), Ф.Данеш (1966), О.Лешка (1966), Л.Новак (1966) М.Ромпортл (1966), Е.М.Уленбек (1971), Я.Шабршула (1966) и др. На лингвистических конференциях стали делаться доклады по проблемам центра и периферии словообразовательной и лексической системы, о чем также можно судить по заглавиям докладов: Ю.С.Азарх (1981), А.И.Кузнецова (1981), Т.С.Морозова (1981), Г.П.Нещименко (1984), А.А.Поликарпов (1984), Г.С.Чинчлей (1981) (ср. также: М.Г.Цароева 1984).

Значительно больше работ, в которых на том или ином материа-

ле ставится проблема противопоставления центра и периферии, но в заглавии это не отражено: В.В.Бабайцева (1967, 1971, 1983), А.Я.Баудер (1982), Б.Н.Ворожцов (1978), Э.А.Григорян (1981), Э.Г.Жигачева (1976), Е.М.Кубарев (1980), А.М.Кузнецов (1980), Е.В.Сидоров (1982); А.Едличка (1973), И.Немец (1971), И.Неуступ-ны (1966), Я.Попела (1966), Я.Тласкал (1981) и др. В работах по грамматической теории поля обязательно идет речь о структурирова-нии поля по модели центр - периферия, обязательно описываются не только ядерные, но и периферийные средства выражения функцио-нально-семантических категорий: В.Г.Адмони (1964 и 1968), Е.И.Бе-льева (1977), А.В.Бондарко (1968, 1971, 1978, 1981, 1984а, 1984б), В.В.Грушкина (1980), Е.В.Гулыга (1969), М.М.Гухман (1971), В.Г.Гуду (1975), Е.Х.Люшинская (1977), Г.В.Озеров (1971), Т.А.Расторгуева (1978), С.К.Семенова (1977), М.Н.Шнайдман (1980), Г.С.Щур (1971) и др. (ср. также: О.Г.Ревзина (1969 и 1975), М.И.Расулова (1978)).

Однако чаще всего о периферии говорится мельком, как о чем-то незначительном для языка, хотя и интересном, или как о той области, откуда язык черпает новые факты, способные изменить его систему в целом. В научной литературе на самые разные темы можно встретить фразы типа: "...часто именно периферийная область де-монстрирует некоторую тенденцию во всей ее полноте" (Т.М.Никола-ева); "...динамичность современного состояния языка связывается с членением языковой системы ...на области центральную и перифе-рийную (с возможностями перехода от одной к другой)" (И.Ружичка); "...периферийные ...процессы или элементы...могут быть частью "растущей кромки" лексики" (Д.Ворд) и т.п.

Кроме того, многие конкретные исследования фактически пред-

ставляют собой анализ именно периферийных явлений языка, хотя об этом специально ничего не говорится. Таково, например, изучение структурно-семантических особенностей функционирования малопродуктивных суффиксов -ну, -ня, -ыш в современном русском языке, предпринятое И.П.Андреевой (1972), описание С.Г.Бережаном синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью (1967) или анализ случаев энантиосемии в современном русском языке (Новиков 1973), флективного словообразования коррелятивных существительных жен.рода (Стрелков 1967), некоторых грамматических особенностей имен прилагательных, обозначающих цвет (Даунене, Судавичене 1971), и т.п.

В работах практического характера, в которых анализируются конкретные периферийные факты и процессы того или иного языка, могут мимоходом обсуждаться (точнее - упоминаться) вопросы и теоретического характера, относящиеся к периферии, например:

- методы исследования периферии;
- количественные и качественные критерии отнесения того или иного явления к периферии и, в частности, структурно-семантические параметры отнесения слов к центру или периферии;
- соотношение понятий периферийность и аномальность, периферийность и системность/асистемность, периферийность и факультативность, периферийность и вариативность, периферийность и маркированность, периферийность и асимметричность;
- назначение периферии (периферия как источник пополнения центральных областей языка);
- нечеткость границ между центром и периферией;
- признаки периферии;
- универсалии в области периферии;

- периферия в речи и языке;
- сферы периферии (наиболее типичные сферы проявления аномалий в языке);
- причины десемантизации корней как периферийного явления;
- вопросы интеграции элементов в систему, иерархия центральных и периферийных явлений;
- проблема сосуществующих (в том числе - периферийных) систем на разных уровнях;
- применимость/неприменимость противопоставления центр - периферия к отдельным уровням языка или системе в целом.

Ни одна из перечисленных проблем не имеет однозначного решения. Так, например, Ф. Данеш (1966, с. 11-21) считает, что понятия центр и периферия скорее всего применимы к разным уровням языка, но не к системе языка в целом. Наоборот, по мнению других исследователей, например, В.В.Ремарчука (1974, с.5), взаимодействие центра и периферии надо рассматривать не с точки зрения какого-либо одного уровня, а с точки зрения языковой системы в целом. Третьи (В.М.Живов, Б.А.Успенский) допускают обе возможности, когда с точки зрения системы в целом какое-либо языковое явление интерпретируется как центр, ядро, например, местоимение - ядро именной системы языка (Успенский 1968, с.8), но с точки зрения "определенного уровня языка (или определенной системы правил в описании данного языка)" данное явление - периферия. Так, "с точки зрения системы правил выражения грамматических категорий местоимения периферийны во многих языках (см. нерегулярное супплетивное выражение грамматических категорий у местоимений при регулярном аффиксальном их выражении в других классах слов во многих языках)"... Точно так же "местоимения оказываются

периферией и относительно фонологического уровня". (Живов 1973, с. 142-143). Последняя точка зрения подводит к пониманию того факта, что одно и то же явление может быть периферийным с какой-либо одной точки зрения и не быть им с другой точки зрения.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЙ ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

Периферийные явления встречаются на всех языковых уровнях, но критерии отнесения элементов к периферии или центру четко не разработаны вообще, кроме того, для различных уровней они часто оказываются различными. В результате ни для одного уровня нельзя привести примеры однозначно выделяемых периферийных явлений.

Использование понятий центр и периферия в области фонетики и фонологии

Достаточно широко понятия центр - периферия используются при описании фонологических систем, более того, по мнению О.Лешки (1966, с.53-57), центральные и периферийные элементы наиболее четко разграничиваются именно в фонологии.

В области фонетики и фонологии фиксирование периферийных явлений сводится обычно к статистическим подсчетам различных структур и регистрации наиболее редких явлений в противоположность наиболее частым. Так, Ж.Марузо указывает, что во французском языке односложных слов 10%, слов, состоящих из пяти и более слогов, - 4%, в то время как двух- и трехсложных слов - 36% и 37% соответственно, а четырехсложные слова составляют промежуточную группу - 13% (Марузо 1955, р.66).

Статистические подсчеты В.В.Ремарчука в области фонетики вьетнамского языка (1974, с.20-23) также позволяют определить периферийные зоны в отличие от центральных. В системе фонем украинского языка "знание состава фонем, особенностей их сочетаний друг с другом, их статистические характеристик" позволило Л.И.Комаровой (1981, с.106-107) выделить ядро и периферию (к периферийной подсистеме относятся, например, фонемы б', г', ж', к', ф', м', п' и др. Все они имеют низкую частоту и встречаются только в заимствованиях из других языков).

Подробно рассматривается периферийный инвентарь групп согласных в синтагматике согласных русского языка в упоминаемой уже работе В.М. Живова (ср. аналогичные материалы в статье В.Н.Топорова 1966). В.М.Живов пользуется иным (не количественным) методом выделения периферийных групп согласных в русском языке. Он идет от анализа неядерной (периферийной) лексики, куда относит заимствования, звукоподражания, вопросительные местоимения, повторы, подзывные и отгонные слова, междометия, экспрессивные элементы языка, диалектизмы, детские слова (Lallwörter, nursery words), просторечия, арготизмы, собственные имена, вокативы, императивы: "Мы отнесем к периферийной части инвентаря все те группы согласных, которые встречаются только (выделено автором - А.К.) в элементах, относимых при том или ином подходе к другой системе (при этом не учитывается появление этих групп в других периферийных элементах). При заимствовании из близко родственных систем (диалектизмы, архаизмы) дополнительным критерием может служить изменение реконструируемой общей формы в этих двух системах" (Живов, 1973, с.93)¹⁾.

¹⁾Повышенная по сравнению с письменной формой экспрессия устной

Продолжение сноски см. на сл.стр

В результате такого тавтологического подхода (поскольку неядерная лексика среди прочих черт, позволяющих выделить ее в периферийную группу, обладает специфичными, аномальными фонетическими приметами — особыми фонемами, просодией, синтагматикой) выделенные периферийные группы согласных в процентном отношении нередко превосходят непериферийные (ядерные) группы согласных. Так, все конечные (ситуация начала слова аналогична) четырехэлементные группы согласных (кроме одного сочетания -рств) с позиций В.М.Живова периферийны; точно также более 76% (подсчеты мои — А.К.) конечных трехэлементных групп согласных периферийны; среди двухэлементных групп согласных в начале слова периферийны около 32%, в конце — 42% групп согласных. Если же при выделении периферийных областей в языке пользоваться количественным критерием, то приведенная количественная оценка класса периферийных групп согласных в русском языке явно свидетельствует (сравнительно со всем количеством групп согласных русского языка) о его непериферийном характере.

Между тем, по чисто количественному критерию четырехэлементные сочетания, независимо от того, в каких группах лексики они встречаются, составляют ~ 4% по отношению ко всем сочетаниям согласных в русском языке, и именно они могут быть интерпретированы как периферийные с этой (количественной) точки зрения; в то же время трехэлементные сочетания составляют более 45% (из них ~ 20% приходится на "периферийную лексику", судя по данным

продолжение сноски

разговорной речи и особенно речи диалектной формирует особый фонд лексики, в которой эмоциональный заряд начинает доминировать над лексическим содержанием" (Живов, 1973, с. 93).

В.М.Живова). Около 48% всех (двух-, трех- и четырехэлементных) начальных и конечных сочетаний согласных, по сведениям В.М.Живова, реализованы в определенных слоях лексики и потому представляют периферийные сочетания.

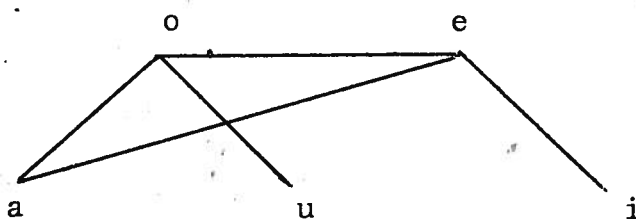
Эти результаты не противоречат и материалам В.Н.Топорова. К "периферийному инвентарю упорядоченных пар графем" В.Н.Топоров относит пары, встречающиеся только на стыках морфем и лексем и только в словах иностранного происхождения, в собственных именах, в междометиях, в словах с ярко выраженной символической функцией, в аббревиатурах и в единичных случаях редкого типа (Топоров 1966, с. 96-97). В ядерном слое лексики встречается незначительное число трехбуквенных сочетаний согласных, реализующихся на небольшом количестве примеров и обладающих большой диагностической способностью (с.124), а в периферийной части лексики - огромное большинство их (то же говорится и о двух-, трех- и четырехэлементных консонантных сочетаниях), что объяснимо открытым характером периферийной лексической области (с. 135).

В отличие от В.М.Живова, считающего периферией в области фонетики только те фонетические аномалии, которые зарегистрированы в определенных неядерных лексических группах, В.В.Ремарчук (1974) рассматривает не конкретные лексические группы, в которых концентрируются фонетические аномалии, а отдельные элементы, факты разных языковых уровней (например, звуки, обусловленные иноязычным влиянием, аномальные; непродуктивные словообразовательные модели; низко-частотные явления в тексте и словаре; лексические заимствования, архаизмы, неологизмы и т.п. группы лексики, отличающиеся малой устойчивостью; выражение эмоциональности, экспрессивности и т.д.),

противопоставляемые центральным явлениям языка, обусловленным внутренними законами его развития, к каковым относятся, например, собственно вьетнамская звуковая система, продуктивные словообразовательные модели, высокочастотные явления языка, наиболее устойчивый слой лексики и т.п.

С точки зрения отнесения к центру или периферии анализируются различные фонологические явления чешского и других языков не в пределах определенных лексических групп, а в рамках фонетических и фонологических систем в статьях И.Новака (1971), Е.Паулини (1966), М. Ромпортла (1966), П.Зимы (1966) (на материале тона африканских языков), Й.Вахека (1964) (на материале английского языка).

Устанавливая различные оппозиции гласных, некоторые чешские лингвисты относили немаркированные фонемы к периферии в отличие от маркированных. Так, Е.Паулини, считая, что невозможно систематизировать русские ударные гласные в терминах градуальных оппозиций, на основании бинарных противопоставлений гласных в русском языке вида

дает следующую диаграмму (Паулини 1966, с.123-124):

	ВЫСОКИЙ	НИЗКИЙ	
		бемольный	простой
центральный	е	о	
периферийный	и	у	а

Трактовка некоторых фонетических и фонологических примеров как периферийных вызывает особые споры. Так, остранный чужое слово, иноязычное вкрапление в язык (маларонизмы), мало подверженное адаптации, сохраняющее фонетику языка-источника и тем самым консервирующее аномалии, употребленное с целью "возвыситься" над родной речевой стихией либо, подчеркнув чужеродность иностранных слов в речи говорящего, высмеять его, то есть "текст в тексте", "в своем - чужое", трудно, видимо, интерпретировать с фонетической точки зрения как периферию родного языка, вопреки мнениям А.А.Брагиной (1977, с.250-267), И.Хрбачка (1971, с.26-34); в то же время заимствование, цитату, цитатное выражение, адаптированные в той или иной степени (но не полностью), можно квалифицировать как периферийный лексический элемент, с характерными, правда, в отдельных случаях фонетическими аномалиями, например: непривычное для языка стечение согласных, типа нстр; зияние - скопление гласных, как в словах аул, сауна; нередуцируемая в безударном слоге фонема, обычно подвергающаяся редукции, и т.д.

Фонетическая периферия, с одной стороны, как мы видим, так или иначе связана с лексической периферией, в которой она чаще всего проявляется, служа приметой определенных (периферийных) групп лексики; с другой стороны, она может быть интерпретирована с чисто статистической точки зрения как редко встречающиеся явления фонетического (фонологического) уровня языка. Иногда о фонологической периферии говорят безотносительно к частоте встречаемости фонем или их сочетаний, но с ориентацией на систему оппозиций; в этом случае периферийными считаются фонемы, не входящие в пропорциональные оппозиции, фонемы не маркированные.

Использование понятий центр и периферия в области
морфологии и словообразования

В последнее время особое внимание лингвистов привлекали явления центра и периферии в области м о р ф о л о г и и.

Термины ядерные и периферийные классы, центральные и периферийные признаки, позволяющие выделять те или иные подсистемы в морфологических системах разных языков, используют в настоящее время многие лингвисты (Клименко 1978, Тласкал 1981).

Наиболее ранние работы по морфологической периферии принадлежат представителям Пражской лингвистической школы; исследуемые области периферийных явлений называются лексическими подсистемами, основанными на оппозиции каких-либо грамматических черт (признаков) языка (см., например: Немец 1971; ср. Якобсон 1971, с.190-197).

Понятие оппозиции центр-периферия широко используется в последнее время при классификации частей речи. Вслед за Я.В.Неступным (1966) исследователи относят к ядерным классам слов единицы, выполняющие только какую-либо одну функцию (монофункциональные единицы), а к периферии - би- или полифункциональные слова (Прасол 1984, с.84); нередко речь идет о том, что "на периферии располагаются слова и группы слов, у которых отсутствуют или неярко выражены какие-либо дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи, и есть некоторые признаки, свойственные другой части речи" (Бабайцева 1971, с.81; ср.: Бабайцева 1967, с.21-22; Баудер 1982).

В особую группу следует выделить работы исследователей по так называемой теории функционально-семантического (грамматико-лексического, функционально-грамматического) поля (вопрос о пра-

ве на существование подобного подхода к языку, вообще имеющего в том же много различий, рассматривается в обзоре Г.С.Щура, 1971). Наличие центральных и периферийных областей есть один из универсальных принципов организации языка и его отдельных уровней, в первую очередь, морфологического и лексического. В большой серии однотипных по методу и организации материала работ исследуются различные абстрактно-понятийные категории (темпортальности, модальности, локативности, аспектуальности, аффириативности, негативности и т.д.) и разноуровневые способы их выражения. "Доминантой поля может быть любое средство языка - морфологическое или лексическое, причем вследствие многозначности языковых форм доминантный конституент одного поля может служить периферийным элементом другого поля, между которыми возможны пересечения, приводящие к появлению общих сегментов" (Беляева, 1977, с.5). Однако обычно доминантными, центральными средствами передачи той или иной категории (семемы) считаются чисто грамматические средства, сводимые в грамматическую парадигму, а периферийными - лексические или синтаксические, "не парадигматизуемые": "Парадигматизацией охватывается только центральная часть (сфера)", "периферийная сфера включает явления, находящиеся на грани синтагматики и парадигматики или вообще не парадигматизуемые" (Семенова 1977, с.16; ср.: Шнайдман 1980, с. 75, Беляева 1977, с.16: "Периферию поля составляют те единицы, которые однозначно соответствуют той или иной семе поля, то есть являются наиболее специализированными средствами выражения данной семемы"). Во многих работах такого рода помимо конкретного анализа материала того или иного поля делаются теоретические обобщения, перечисляются специфические черты центра и периферии

как ведущей структурной характеристики поля, имеющего особое строение (центр - периферия).

Иногда выделяют "моноцентрические (сильно центрированные), опирающиеся на грамматическую категорию, и полицентрические (слабо центрированные), не имеющие единого грамматического центра, то есть конструируемые некоторой совокупностью разноуровневых средств (форм, конструкций, лексико-грамматических средств и т.д.)" структурные типы функционально-семантических полей (Бондарко 1984а, с.19).

В рамках функционально-семантического поля системно-структурная организация грамматических значений получает следующее истолкование: "Общие значения представляют собой такой тип полевой структуры значения, при котором как центр (основное, главное значение, первичная функция), так и периферия (прочие частные значения, вторичные функции) объединяются единым инвариантным семантическим признаком" (Бондарко 1984б, с.10).

Таким образом, центральными и периферийными могут быть как признаки (семемы), наличие которых определяет семантическую структуру того или иного микрополя, так и разные средства выражения общего понятия, лежащего в основе поля (к ним относятся морфологические, лексические, синтаксические, интонационные способы).

Основным критерием разделения и семем, и разноуровневых средств на центральные и периферийные является количественный критерий - учитывается частотность тех и других в речи и языке (см., например, диссертации Е.И.Беляевой, С.К.Семеновой).

Вне теории поля также используются понятия центра и периферии при морфологическом анализе. Так, в обширной аспектологи-

ческой литературе частные видовые значения группируются в две группы по их роли в семантическом спектре вида - центральную и периферийную; все чаще подвергаются анализу не только центральные, но и периферийные видовые значения (например, Маслов 1984, с. 72-82).

При изучении категориальных грамматических значений паде-
2) комплекс значений, присущих каждому падежу, не сводится к общему, единому значению. В "Русской грамматике" у каждого падежа выделяются основные, главенствующие, центральные значения, которые, "как правило, слабее испытывают на себе лексико-семантические ограничения", и периферийные значения, которым "обычно сопутствует достаточно определенная лексико-семантическая или синтаксическая несвободность" (РГ-80, с.479; ср. Плющ 1983).

В области словообразования также начали появляться первые исследования, в которых материал рассматривается с точки зрения отнесения его к центру или периферии (см. Оливертус, 1968; доклады Ю.С.Азарх, А.И.Кузнецовой, Т.С.Морозовой и Г.С.Чинчлея в Перми в 1981 г.; доклад Г.П.Нещименко в Москве в 1984 г. и др.).

Исследователи пытаются разделить инвентарь на центральный и периферийный, называя одни морфемы редкими, уникальными, аномальными, единичными, нерегулярными, мертвыми, непродуктивными и т.п. в противоположность продуктивным, активным, регулярным, наиболее частотным и т.д. (О.С.Азарх, А.И.Кузнецова, О.А.Лавренова, О.Г.Ревзина, П.А.Соболева, А.Н.Тихонов и др.);

2) При анализе падежной системы имени Р.О.Якобсон ввел в свое время термин "периферийные падежи" применительно к Род. и Предл. падежам, вкладывая в это название особый смысл, никак не связанный с понятиями центра и периферии.

- определить центральные и периферийные (маргинальные) позиции в словообразовании (Е.Л.Гинзбург, В.В.Мартынов, И.А.Ширшов);
- выделить относительно редкие явления в области словообразования, часто не называя их периферийными, например, случаи параллельного словообразования (Ф.А. Никитина, П.Ковалев и др.), развитие моделей оформления рода иноязычных существительных в русском языке (В.С.Гимпелевич), оформление группы слов с отрицательными префиксами в украинском языке (Л.М.Ляховицкая), образование сложных слов со вторым компонентом, превратившимся в суффиксoid (Э.А.Григорян), случаи вставных морфем, которым дается различная интерпретация (Г.П.Нещименко, Б.Комри и Г.Стоун), наличие в структуре слова рекуррентных аффиксов (А.И.Кузнецова) и т.д.;
- установить ядерные и периферийные способы словообразования в пределах каких-либо групп слов (например, в группе отыменного глаголообразования) (Ворожцов 1978, с.20-21; Конецкая, 1979, с. 47-48);
- отделить "значимые" морфемы от "незначимых", десемантизированных, указывая при этом, что "угасший" аффикс (с десемантизированным значением) возродить в языке труднее, чем целое слово (ср. префиксы су-, па-, во- или суффикс -сь в словах днесь, летось, зимусь, веснусь. Костинский 1977, с. 143, 201).

Доминирующим критерием отнесения тех или иных морфологических явлений (включая словообразовательные) к центру или периферии является количественный критерий (объем и частота класса), хотя иногда средством отделения периферийных явлений от центральных служит и качественный критерий, например, десемантизация какой-либо морфемы.

Использование понятий центр и периферия в области
синтаксиса

Понятия центр-периферия находят широкое применение и в синтаксических исследованиях. Впрочем, иногда говорят только о центре и ядре без противопоставления их периферии, при этом речь может идти о различии структур флективных и полисинтетических языков: например, в индоевропейских языках М.А.Кумахов (1974, с. 127) отмечает два центра в ядерных структурах предложения (подлежащее и сказуемое), в языках полисинтетических – один центр (глагол). Другой точки зрения придерживается У.Чейф, который всегда отдает предпочтение глаголу перед именем. В книге "Значение и структура языка" У.Чейф пишет, что "центральный... является глагол, а периферийным – существительное" (Чейф 1975, с. 114). Говоря об иерархии синтаксических отношений внутри словосочетания в современном английском языке, В.В.Бурлакова (1968, с. 46-47) выделяет ядерные (только подчинительные) и безъядерные (и сочинительные, и подчинительные) "конституенты уровня словосочетания", определяя "ядро в подчинительных конституентах словосочетаний" как "элемент, синтаксическая функция которого остается нераскрытой на уровне анализа". Как уже отмечалось, в рамках теории актуального членения предложения чешские лингвисты используют термин ядро (рема) в противопоставлении термину тема, но термин центр при этом не употребляется.

У других лингвистов центр (ядро) противопоставляется периферийным (маргинальным) позициям, явлениям (см.: Мартынов, 1982; 1966; Мразек 1968, 1970; Адамец 1965; Савицкий 1968; Скоумало-ва 1968).

В синтаксисе нет четких критериев отнесения какого-либо яв-

ления к периферии или центру, хотя именно в области синтаксиса Р.Литтманн (1948) предложил 10 критериев для различения "ядер" и "спутников", понимая под этими терминами основные и второстепенные, первичные и вторичные, определяемые и определяющие члены синтагмы. Часть из предложенных критериев может быть использована для деления синтаксических явлений на центральные и периферийные. Между тем, на материале синтаксиса периферийность определяется обычно "на глазок". Так, например, в статье М.Б.Бертельсон и А.Е.Кибрика (1981, с.344) процессы эллиптического характера объявлены периферийными (ср. противоположную точку зрения: Колесникова 1982), хотя количественно они очень часты в языке. Более того, некоторые исследователи сознательно подчеркивают принципиальную невозможность четко разграничить центральную и периферийную зоны в области синтаксиса, особенно учитывая, что "говорящий черпает синтаксические средства то из центральных, то из периферийных зон поля" и таким образом "противоположности смыкаются" (Лаптева 1973, с.63). "...гибкость устройства поля, — пишет О.А.Лаптева, — проявляющаяся в его континуальности, позволяет смыкаться не только собственно устно-разговорным моделям (в их реализациях), но и этим моделям с моделями другого поля — поля общелитературного синтаксиса. Тем самым обеспечивается единство и цельность современного русского литературного синтаксиса (и, шире, языка) в целом" (Лаптева, 1973, с.63).

В работе Г.А.Золотовой "Коммуникативные аспекты русского синтаксиса" (1982, с.127) "опора на совокупность и взаимодействие семантических, синтаксических и морфологических признаков в квалификации языковых явлений" позволила автору сделать то, что

до нее не делал никто, а именно - "ввести понятия изосемичности/неизосемичности в качестве разграничения центра и периферии как в системе подклассов частей речи, так и -соотносительно с ними - в системе моделей простого предложения". Г.А.Золотова говорит о возможности "установления системных мест вторичных, периферийных моделей по отношению к центральным" (Золотова 1982, с.359). Она предприняла исследование периферийных категорий (деадъектива, инфинитива), что позволило уточнить их семантику и показать связь этой семантики и синтаксиса (Золотова 1982, с. 360).

Таким образом, в области синтаксиса также все учащаются попытки применения к изучаемым явлениям оппозиции центр-периферия и установления взаимоотношения между ними.

Использование понятий центр и периферия в области лексики и семантики

С л о в а р н ы й з а п а с языка подразделяется на так называемую ядерную и неядерную (периферийную) лексику (Жигачева 1976, с.18-19). Для выделения лексического ядра (в лингводидактике этому понятию соответствует понятие лексического минимума) обычно используются критерии частой употребительности, коммуникативной важности слов, принцип их страноведческой ценности и т.п. (Верещагин, Костомаров 1983, с.122-123); первый из названных критериев прямо противоположен критерию выделения периферийной лексики.

Периферийные (неядерные) слои лексики притягивают к себе все больше и больше внимания. Уже на IX Международном конгрессе лингвистов Бонфанте предлагал особое внимание уделять "периферийной зоне языка - слэнгу, жаргону, аффективной и экспрессивной

терминологии, детскому языку, онomatопе́е, междометиям".

Однако ни общепринятых взглядов на то, какую лексику считать периферийной, ни четких критериев отнесения отдельных слов лексики к периферии не выработано до сих пор. Так, ведутся споры, можно ли относить к периферии терминологию: одни лингвисты считают любую терминологию (а не только "аффективную и экспрессивную") периферией лексического состава языка, другие объявляют этот взгляд на терминосистемы "устаревшей концепцией" (Лейчик 1983, с.127), третьи в пределах терминосистем при помощи количественных моделей текста (частотной, дисперсионной, параболической) выделяют периферию, зоны размытости и центр (Остапенко 1987). К периферийным словам, по мнению Ю.М.Костинского (1977, с. 127), "относятся, видимо, все (слова), выходящие за пределы литературной нормы, т.е. имеющие в словарях какие-либо пометы (разг., прост., обл., спец., арх., неол., заимств.)". Правда, критерии оценки этих слов и их помет тоже могут быть различными (ср.: Хауген 1975, с. 458-462; Вандриес 1937, с.200; Коготкова 1977, с.130). Например, большие трудности вызывает разграничение окказиональных слов и неологизмов или диалектизмов, а также окказиональных и потенциальных слов (Малеева 1983, с. 99-106; Лыков 1976, с.11; Лопатин 1973, с.62-87; Ханпира 1966, с.153-167).

Никаких четких и единообразных критериев отнесения слов к периферии пока не существует, хотя при выделении периферии в области лексики лингвисты предпочитают обращаться к количественному критерию, оперируя при этом приблизительными оценками "мало" или "редко". Некоторые группы лексики характеризуются специфическими фонетическими приметами, которые в таких случаях считают-

ся признаками периферийных групп лексики (Живов 1973).

В словарном запасе языка можно выделить множество семантических (по другой терминологии – лексико-семантических) полей (М.Н.Шнайдман (1980, с.66) предлагает вместо термина "поле" в этом смысле говорить о лексико-грамматических группах или рядах слов, а термин "поле" оставить за функционально-грамматическими (концептуальными) единствами, о которых уже говорилось на с. 84-86. В каждой из лексико-семантических групп есть свои центральные и периферийные члены; структуры различных полей отличаются значительным своеобразием от поля к полю. По мнению А.М.Кузнецова (1980, с.77-78), периферийные слова имеют сложный морфологический состав, ограничены в сочетаемости, реже приходят на память информантам (качественно-субъективный критерий, вводимый автором), чаще могут быть заимствованиями, особенно в поздние эпохи, и занимают самые низкие ступени в иерархической структуре поля, в то время как центральные слова достаточно просты по своему морфологическому составу, обладают широкой сочетаемостью, большей психологической важностью для носителя языка, имеют наиболее широкое значение, обычно не являются заимствованиями, а если и заимствованы, то в давние времена.

С чисто семантической точки зрения для периферии, по утверждению ряда исследователей, характерна десемантизация ³⁾ (семантическое выветривание, по У.Вейнрейху (1970, с.211-212), семантическое изнашивание слов и морфем, по Ю.М.Костинскому (1977)). Семантическое изнашивание, как считает Ж.Вандриес, проявляется преж-

³⁾ О десемантизации говорят также как об одном из видов переводческой трансформации наряду с нейтрализацией и транспозицией. (Гак 1978, с.18).

де всего в изнашивании экспрессивности в словах выразительных, которые редко бывают короткими. По Ж.Вандриесу, "слишком короткие слова часто мало выразительны" (Вандриес 1937, с.200). Прямо противоположное мнение о "коротких" словах высказывает В.И.Даль. При десемантизации, по словам Ю.Н.Тынянова, "бледнеет" представление значения: "слово, выражающее представление, становится выражением связи, отношения, становится служебным словом. Иными словами, меняется его функция" (1977, с.274).

В последнее время многие семасиологи, а вслед за ними и дериватологи, вместо традиционных понятий "первичное - вторичное", "основное - дополнительное", "ближнее - дальнее", "основное - переносное значение" начали использовать противопоставление "центральное - периферийное значение" (Драганов 1979; Григорян 1981; Микаэлян 1984; Беркетова 1984; ср. Блумфилд 1968, с. 153: центральное значение-маргинальное/переносное) и даже "ядро-инвариантное основное значение" - "эмоционально-окрашенные вариантно-периферийные оттенки" (Кубарев 1980, с.35).

При парадигматическом рассмотрении значения выделяют ядерный компонент значения слова и дополнительные компоненты (Найда 1970). Э.А.Григорян устанавливает зависимость между переходом корня сложных слов в суффиксоид и значением производного слова, основанном на периферийном значении глагола. Вслед за Э.А.Григоряном Н.М.Микаэлян использует понятие периферийности/непериферийности в качестве одного из признаков выделения суффиксоидов в противоположность корням сложных слов. А.К.Драганов выделяет ближнюю и дальнюю периферию при компонентном анализе (1979, с.69). Б.Н.Ворожцов при анализе проблем синтаксической конструкции и словообразовательной модели на материале отыменных

глаголов современного французского языка рассматривает словообразовательное значение как ядро словообразовательных отношений, а коннотации, появляющиеся в процессе вербализации имени, как периферию этой подсистемы словообразования (Ворожцов 1978, с. 19),

Таким образом, в области семантики также царит разноречие во взглядах на то, что именно считать периферийным в слове:

- переносное (вторичное, узкое...) значение слова;
- сам факт однозначности (или наличия малого количества значений) в противоположность многозначности;
- явление десемантизации слова;
- отсутствие в семантике слова экспрессивности и т.п.

Никаких критериев отнесения того или иного семантического явления к периферии в области семантики не предлагается вообще.

Использование понятий центр-периферия применительно к тексту и теории стилей

Границы ядерно-периферийных образований синтаксического плана могут не совпадать с границами лексико-семантических или "тематических централизаций", под которыми понимается "системообразующее качество текста, которое выражается в наличии в тексте и его элементах ведущей части (центра, ядра) и периферии" (Сидоров 1982, с.81). Следовательно, противопоставлением центр - периферия может характеризоваться не только уровень языка, но и текст, дискурс. Можно говорить об общем рисунке ядерно-периферийной организации текста, имеющем разного рода ограничения. При наблюдающемся нередко сокращении нагрузки на морфологический уровень возрастает соответственно нагрузка на другие уровни и на контекст в целом. Происходит перераспределение нагрузки меж-

ядром и периферией функционально-семантических категорий и между кодом (набором знаковых единиц) и текстом (Кнорина 1978, с.83).

Текст обладает свойством компенсации: при отсутствии морфологических показателей в пределах слова в русском языке средств нефлексивной морфологии (термин С.Д.Кацнельсона - 1948; с.114-134) дублируют грамматическое значение элементов, находящихся именно в пределах слова. Эти избыточные, дублирующие средства будут периферийными, если существует неоднократная выраженность грамматических значений (при наличии обычных - флексий, являющихся центральным способом передачи граммы) (Кнорина 1978, с.82).

Противопоставление центр - периферия используется и в теории стилей. Еще в 30-е гг. В.В.Виноградов писал о "ядре" и "периферийных слоях" в структуре "общелитературного языка": "Кроме того, что структура "общелитературного" языка представляет своеобразное сцепление, сочленение разных социально-языковых контекстов, вращающихся вокруг некоего общего ядра, вернее, совпадающих один с другими частями своих сфер, необходимо знать, что эта структура своими периферическими слоями соприкасается с областями городского просторечия, "внелитературных" социальных диалектов, арго, жанров профессионально-технической терминологии" (Виноградов 1980, с.147).

Неизбежным результатом подобных взаимодействий кодифицированного ядра и периферийных сфер речи, по замечанию Г.А.Золотовой, является "вариативность нормы в ряде пунктов языковой грамматической системы" (Золотова 1974, с.147). Проблема нормы - вариативности (у некоторых лингвистов - факультативности) в язы-

не решается не однозначно, а только в применении к тому или иному стилю, которым представлена данная языковая система (Елизаренкова 1982, с.37).

А.Едличка считает нейтральный стиль центральным, а разговорную и книжную речь — периферийными стилями (в рамках теории стилей, принятой в чешской лингвистической традиции) (Едличка 1973, с.94).

Точно так же В.В.Ремарчук при анализе вьетнамского литературного языка относит к периферии "стилистические особенности, специальные аспекты стилей; диалектальные явления по отношению к национальному языку; выражение эмоциональности, экспрессивности" (Ремарчук 1974, с.5). По его словам, "за счет использования периферийных явлений в стилистически разных типах текстов расширяются функциональные возможности языка" (Ремарчук 1974, с.24).

Таким образом, специфика организации языка сводится обычно к структурированию на различных уровнях центра и периферии как частично пересекающихся зон языковой системы. Критерием выделения периферийных единиц на уровне фонетическом и морфологическом часто служит количественный критерий, совершенно не применимый к синтаксису и семантике.

Почти во всех работах, авторы которых используют противопоставление понятий центр и периферия, наблюдается смешение, с одной стороны, критериев выделения периферии, с другой стороны, характерных черт интуитивно выделенной периферии.

В тех случаях, когда лингвисты обращаются к качественным критериям выделения периферии, сплошь и рядом происходит подмена понятий. центр — периферия рядом других понятий. О признаках периферии как особой зоны языка и о соотношении понятия перифе-

рия с некоторыми иными лингвистическими понятиями речь пойдет в следующем разделе работы.

ПРИЗНАКИ ПЕРИФЕРИИ.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПЕРИФЕРИИ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ПОНЯТИЯМИ

Признаки периферии, предлагаемые в лингвистической литературе

При изучении проблемы взаимодействия центра и периферии, определении их границ и т.п. обсуждаются также наиболее характерные черты периферии (о центре речь идет значительно реже).

В качестве признаков периферии в работах лингвистов приводятся разнообразные приметы, многие из которых на самом деле могут характеризовать и центр. Интересно, что нет ни одного признака, который считался бы достаточным для выделения периферии и который упоминался бы во всех работах, где речь идет о периферии.

Признаками периферии часто называют следующие:

- маркированность (Живов 1973, с.143);
- непрерывность, плавность перехода от периферии к центру и наоборот (относительная неопределенность, по терминологии Ремарчука, 1974); при этом иногда выделяют две пограничные зоны - одна ближе к периферии, другая - к центру (Хрбачек 1971, с.34; Филипец 1966, с.259; Филипец 1978, с.376; Бланар 1968, с.159; Ремарчук 1974, с.23). Постепенность перехода к ядру проявляется в наличии у периферии общего сегмента с ядром, в нечеткости самих границ и ослаблении признаков на периферии (Ревзина 1975, с.202; Адмони 1964, с.51; Ремарчук 1974, с.4; Золотова 1982, с.129-130; 181-182);

- неустойчивость, подвижность, что связано с предыдущей чертой (Тынянов 1977, с.257; Немец 1978, с.413, 421; Семенова 1977, с.8);
- факультативность языковых единиц (Шкарбан 1982, с.130; Адмони 1964, с.49);
- открытость класса (Живов 1973);
- малая психологическая важность (субъективный признак) (Кузнецов 1980, с.78);
- средоточие на периферии крайностей, аномалий (Ремарчук 1974, с.5; Ревзина 1969, с.72);
- иерархичность (черта, общая с центром и означающая, что сама периферия не однородна, а состоит из более мелких подклассов, единиц) (Кузнецов 1980, с.78) и т.п.

Среди перечисленных признаков периферии, которые считаются наиболее характерными чертами периферийных зон, особых комментариев заслуживают факультативность и иерархичность.

Единого понимания того, что называется факультативностью, нет. Достаточно посмотреть сборник "Восточное языкознание. Факультативность" (1982), чтобы убедиться в этом:

одни авторы видят в факультативности частный случай вариативности (Киселева, с.43; Сыромятников, с.114), причем иногда вариативность рассматривается как следствие факультативности (Солнцева, с.107);

другие под факультативностью понимают возможное, но не обязательное употребление грамматических элементов, иначе говоря, возможность неупотребления тех или иных языковых элементов в определенных условиях (Омельянович, с.63), иррегулярность употребления грамматических показателей (Рубинчик, с.74; Шутова, с.138);

третьи расценивают факультативность как возможность замены маркированного члена немаркированным (Шевернина, с.128);

для четвертых речь идет об избирательности средств (Солнцева, с.103), а иногда - о необязательности выражения в виду необязательности значения или об отсутствии выражения некоторого значения (Алпатов, с.12) и т.п. (последняя точка зрения подводит нас к сопоставлению с асимметрией в языке).

Считая факультативность объективным свойством языковых систем, проявляющимся при их функционировании (то есть в речи), авторы подчеркивают обусловленность или мотивированность факультативного использования языковых средств, как, впрочем, и облигаторных. Некоторые авторы считают, что факультативность связана со стилистической дифференциацией языка: то, что облигаторно в одном стиле, может оказаться факультативным в другом (Рубинчик, с.75). Факультативность языковых единиц агглютинативных языков противопоставляется избыточности флективных языков (Сыромятников 1982, с.108). Впрочем, можно встретить утверждение, что о факультативности, которая, как и норма, есть понятие функциональное, следует говорить, обращаясь лишь к центральной, основной части языка, а не к его периферии (Елизаренкова 1982, с.36).

Со времен Л. фон Берталанфи (30-е гг.), говоря о теории систем, выделяют признаки системы, среди которых есть несколько признаков, связанных с иерархичностью, например, каждая система является иерархизированной; система является компонентом вышестоящей системы; каждый компонент системы представляет собой систему (подсистему) (Филипец 1978, с.376), наряду с такими атрибутами системы, как полифункциональность, взаимозависимость, противоречивость, интегративность, относительная полнота набора

элементов - категорий... (Сидоров 1982, с.86).

Иерархические отношения существуют на всех языковых уровнях, особенно широко анализируются иерархические системы в области лексики (Ремарчук 1974, с.5-6), даже фразеологии (Умарходжаев 1980, с.147). Можно говорить об иерархическом упорядочивании толкований лексических значений (Апресян 1980; Бергельсон, Кибрик 1981, с.352), об иерархическо-причинно-следственных отношениях в синтаксисе (Золотова 1982, с.131); иерархическая организация системы простого предложения предлагается В.А.Белошапковой и Т.В.Шмелевой, исходящих из аналогии со словообразовательной парадигмой слова (Белошапкова, Шмелева 1981, с.43-51 - Золотова 1982, с.185-186).

Иерархические (таксономические) классификации строятся по принципу бинаризма (дихотомии) классификационных признаков или по принципу включения (периферийные элементы занимают самые низкие ступени в иерархической структуре различных систем).

Помимо признаков периферии как области языка, противопоставляемой его центру, в лингвистических работах иногда упоминается об отдельных периферийных явлениях, причем нередко эти периферийные явления смешиваются и даже отождествляются с асистемными, ненормативными или асимметричными явлениями, а иногда с нечастотными, нерегулярными, непродуктивными в связи с чем представляется целесообразным более подробно рассмотреть вопросы, касающиеся соотношения понятий центр - периферия с понятиями нормы - ненормы, системности - асистемности, симметричности - асимметричности и, наконец, частотности - нечастотности, продуктивности - непродуктивности, используемыми достаточно часто в качестве возможных критериев для разделения центра и периферии.

Соотношение понятий центр-периферия с понятиями
норма-ненорма, системность-асистемность

В последнее десятилетие о различных явлениях периферии особенно часто говорится в связи с концепцией нормы - вариантности (Е.Косериу, Н.Д.Арутюнова, К.С.Горбачевич, Л.К.Граудина, В.А.Ицкович, Б.С.Шварцкопф и др.). По Е.Косериу (1963), норма - коррелят системы, ограничивающий присущую системе вариантность; у представителей пражского лингвистического кружка норма - система обязательных манифестаций языка в речи. В.А.Виноградов (1983, с.50) определяет норму как совокупность языков, говорит о том, что структура языка выражается в законах, а норма - в правилах (Виноградов 1983, с.46; ср.Фрей 1929, с.24-5). По А.М.Пешковскому, норма - реализация языковой системы (1959, с.8-9), по Н.Н.Семенюк, - равновесие между комбинаторно-дистрибутивными вариантами и функциональными средствами (1967, с.174-175) и т.д. Из приведенных определений и мнений видно, что существует связанность понятий "норма" и "вариантность" и эта связанность характеризует динамику нормы (Шварцкопф 1977, с.127-128). Необходимо сделать оговорку, что существуют попытки терминологического разграничения (признаваемого далеко не всеми лингвистами) понятий "вариантность", "вариативность" и "вариабельность", последнее из которых - наиболее общее и означает способность к варьированию нормативных средств. "Вариативность" - это взаимозаменяемость вариантов в пределах синхронного подхода и в рамках литературности, нормативности; это функционирование нормативных вариантов в речевой деятельности. Вариантность - это соположение вариантов (как в синхронном, так и в историческом аспекте), употребление которых отмечено в речи (лите-

ратурность - нелитературность, старое - новое, правильное - неправильное и т.п.)" (Скворцов 1984, с.31-32). Варианты, имеющие при себе в словарях пометы, выводящие слово за пределы литературной нормы (как и слова со стилистическими пометами без всяких вариантов), предлагается относить к периферийным явлениям языка (Костинский 1977, с.127).

Концепция нормы - вариантности, в свою очередь, может быть связана с изучением принципов константности - вариативности. В синхронном плане воплощением оппозиции "константность - вариативность" является концепция динамической синхронии А.Мартине (1963; 1975), теория Г.П.Торсуева (1977) о константности и вариативности фонетической системы, рассуждения Е.М.Кубарева (1980) о нейтральном ядерно-инвариантном значении и стилистически окрашенных, эмоционально-периферийных коннотативных оттенках, а также положение М.Мамудяна о наличии в языковой системе двух зон - зоны уверенности, где языковые факты константны, четки в сознании говорящих, и зоны неуверенности, колебаний, где языковые факты неясны в сознании говорящих и вариативны в употреблении (Мамудян 1980-1981, с.13-14; ср. Гвенцадзе 1983). М.Мамудян связывает противопоставление "константность - вариативность" с идеей деления языковой системы на центр и периферию. И в центре, и на периферии языковое варьирование совершенно обязательно, хотя степень вариативности, ее причины и виды могут быть различны. Именно эти свойства языка (его константность и вариативность), не допускают существования полностью устойчивой системы.

Аналогичные взгляды, хотя и в неявном виде, высказал в свое время Л.В.Щерба, который считал, что твердым нормам, находящимся,

по его словам, "в светлой точке языкового сознания", противостоят нарождающиеся и умирающие нормы, "находящиеся в бессознательном состоянии и лишь воспроизводимые или творимые в отдельных случаях" (Щерба 1915, с.8-9). Эти рассуждения Л.В.Щербы в настоящее время интерпретируются как положение о противопоставлении ядерной части нормативной системы и периферийных ее частей (Скворцов 1984, с.20-21).

Расшатывание нормы начинается с появления дублетов. Например, в современном русском литературном языке возможно употребление веселей и веселее; по данным Словаря-справочника Л.К.Граудиной, В.А.Ицковича, Л.П.Катлинской (1976), - 7,5% и 92,5% соответственно; ветрен (90%) и ветренен (10%); мерз (46,7%) и мерзнул (53,3%). Разновидностью вариативности можно считать эквивалентные, идентичные структуры, в которых вариативность представляет собой fifty-fifty процентов (50% на 50%), как, например, случаи согласования контекстуально-зависимого рода и числа; Директор пришел/пришла; Сегодня дежурит/дежурят Саша и Алеша и т.п. Появление дублетов в рамках нормы ведет к увеличению асимметрии двух планов, которая постепенно или еще больше возрастает, или, наоборот, выравнивается под действием аналогии. Дублетность нормы - явление обычное (достаточно частое) и общепризнанное (Щерба 1958, с.65; Истрина 1948, с.5). По словам Л.К.Граудиной (1977а, с.135-157), условием для появления вариантных форм является открытость, несбалансированность языковой системы. В речи, являющейся "основной лабораторией языка", "возникают нарушения нормы ⁴⁾ и, вместе с тем, творится новая норма" (Истрина

⁴⁾Нарушение нормы иногда называют антинормой (Горбачевич 1971, с.18; Виноградов 1983, с.56-59), которая, впрочем, не является

Продолжение сноски см. на сл./стр.

1948, с.6, с.14). По мнению И.Ф.Савченко (1981, с.67), причиной появления вариантов является тот факт, что языковая единица состоит как бы из двух частей; объединяющей, интегративной, которая связывает ее с другими такими же единицами, и различающей, дифференциальной, которая противопоставляет ее другим единицам при помощи индивидуальных признаков" (интегративный признак слов лес, лесной, лесовик - корень лес, дифференциальный - суффиксы). Эти две стороны языковой единицы, интегрирующая и дифференцирующая, находятся во взаимодействии одна с другой. Под действием одной из них единица отталкивается от системы, возникают ее варианты. Действия другой направлены на объединение единицы в систему, на ограничение ее вариативности". По Н.В.Крушевскому (1891), конкурирующие варианты либо восходят к сосуществующим территориальным разновидностям (коренные и заимствованные дублиеты), либо принадлежат двум последовательным этапам языкового развития, то есть соотносятся как унаследованные архаизмы и новообразования.

"Норма, ограничивающей вариантность системы, ...присуща, - по словам Б.С.Шварцкопфа, - вариантность как этап развития нормы" (Шварцкопф 1977, с.127-128). В свою очередь, в пределах варьирующихся форм может быть своя периферия, обладающая различной частотностью, чем частотность больше, тем сильнее воздействие

продолжение сноски

ся отрицанием нормы, "не является конгломератом случайных, немотивированных отклонений от нормы" (Виноградов 1983, с.59). Эта антинорма имеет свою градацию в зависимости от того, характеризует она идиолект, социолект, локальный вариант литературного языка, детскую речь, поэтику или даже патологию речи (Виноградов 1983).

варианта на норму) (Граудина 1977а, с.164-165). В работах по вариативности исследуется "периферия вариативности" (Граудина 1977а, с.164-165): выделяются варианты различных частотных зон, говорится о предельности и весе вариантов в грамматике (Граудина 1977а, с. 146. Подробнее см. с.119). Вариантные формы того или иного типа можно интерпретировать иногда как особую периферийную группу языка, каковыми являются, например, существительные с неустойчивым множественным числом в русском языке, которых насчитывается около 1000 (Чельцова 1977, с.106-144); существительные с колебаниями в роде (Гимпелевич 1977; Комри, Стоун 1978); несклоняемые прилагательные (Клименко 1978; Кнорина 1978); прилагательные с варьирующимся окончанием ый/ий (Комри, Стоун 1978; Загвоздина 1971), двусловные глаголы (Ильина 1974, с.54-59; Комри, Стоун 1978); грамматические архаизмы (Фирсова 1978, с.21-23).

При решении вопросов соотношения центра и периферии и нормы и ненормы, периферия квалифицируется как "нестабильные участки языковых систем", как "серая зона", находящаяся на границе нормы и ненормы (Ицкович 1982, с.15), в которой могут сосуществовать варианты и из которой одни единицы со временем переходят в разряд нормативных, другие, "разжалованные", наоборот, уходят из литературного языка в просторечие, профессионализмы или, устаревая, исчезают из языка совсем (здесь же, в "серой" промежуточной периферийной для нормы зоне, возможны и не варьирующиеся явления). Если по мнению В.А.Ицковича, вариативность в норме - более редкое явление, чем в промежуточной между нормой и ненормой зоне, то по мнению других лингвистов, например Л.А.Вербицкой (1979), М.Л.Цукермана (1968), вариатив-

ность - основной признак именно нормы, то есть явление обычное для нее (Вербницкая 1979, с.38-39). Многие лингвисты (Л.В.Щерба, Л.С.Истрина, Н.Н.Семенюк, В.А.Виноградов и др.) считают "нормой самое наличие двух вариантов" (Истрина 1948, с.5). Иными словами, оба варианта могут быть нормативными, а могут образовать конгломерат таких отклонений от нормы, часть которых постепенно (или, наоборот, очень быстро) превращается в ненормативные или исчезает из языка вообще, в результате чего восстанавливается нарушенное равновесие. В качестве основного условия вхождения в норму вариантов В.А.Ицкович указывает на обязательную повторяемость, регулярность нормативных образований: "В отличие от нормативных единиц образования ненормативные уникальны, единичны. Повторяемость в литературном употреблении ненормативных образований - свидетельство начала их вхождения в норму" (Ицкович 1982, с.15) (Впрочем, в дальнейшем многократно будут приводиться примеры свойственных норме единичных, уникальных, то есть не повторяющихся, явлений из области морфемного запаса языка и словообразования).

Таким образом, при сопоставительном рассмотрении понятий центр - периферия и норма - ненорма периферия оценивается как зона промежуточная между нормой и ненормой, охватывающая окраинные области нормы, где особенно значительна и вариантность, и вариативность (при этом понятие ненормы остается, к сожалению, расплывчатым, воспринимаемым интуитивно).

Если периферия, которой приписывается свойство неповторяемости, нерегулярности (что отделяет ее от нормы), все-таки рассматривается в рамках нормы, хотя и сближается с окраинными областями нормы, промежуточными между нормой и ненормой, то при

изучении понятий системности - асистемности периферия часто смешивается с асистемностью, подменяется этим понятием. Фактически все непропорциональные оппозиции (в фонологии), все нерегулярные явления в морфологии, все исключения из общих правил, встречающиеся в любой языковой сфере, объявляются периферией. Однако далеко не все факты языка можно однозначно отнести либо к центру, либо к периферии. При учете многочисленных параметров различных языковых явлений, когда становится затруднительным поместить языковые явления в прокрустово ложе либо периферии, либо центра, становится очевидным, что периферии как особой зоны языка, однозначно противопоставляемой центру, нет и не может быть.

Соотношение понятий центр - периферия с понятиями
симметрия - асимметрия

Морфологический уровень - низший из языковых уровней, имеющий план выражения и план содержания. Между планом выражения и планом содержания существует определенный изоморфизм (параллелизм), называемый также в лингвистике симметрией. Можно встретить утверждение, что изоморфизм присущ единицам только одного данного уровня, а между уровнями он не действует (Савченко 1981, с.65); но значительно чаще речь идет об изоморфизме различных уровней (Якобсон 1971, II, с.168; Кржижкова 1978, с.120). Иногда отмечается изоморфизм между маркированными и немаркированными падежами в обоих планах (Гамкрелидзе, Елизаренкова, Иванов 1971, с.101). В параллелизме фонологического и грамматического уровней ведущая роль принадлежит грамматике (Якобсон 1971, II, с.111). Якобсон видит параллелизм (изоморфизм) между

значениями определенных падежей, сгруппированных им в три типа (направленность, периферийность, объемность), переинтерпретированных И.М.Тронским в объектность, экзоцентричность и соучастие, фонемами, выражающими их (Якобсон, 1971, II, с.168); возможны и другие трактовки понятия изоморфизм. Изоморфные отношения между планом выражения и планом содержания нередко нарушаются. Эти случаи отсутствия соответствия между двумя планами в лингвистике принято называть асимметрией. Асимметрия может быть в пределах и одного плана.

Понятие симметрии - одно из наиболее фундаментальных понятий в сознании человечества. Симметрия (буквально "соразмерность") предполагает "полное соответствие в расположении частей целого относительно средней линии, центра"; "строгую правильность в расположении, размещении чего-либо". Естественно, что симметрия в языке в таком понимании обычно наблюдается в плане выражения⁵⁾, да и то практически всегда имеет относительный характер. Так, можно считать, что в сочетании тот согласные симметричны относительно гласного, их центра. В русском языке по-

⁵⁾ По мнению В.Г.Гака (1978, с.14-20), понятие симметрии может быть приложено не только к внутриязыковым отношениям между двумя означающими или между означающим и означаемым, но и к межьязыковым отношениям двух означающих при переводе, когда происходит сопоставление средств двух языков, которые могут быть двух типов: 1. Изоморфные и 2. Алломорфные, не имеющие системных эквивалентов в других языках, что может происходить вследствие расхождения в объеме значений или грамматических категорий или за счет лакун лексического или грамматического характера. Межьязыковая асимметрия - совпадение структурных и переводческих эквивалентов (Гак 1978, с.15).

мимо структуры типа СУС (ось - гласные), возможны случаи зеркальной симметрии, например, СУ-С-УС (ось симметрии проходит через С); в английском языке отмечается обычно зеркальная и ритмичная симметрия (Concise Oxford Dictionary 1951, p.1528); во вьетнамском языке (Ремарчук 1974, с.14-15) симметрия наблюдается в так называемых зеркальных рифмах (частях слога, которые остаются за вычетом инициали).

Множество случаев симметрии (например, пропорциональность оппозиций (Трубецкой 1960; Кантино 1957), симметрия словоизменительной парадигмы (Клименко 1981, с.138) и т.п.) связано с тем, что, по предположению, "в активной (оперативной) памяти носителя языка преобладают единицы простые и симметричные" (Муравицкая, Слипченко 1981, с.75). Однако идеальных симметричных систем не существует ни в природе, ни в моделях (Хоккетт 1970, с.73). По словам Жолио Кюри, основной закон природы - разрушение симметрии, появление асимметрии, которая (в силу диалектики природы, борьбы противоположностей) исчезает в результате выравнивания по аналогии. В языкознании грамматические изменения сплошь и рядом интерпретируются в свете категории симметрии - асимметрии, в первую очередь, асимметрии, так как "асимметрия... означает движение и свободу", тогда как "симметрия" - означает покой (уравновешенность) и скованность" (Вейль 1968, с.45-46). Формы проявления асимметрии в языке (диспропорции в соотношении плана выражения и плана содержания или диспропорции разного рода в пределах какого-либо одного плана) давно интересуют лингвистов (Карцевский 1929; Якобсон 1932; Скаличка 1935; Барнет 1966; Шаламов 1982 и другие).

Асимметрия столь же часта в мире и языке, как и симметрия.

Как писал Ч.Ф.Хоккетт, "необходимость в системе языка асимметричных структур является следствием того, что в результате постоянных изменений, происходящих в языке, одни структуры приобретают симметричность, другие становятся асимметричными" (Хоккетт 1970, с.73). Таким образом, соотношение между симметрией и асимметрией - принцип, "который лежит в основе строения и функционирования элементов системы языка как... средства общения, а также его развития" (Муравицкая, Слипченко, 1981, с.77)

Лингвистика XX века исходит из понятия знаковой системы языка. Знак двусторонен (билатерален) и произволен. Следствием произвольности знака является асимметрия, которая проявляется в тенденции означающего иметь иные функции, чем его собственные (как при полисемии), и тенденции означаемого выражать себя иными средствами, кроме собственных (как при тропонимии), что обусловлено речевым контекстом (Карцевский 1965, с.87; Арутюнова 1968, с.69; Конецкая 1968, 2, с.25; Мельников 1971, 5, с.54-69; Муравицкая, Слипченко 1981, с.70-84; Тихонов 1971, 6, с.39-52; Шапкин 1967, с.9. Ср.: Гак 1979, с.26-29). Сама взаимосвязь между означающим и означаемым может изучаться с точки зрения теории симметрии.

Р.О.Якобсон (Лингвистика и поэтика, с.370) предложил новую интерпретацию параллелизма как сходства, наложенного на смежность. Всеобъемлющий параллелизм неизбежно активизирует все уровни языка. Характеризуя соотношение инвариантов и переменных в рамках параллелизма, Р.О.Якобсон отмечал, что "любая форма параллелизма является расчленением инвариантов и переменных". Выделяются структуры в их многообразном переплетении. Все, что Р.О.Якобсон говорит о поэтике, может быть отнесено и к языку во-

и с его, с одной стороны, параллельностью содержания и выражения, с другой стороны, их частыми смещениями (ср.: Иванов, Иванов 1977, с.163) между двумя планами, как в пределах одного уровня, так и разных.

Н.Д.Арутюнова (1968, с.71,73,75) рассматривает механизм весьма приблизительного "совмещения системы плана выражения и системы плана содержания, "двуступенчатость обозначения" и вытекающие из этого "дуализмы". Г.И.Мельников в статье "О типах дуализмов языкового знака" (1971, с.63) строит график синсемических отношений, который соответствует также Булеву кубу. Автор рассматривает восемь семасиологических понятий, система которых представлена в виде синсемического куба (с точки зрения симметрии означающего и означаемого можно говорить об омонимии, синонимии и некоторых других понятиях семантической системы языка).

Асимметрия отмечается также исследователями в области морфологии. Расчлененность системы обеспечивает ее цельность, которая в свою очередь обеспечивается связями между отдельными компонентами в составе системы (Касевич 1977, с. 21-26). Однако целое имеет качественно более высокий уровень, чем составляющие его части. Язык - несуммативная система, то есть язык как целое не есть механическая сумма частей или *summa summarum*, как считали дескриптивисты. Например, морфема не равна сумме фонем, а слово не равно сумме морфем. Так, с прибавлением аффикса нарушаются семантические отношения между производящей основой и производным словом (Акимова, Нукалова 1982, с.26-42; Ворожцов 1982, с.42-50; Шадрина 1982, с.150); обычно происходит прибавление значения, но общее значение слова при этом чаще всего оказывает-

я невыводимым из значения его частей (неслучайно считается, что значение морфемы - часть значения слова. Белый 1977, с.178 - 179, 195). Возникает так называемое приращение значения (хотя есть случаи и однозначного выведения целого из частей), о чем пишут Е.С.Кубрякова, М.В.Панов, И.Г.Милославский, Т.Г.Аркадьева и многие другие лингвисты-дериватологи; например, Т.Г.Аркадьева (1972, с.28-31) приводит примеры, которые можно легко дополнить аналогичными:

<u>баран-чик</u>	"животное", "растение", "винт", "гайка"
<u>кобыл-к-а</u>	"животное (умен. к кобыла)", "саранчевое насекомое", "подставка под струны", "человек"
<u>молоч-ниц-а</u>	"человек", "болезнь"
<u>лат-ок</u>	"лед", "орудие в виде цилиндра"
<u>крапив-ниц-а</u>	"бабочка", "болезнь"

(в приведенных и многих других подобных примерах несущественно, имеем ли мы дело с омонимией или полисемией).

Асимметрия означающего и означаемого нередко ведет к передвиганию границ между морфемами (происходит переинтеграция⁶⁾, перерасположение - процессы, описанные впервые казанскими лингвистами). Некоторые морфемы, утрачивая свое значение, тем не менее сохраняют в плане выражения свою самостоятельность и превращаются в субморф, не имеющий никакого грамматического значения, а только структурное.

Р.С.Манучарян отмечал, что нет взаимнооднозначного соответствия между количеством морфем в производном слове и количеством тактов его порождения, так что слова с одинаковым количеством

Н.В.Крушевский называл "простую потерю целым какой-либо составной части" переинтеграцией, точнее, "вечной переинтеграцией" в языке.

морфем могут быть различной степени производности, напротив, слова с различным количеством морфем могут быть одинаковой степени производности. Такая асимметрия словообразовательного и морфемного уровней (по терминологии Р.С.Манучаряна, принимаемой далеко не всеми лингвистами) существует во флективных языках (Манучарян 1981, с.223-224). Асимметрия усиливается за счет случаев наложения, нулевой аффиксации, конверсии, усечения основ. Соотношение в целом таково: с увеличением степени производности слова в большинстве случаев происходит все-таки усложнение его морфемной структуры, его глубины (см. подробнее об этом Глава III). По словам Н.С.Жуковой, "формально-содержательная асимметрия не нарушает положения об единстве формы и содержания, а является манифестацией их постоянного взаимодействия" (Жукова 1980, с.33).

Разного рода асимметричные явления наблюдаются и в области синтаксиса. Так, одни исследователи говорят о равновесии (то есть симметрии) семантического, морфологического и синтаксического признаков в акциональных глаголах русского языка и о сдвиге, нарушении (то есть асимметрии) этого равновесия в неакциональных глаголах (Золотова 1982, с.127); другие анализируют полные (симметричные) и эллиптические (асимметричные) формы на материале сложных предложений с двумя однородными подчиненными предложениями в современном немецком языке (Колесникова 1982, с.92-94); третьи изучают взаимодействие актуального членения предложения с его формальной организацией в свете формально-содержательной асимметрии языкового знака (Супрун 1982, с.129-136); четвертых интересуют различные случаи синтаксической диссимметрии (полисемии, омонимии, синкретизма) (Логвиненко 1977,

с.47-56) и т.д. Вывод из практических исследований обычно сводится к утверждению: "Асимметрия синтаксической формы и синтаксического содержания скорее правило, чем исключение" (Ворожцов 1982, с.51), и, следовательно, асимметрия никак не может быть отнесена к периферии.

Таким образом, лингвисты вкладывают несколько самых различных смыслов в понятие изоморфизма и симметрии (соответственно асимметрии).

С одной стороны, речь идет о параллелизме плана выражения и плана содержания, который может иногда нарушаться, смещаться, что и может быть названо асимметрией, неравновесием, несоответствием (см. например: Чинчлей 1975, с.18-19; Арутюнова 1968, с. ; Золотова 1982, с.127 и др.), причем наиболее точным и чаще других используемым является термин "несоответствие" или "неизоморфизм", но встречаются и другие, например, "проявление асимметрического дуализма" (см. Золотова 1982, с.142, где речь идет о поверхностном и глубинном смыслах винительного падежа).

Асимметричность лингвистических единиц на различных уровнях (кроме фонетического) может возникать в силу произвольности знака.

С другой стороны, о симметрии говорят в пределах одного плана (обычно плана выражения) - одного или разных уровней - фонетического, морфологического, синтаксического, лексического. Асимметрия в этом, как и в первом случае, столь же часта, как и симметрия, и ее никак нельзя считать периферийным явлением в языке, хотя некоторые лингвисты, например, Я.В.Неуступны, используют сочетание "асимметричные черты" как абсолютный синоним сочетания "периферийные черты" (Неуступны 1966, с.45). Принципы

симметрии - асимметрии применяются для определения места языковых единиц того или иного класса в составе этого класса (Неуступный 1966). Единицы с максимальной концентрацией признаков своего класса образуют центр; единицы, в которых ряд признаков отсутствует, но есть другие признаки других классов, - периферия. Пересекающиеся классы слов содержат единицы с асимметрией признаков, совмещающие характеристики разных классов:

"...Асимметрия их свойств выражается в нарушении параллелизма между их принадлежностью к тому или иному классу и их синтаксическим функционированием" (Козлова 1982, с.83). Иными словами: "Единицы, характеризующиеся наличием признаков только данного класса, могут быть представлены как единицы, обладающие симметрией признаков. Единицы с такой внутренней структурой составляют центр или ядро класса. Наряду с единицами с симметрией признаков в составе класса можно выделить единицы, во внутренней структуре которых наличествуют признаки другого, противопоставленного класса. Внутренняя структура таких единиц характеризуется асимметрией признаков, а сами единицы помещаются в "периферию" данного класса" (Шапкин 1969, с.77). Эти и подобные утверждения весьма спорны.

Другое дело - выяснение того, что чаще встречается в пределах самой периферии, - симметрия или асимметрия явлений. Многие исследователи признают, что в пределах периферии того или иного явления асимметрия встречается чаще, чем в центре. В.Г.Адмони, например, утверждает, что в рамках так называемой "полевой теории" "периферия... асимметрична" практически всегда (Адмони 1964, с.51) (обратное неверно - А.К.).

Об асимметричности может идти речь в плане выражения, ког-

и анализируется функционирование, употребительность и т.д. языковых единиц, независимо от структуры такой единицы, ее моно- или билатеральности, но с учетом расположения определенных элементов языка по отношению к оси симметрии (например, асимметричны морфемы с точки зрения их фонетической структуры не только периферийные, но и центральные, причем симметричных структур меньше вообще в языке; с точки зрения рекуррентности морфем в слове - подавляющее большинство асимметричных, лишь приблизительно 1% симметричных структур /подробнее см. Глава III/ и т.п.). Парадокс состоит в том, что при анализе языковых единиц как знаковых случаи асимметрии встречаются столь же часто, как и симметрии, а при анализе расположения элементов в плане выражения относительно друг друга случаи асимметрии встречаются значительно чаще, чем случаи симметрии (к случаям симметричным относится словообразовательный круг; структуры морфем типа SVC и т.п.).

И т а к, основным принципом структурирования системы считается противопоставление центр - периферия (верно и обратное: и центр, и периферия языка системны). Асистемные явления почти всегда периферийны по отношению к центру, в пределах которого асистемности практически нет.

Явлений симметричных и асимметричных в языке достаточно много и выделять среди них центр и периферию затруднительно, но на периферии языка, выделенной по какому-то иному основанию, случаев асимметрии обычно больше, чем случаев симметрии, хотя возможны и противоположные примеры.

Термин "периферия" используется применительно не только к фактам языка, категориям и средствам их выражения, существующим в языке, составляющим фонд его слов, морфем, фонем, объединенных

систему, но и применительно к фактам языка с точки зрения их употребительности, функционирования.

В сфере употребления среди нормативных явлений можно выделить помимо центральных и периферийные зоны; вместе с тем отклонения от нормы, мало употребимые в силу разных причин и нерегулярные, оказываются тоже допустимыми для периферии. Следовательно, с одной стороны, нельзя ставить знак равенства между периферией и ненормой, асистемностью и асимметрией. С другой стороны, понятия ненормы, асистемности и асимметрии не могут считаться релевантными признаками, с помощью которых выделялась периферия.

Основным критерием выделения периферии должен быть количественный критерий.

ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ ПЕРИФЕРИИ .

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПЕРИФЕРИИ

Можно предположить, что к количественным критериям, наиболее пригодным для выделения периферийных явлений в языке, относится низкая частота встречаемости класса исследуемых единиц и размер класса, который чисто условно определяется в данной работе в 10%.

Частотные характеристики различных языковых явлений широко используются при анализе явлений разных уровней независимо от проблемы центра или периферии (см. Герд 1964, 1974; Бартков 1979; Бартков, Мельникова, Алексеенко, Ланевский 1979; Шишкина 1979; Тулдава 1987 и др.), но наиболее плодотворно они применяются при изучении периферии.

Одним из основных признаков периферии как универсального и

моторного проявления структурирования языка многие исследователи называют низкую частоту встречаемости, которая в области словообразования и морфемики (морфемного строения слова) находится в известной корреляции с непродуктивностью (хотя не идентична ей!), а в области словоизменения - с нерегулярностью грамматических явлений.

Низкая частота встречаемости периферийных явлений характерна для всех языковых уровней, особенно для фонологического, морфологического, лексического. Для синтаксиса Р.С.Питтман (Питтман 1948, с.287) также считает существенными критерии частоты класса, индивидуальной частоты и критерий размера класса, по которым выделяются ядра и сателлиты (последние соответствуют нередко периферийным явлениям в языке). Критерий частотности широко применяется в морфологии.

С помощью этого критерия можно подразделить части речи на центральные и периферийные; к периферийным отойдут части речи, обладающие малой частотой встречаемости класса, например, предлоги, союзы, частицы, которые в русском языке соответственно составляют 11,1%, 7,39%, 1,002% (Засорина 1977, с.927). В сумме класс служебных слов имеет частоту встречаемости меньшую, чем частота встречаемости существительных (~22,78% против 26,65%); при этом индивидуальная частота может вступать в противоречие с частотой класса.

Отдельные грамматические категории также, судя по данным частотных словарей, могут встречаться очень редко: сравнительная степень прилагательных - 3,5%, превосходная - 3,5% (Иоссельсон 1966, с.122); условное наклонение совершенного и несовершенного видов - 4,8% (Иоссельсон, 1966, с.123), будущее время несовер-

шенного вида - 3,7% (тогда как совершенного вида - 51,7%) (Иоссельсон 1966, с.124); Дат. п. ед.ч. - 3,8%, Твор. п. ед.ч. - 5,1%, Предл. п. ед.ч. - 5,8%, Род.п. мн.ч. - 4,4%, Вин.п. мн.ч. - 4,5%, Твор. п. мн.ч. - 1,4%, Предл.п. мн.ч. - 1,1% (Иоссельсон 1966, с.121. Ср. близкие данные Л.Н.Засориной и Э.А.Штейнфельдт, а также: Никонов 1959).

Абсолютно во всех приведенных данных можно видеть иерархию явлений, "принцип относительности", в том числе, условность частоты встречаемости как количественного критерия периферии. Все относительно: Род.п. мн.ч. (4,4%) в процентном отношении мал сравнительно с другими падежами множ. ч., но достаточно велик по сравнению с формами Род. п. обоих чисел; кроме того, частотность Род.п. мн.ч. является различной в разных жанрах (см. работы В.А.Никонова, Правдина).

Пользуясь количественными методами, можно установить пределы варьирования грамматических форм. Грамматическая система ограничена в своих отклонениях, так как отклонения допускаются до определенного порога. Пределами грамматичности является подобие общности и приемлемости (Лайонз 1978, с.165) - сообщение должно быть понято собеседником или читателем. Можно говорить о предельности и весе вариантов в грамматике и об обратных влияниях динамических элементов (вариантов) на устойчивые (впрочем, вряд ли бывают абсолютно устойчивые элементы) (Граудина 1977а, с.146). В рамках существительных Л.К.Граудина выделяет варианты 1-ой частотной зоны (более 1000 конкурентных форм) и II-ой, в которой частота формы находится в диапазоне $999 < 655 < 100$ (возможны конкурентные формы I-II частотных зон, частота которых находится в разных диапазонах). Чем больше частотность периферийного вари-

анта, тем сильнее его воздействие на нормативное употребление (Шварцкопф 1977, с. 130).

Широко используется критерий частотности в работах по теории поля, где высокая частота встречаемости характеризует центральные семемы и средства их выражения, а низкая, наоборот, — периферийные семемы поля и периферийные средства выражения как центральных, так и периферийных семем. При этом одной из причин периферийности семемы может служить тот факт, что данная семема имеет в языке регулярное выражение как составляющая плана содержания другого поля (Беляева 1977, с.21; Семенова 1977, с.)

Критерий частотности используется также в исследованиях по словообразованию и морфемному строению слов, причем нередко результаты интерпретируются в плане "ядро (центр) — периферия" (Клименко 1981; 1978; Ворожцов 1982, с.50).

На лексико-семантическом уровне частотность особенно наглядно помогает отделить центр от периферии. Этот критерий используют В.В.Ремарчук (1974), А.М.Кузнецов (1980) (ср. подсобные материалы по словарю: Турко 1968, где тщательно отделены друг от друга все омонимы, в отличие от частотного словаря русского языка — Засорина 1977).

В свое время Н.В.Крушевский указывал на то, что обилие слов определенного морфологического типа может быть контрабализировано различием в частоте словоупотребления, и потому наиболее ходкие слова наименее поддаются переинтеграции (ср.: Якобсон 1971, II, с.438), то есть потеря целым какой-либо составной части, в трактовке Н.В.Крушевского, или опрощению в современной терминологии. Иными словами, на уровне лексики наиболее употребительные слова — наиболее устойчивы по морфемной структуре и

в морфологическом плане (имеется в виду исторический период развития русского языка), с чем легко согласится лингвист, занимающийся морфемным анализом, и в чем может в настоящее время усомниться дериватолог. Слова с низкой частотой встречаемости более изменчивы по своей структуре, чем высокочастотные слова. Так, на первую тысячу самых частотных слов (Засорина 1977) приходится только $\sim 4\%$ слов, претерпевших за исторический период опрощение (сложные слова и поздние послепетровские заимствования опускались). Эту подгруппу можно считать с точки зрения изменчивости морфемной структуры слова периферийной внутри самых частотных слов, но по другому количественному критерию: наряду с критерием частотности применяется (плодотворнее и чаще) критерий размера класса, зависящий в области морфемии от продуктивности и активности морфем (Питтман 1948; Кузнецова, Лавренова 1975);

Критерий малого размера класса может быть использован для анализа самых различных явлений, поддающихся количественной обработке, которые могут рассматриваться под разными углами зрения. Критерий малого размера класса особенно удобен при определении периферии в словаре; этот критерий является основным для обнаружения периферийных явлений, а критерии низкой частоты класса - вспомогательным. Оба количественных критерия в одних случаях достаточно хорошо коррелируют между собой, в других возможны и прямо противоположные или сильно расходящиеся результаты.

Например, по критерию малого размера класса не только все учебные слова, составляющие в общей сложности менее 1% слов русского языка (Обратный словарь 1974, с.944), могут быть оце-

нены как периферия, но и классы местоимений, числительных и наречий, включающие в свой состав менее 2% всех слов современного русского языка (наоборот, существительные, глаголы и прилагательные охватывают более 97% всей лексики - 46,35%, 30,71% и 20,4% соответственно). Но по критерию частотности местоимения вряд ли можно считать периферийной областью языка: 69 местоимений (Засорина 1977) соответствуют 141937 словоупотреблениям в текстах, в то время как 3988 существительных - 249839 словоупотреблениям, 2478 глаголов - 159006 словоупотреблениям, 36 предлогов - 115788 словоупотреблениям (при выборке в 1 млн.). Среди русских местоимений наибольшее количество словоупотреблений - у местоимений ОН/ОНА/ОНО/ОНИ (25213), местоимения Я (13839) и местоимений ЭТОТ/ЭТО (13101).

Другой пример: количество вариантных форм в языке в пределах разных частей речи по сравнению с неварьирующимися - периферия, охватывающая 5-6% лингвистических феноменов: едва ли не единственное исключение снова представляют местоимения (предметно-личные и местоимения - прилагательные), 93% которых (66 из 71) имеют варианты, что свидетельствует об общей нестабильности всего разряда (Захарова 1983). В свою очередь в сфере словоизменения по отношению к совокупности всех словоизменительных форм русского языка вариантные формы различных частей речи могут быть разделены на центральные и периферийные (например, число вариантов у числительных - 1,7%, у местоимений - 3,8%, у глаголов - 5,8%, а у существительных - 49,2%) (Граудина 1977а, с.146). В области морфемки также легко найти примеры на отсутствие корреляции между низкой частотностью и малым размером класса. Например, корневые слова русского языка составляют ничтожное

меньшинство по отношению ко всему словарному запасу языка (см. глава IV), но абсолютная частота корневых слов, по сравнению с любыми другими структурами, очень велика, судя по словарю Штейнфельдт (1963) — 40258 (Герд 1964, с.77), хотя индивидуальная частота отдельных слов может быть низкой.

"Высокочастотны простейшие структурные типы слов, чем сложнее структура слова, тем ниже его частота" (Герд 1964, с.77). Несмотря на приведенные примеры, в языке все же чаще наблюдается корреляция между низкой частотой встречаемости языковых явлений и малым размером класса, включающего их. В результате можно сделать следующее утверждение: критерий малого размера класса будем считать основным критерием определения периферии в языке.

То, что в процентном отношении представляет собой минимальное количество и относится по этому признаку к периферии, одновременно может представлять собой отклонение от величины, характерной для подавляющего большинства языковых явлений, принимаемых за эталон. Отклонения от цифр, охватывающих основную массу явлений языка, изучаемых под тем или иным углом зрения, выглядят как некие крайности (крайние точки) одной шкалы, на которой размещаются исследуемые явления, рассматриваемые с точки зрения какого-либо определенного признака. Так, на шкале, где отмечаются значения суффиксов, "центральное положение в (именной суффиксальной — А.К.) системе занимают суффиксы, совмещающие два-три значения... На периферии данного набора располагаются однозначные и многозначные суффиксы. Их очень немного, и они максимально противопоставлены друг другу по значению, дистрибуции, фонетическому облику" (Ревзина 1969, с.72). Отклонения при

том могут быть как низкочастотными, так и сверхчастотными, изоточными. Одно и то же явление под одним углом зрения может быть отнесено к центру, под другим - к периферии. Определение того, принадлежит ли какое-либо явление к центру или периферии, зависит от точки отсчета и выбранного параметра. Точкой отсчета должны стать наиболее типичные явления языка, рассматриваемые на всех языковых уровнях; ими могут быть явления как языка, так и речи. Можно, видимо, говорить о периферии языка относительно определенного "уровня языка" (или определенной системы правил в описании данного языка) (Живов 1973, с.142. Например, как показали В.М.Живов и Ф.Данеш (1966), местоимения оказываются периферийными и относительно фонологического уровня, и с точки зрения системы правил выражения грамматических категорий).

Языковая "теория относительности" выявляет свою относительность не только в рамках одного языка в зависимости от точки отсчета, от точки сопоставления, но и в разных языках: то, что обязательно для одного языка, не обязательно, факультативно и часто периферийно для других языков (Якобсон 1971, II, с.489-496; Восточное языкознание 1982).

Таким образом, крайние точки на шкале, которые представляют собой отклонения от цифр, характерных для центра (то есть для типичных, составляющих абсолютное большинство явлений), и охватывают малое количество таких элементов (условно не более 10%), можно считать периферийными явлениями, обнаруженными при рассмотрении языковых фактов под каким-либо определенным углом зрения, с точки зрения того или иного параметра (признака).

Возникает сложный вопрос выбора признаков

для анализа различных языковых явлений. Как уже отмечалось во Введении, использование независимых друг от друга признаков позволяет обнаружить глубинные, часто весьма существенные сходства у множества разнородных на первый взгляд объектов.

Подобно тому, как для классификаций языков предлагается брать то какой-либо один признак, то большое количество их (Вахек 1964, с.244), то (что считается лучшим) "некий набор признаков, сумму типичных языковых примет, доступных и количественным измерениям" (Ярцева 1974, с.18-19), для определения морфемной периферии языка разумно наметить n -ое количество морфемных черт, по которым и сравнивать центр и периферию (при этом обычно считается, что признаки, характеризующие центр и периферию, должны быть обязательно существенными, хотя остается неясным, что вкладывается в данное понятие (Бондарко 1968, с.5, Немченко 1984, с.49).

Существует ли постоянный набор признаков для отделения центра от периферии, для определения, классификации самих периферийных явлений? Многие считают, что следует отобрать для этих целей смысловые категории, грамматические признаки (в рамках теории поля в этом случае речь идет также о наборе /системе/ средств выражения функционально-семантической категории, причем "периферию поля составляют те единицы, которые однозначно соответствуют той или иной семе поля, то есть являются наиболее специализированными средствами выражения данной семы." Беллева 1977, с.16; Вайдман 1980, с.75). Спор ведется из-за того, какие именно смысловые категории должны быть взяты как исходный, центральный пункт рассмотрения материала различных языков в отличие от периферийных категорий в понятийной сфере языка (Ярцева 1974, с.21;

Адмони 1968, с.98). Высказывается предположение, что "...в грамматически несхожих языках легче обнаружить широкие категориальные значения, в то время как частные (или дробные) грамматические значения для того или иного языка могут оказаться не существенными" (Ярцева 1975, с.12). Кроме того, утверждается, что в центре происходит концентрация всех признаков, а на периферии наблюдается некомплектное число этих признаков (Адмони 1964, с.49; Немец 1978, с.421), иначе говоря, не все признаки, как утверждается в теории поля, реализуемые в центре, находят свое воплощение на периферии. Однако такого вывода нельзя делать при подходе, предлагаемом в настоящей работе; вместо несколько туманного понятия периферийной области можно определить с помощью количественной методики и параметризации любой языковой единицы (морфемы, структуры слов и т.д.), понятие периферийного явления (однопризнакового периферийного пространства).

Периферийных явлений будет столько, сколько будет использовано релевантных для данной процедуры обнаружения периферии признаков.

Параметрический анализ (параметризация языковых явлений) начинается с того, что составляется перечень признаков (в данной работе - морфем и структур слов). По каждому признаку дается перечень принимаемых им значений, количество которых может колебаться от двух значений альтернативного признака (например, общеславянская или заимствованная морфема; морфная структура слова с рекуррентными аффиксами или без них) до десяти и более (например, структуры слов малой, средней или большой глубины; или принадлежность корневого слова к одной из лексико-семантических групп).

Признаки могут быть как качественными (например, наличие или отсутствие алломорфов у корня), так и количественными (каково число алломорфов корня, число производных).

Р е л е в а н т н ы м и п р и з н а к а м и, используемыми при поисках периферийных явлений, можно считать параметры, по которым подавляющее большинство исследуемых объектов относится к одному значению признака, а ничтожное меньшинство, - к другому. объявляемое периферией,

Диагностирующими (релевантными) признаками, используемыми при анализе периферийных явлений в морфемной структуре слова и в инвентаре морфем, могут быть такие параметры, как количество морфем в слове, порядок их следования, независимость, длина морфем, продуктивность и многосторонность (дистрибуция) морфем и др., по которым исследуется морфемный состав русских слов и запас морфем в III и IV главах соответственно (Ср. признаки, используемые при "паспортизации" деривационных морфем и корней в работах: Торндайк 1941; Буранов 1963; Зятковская 1971; Кубрякова, Харитончик 1976; Бартков 1982; Бартков 1986; Минина, Бартков 1986; Андреевская 1987 и др.).

Между различными признаками может существовать корреляция, выявление которой при ручной обработке материала представляет большие трудности.

На основании устанавливаемых корреляций можно обнаружить причинные связи, общие закономерности рассматриваемых периферийных явлений.

Как отмечал в свое время И. Филинец (1966; 1978, с.376), "для понимания сущности системы в словарном составе большое значение имеет теория иерархии и теория реляций". Это положение

применимо и к морфемике.

"Иерархическим грациям, составляющим сложную сеть различных (поливалентных) противопоставлений", могут подвергаться различные лингвистические феномены — оппозиции, отдельные (разрозненные) элементы и элементы какой-либо подсистемы языка, сама подсистема, какое-либо микрополе и т.д. (Гамкрелидзе, Елизаренкова, Иванов 1977, с.97-98).

К л а с с и ф и к а ц и я п о п р и з н а к а м не противоречит иерархической классификации. Можно контаминировать оба вида классификаций (Розина 1982), что мы находим в работах Р.Якобсона (Якобсон 1977, р.291-293).

При гибких оценках различных языковых явлений, учете их многочисленных параметров (признаков) затруднительно поместить языковые явления в прокрустово ложе либо периферии, либо центра. Более того, можно говорить о парадоксах центра и периферии. Дело в том, что далеко не любая группа морфем, слов или структур определенного типа, включающая в свой состав малое количество единиц (то есть класс элементов малого размера), является периферийной. Если какая-либо морфемная группа малого размера выполняет огромную функциональную нагрузку, обладает высокой продуктивностью, то ни о каком периферийном явлении не может быть и речи. Например, около 230 корней русского языка, что составляет 3% от числа всех исследуемых в настоящей работе корней, участвуют в образовании приблизительно 20 тыс. слов (35% рассматриваемого словника), в то время как с помощью остальных 92% корней образуется около 37 тыс. слов. Аналогичные сведения об обратной пропорциональной зависимости малого количества каких-либо морфем или структур слов и большого количества слов с ними приводит И.А.Ефремова (Ефремова 1970, с.12-13).

С разных точек зрения одно и то же явление может быть квалифицировано то как центральное, то как периферийное, и только точки пересечений большого ряда периферийных единиц, выделенных с разных точек зрения, можно называть собственно периферийными областями. Получается скользящая классификация языковых структур от центра к периферии как мест максимального средоточения, скопления пучков наиболее типичных для языка проявлений разнообразных признаков в центре и наиболее нетипичных на периферии, что может получить и чисто количественную оценку.

Фасетные (признаковые) классификации строятся по какому-либо одному определенному признаку (внутри такой классификации структура может быть иерархической. Вместе с тем фасетная классификация дает возможность "группировать понятия параллельно по нескольким различным признакам (фасетам)" (Гендлина 1980, с.6).

Таким образом, в данной работе проводится фасетная классификация языковых явлений, которая возможна на различных уровнях, в том числе, морфологическом и – более узко – в области морфемике, изучающей морфемный инвентарь языка и морфемную структуру слова (как в системе, так и в тексте).

В следующих главах демонстрируется на конкретном материале параметризация морфем и структур слов и дается по многим параметрам анализ периферийных явлений русского языка в области морфемики.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В МОРФЕМНОМ СОСТАВЕ СЛОВАРНОЙ
ФОРМЫ РУССКОГО СЛОВА

Задумываясь над структурой русского словарного слова вообще и его основы, в частности, носитель языка с легкостью назовет такие особенности строения слова, бросающиеся в глаза, как, например, обилие слов, начинающихся с префиксов (их значительно больше в языке), явное преобладание слов, имеющих в своем составе более одной морфемы, огромное количество слов с суффиксами в составе слова, то, что слово состоит обычно из разных, не повторяющихся морфем, но вряд ли носитель языка обратит внимание на такую черту строения слова в русском языке, как рекуррентность морфем, то есть изредка встречающееся всё же повторение одного и того же префикса в пределах слова, например, в существительном злостность, прилагательном поверхностный, глаголе грубиянить; или излюбленное место в префиксальной последовательности того или иного префикса и другие особенности.

Для обнаружения подобных редких, периферийных явлений в структуре слова необходим детальный анализ ее с разных точек зрения, выбор которых представляет известные трудности.

Как уже отмечалось в главе II, почти любое лингвистическое явление, рассмотренное под определенным углом зрения, особенно с точки зрения удачно выбранного диагностического признака, может иметь свой центр и периферию. Каждый новый параметр открывает новые возможности. Явления, проанализированные с помощью различных параметров, нередко могут быть сильно закоррелированы между собой, достаточно часто не взаимосвязаны никоим образом, существуют изолированно друг от друга.

В качестве признаков, по которым можно анализировать структуру

слова, в данной работе предлагаются следующие параметры:

- количество морфем в слове (в том числе количество корней и количество аффиксов в основе слова);
- порядок следования морфем в слове;
- неповторяемость, невоспроизводимость их в пределах слова.

Подавляющее большинство русских слов (более 87%) состоит из $4 + 1$ морфема.

Обычным порядком следования морфем в основе слова является расположение типа $\Pi - \sqrt{} - C$ (префикс-корень-суффикс), где Π принимает значение от 0 до 3 (с помощью отрицания не-, называемого иногда префиксальной частицей /см.Янко-Триницкая, 1976/, префиксальная цепочка изредка может удлиняться до четырех префиксов, как в слове не-при-с-по-соб-л-енн-ость-ø. Ср.: Уровни языка 1986, с.163),

$\sqrt{}$ - от 1 до 6 (нулевой корень существует - иначе говоря, корень отсутствует - в единственном слове русского языка, не считая его производных, в глаголе вынуть),

C - от 0 до 6. В слове, функционирующем в тексте, окончаний (ø) может быть от 1 до 3. При этом для слов центра наиболее типично количество префиксов - 1, суффиксов - 2, корней - 1 (окончаний - 1). Структура с максимальным количеством каждого вида морфем, то есть структура типа

$$\Pi_3 - \sqrt{}_6 - C_6 - \Phi_3 ,$$

содержащая в общей сложности 18 (словарная форма слова - 16) морфем, противоречит закону глубины слова и потому не встречается в языке (В данном случае речь идет только о сложных словах, в узком понимании этого термина: не учитываются составные наименования, словосочетания с нулевыми интерфиксами (РГ-80, § 584-585). При учете сложно-составных слов глубина несколько увеличивается. Ср.Тихонов 1987, с.175).

В 99,5% случаев слова состоят из разных морфем; оморфные морфемы в пределах одного слова также почти не встречаются.

Приведенные правила имеют немало исключений, образующих периферийные структуры слов в русском языке по каждому из упомянутых признаков. Среди перечисленных факторов наиболее важным является фактор глубины слова, называемый также общей сложностью слова или степенью синтеза, под которым понимается количество морфем в слове.

1

КОЛИЧЕСТВО МОРФЕМ В СЛОВЕ (ГЛУБИНА СЛОВА)

Лингвисты, изучающие глубину слова в разных языках, обычно интересуются только выводением средней величины, игнорируя возможные отклонения от нее (Матезиус, Гринберг 1963, Мануча-ев 1972, Москович 1967¹⁾, Зубкова 1984).

При средней глубине в 4 ± 1 морфема²⁾ слова меньшей или большей глубины составят периферийные области языка.

В статье В.А.Московича "Глубина и длина слов в естественных языках" (1967, с.17-33) все цифры, касающиеся русского языка, даны исходя из выборки в 13 тыс. слов русского технического текста (2 тыс. разных словоформ) и не соответствуют средним и максимальным глубинам слов всего словарного запаса русского языка. Интересно, что при машинной обработке словаря Д.Уорта (1970), несмотря на все расхождения в членении слов, "самыми характерными структурами для всех основ, безотносительно их частеречной принадлежности", оказались структуры в две, три и четыре морфемы, что означает, что для слов среднее количество морфем будет от трех до пяти (Уровни языка 1986, с.166).

Все подсчеты получены на основании анализа приблизительно 57 тыс. слов русского языка, в основном (52 тыс.) включенных в "Словарь морфем русского языка". Поздние заимствования не учитывались. Анализировались только словарные формы слов.

В группу слов с малыми глубинами попадают прежде всего корневые слова, среди которых можно выделить подгруппу слов-одиночек, не имеющих в языке никаких производных, и корневые слова *Pluralia tantum*, которые одновременно входят в подмножество слов *Pluralia tantum* производных, то есть с глубиной больше, чем две морфемы, и, таким образом, лишь частично пересекающихся со словами малой глубины. Наоборот, к словам с большими глубинами относится много поликорневых (сложных) слов или слов с повторяемыми в пределах слова суффиксами, выделенных в самостоятельные периферийные группы по признаку количества корней в слове или наличия рекуррентных суффиксов, и т.п. По признаку же аномальной глубины, отклоняющейся от средней величины 4 ± 1 морфема, все эти слова (корневые, частично - слова-одиночки, поликорневые сложные и некоторые другие) можно отнести к языковой периферии, охватывающей в целом около 13% слов русского языка: 5% - слова малой глубины и 8% - слова большой глубины.

Распределение слов по их глубине в терминах морфем в русском языке отражено в таблице 3, из которой четко видно, что самую многочисленную группу составляют четырехморфемные слова, а слова средней глубины (4 ± 1 ; графы 3-5) охватывают почти 90% всех рассмотренных слов русского языка (см. также график I).

Глубина слов обусловлена наличием в слове разных аффиксов - суффиксов и префиксов; максимальное число слов с аффиксами приходится на слова средней глубины (центр), причем слова без суффиксов (с префиксами или без них) встречаются в пределах простых (однокорневых) слов только среди слов малой глубины и центра. Исключение - шестиморфемный глагол вос-про-из-вес-ти-сь, причем сь считается окончанием, а не суффиксом), а слова без префиксов (с суффиксами или без них) не могут иметь более семи морфем, то

Таблица 3

Количество морфем в слове	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Количество слов (в %)	0,26	4,79	19,37	38,05	29,78	6,6	1,17	0,2	0,02	0,01	0,007

Вероятность обнаружения слов данной глубины (4 ± 1 морфемы), определяемой как $\frac{N(n)}{N}$, где $N(n)$ - число слов в словаре с глубиной n и N - полное число слов в словаре, показана на следующем графике :

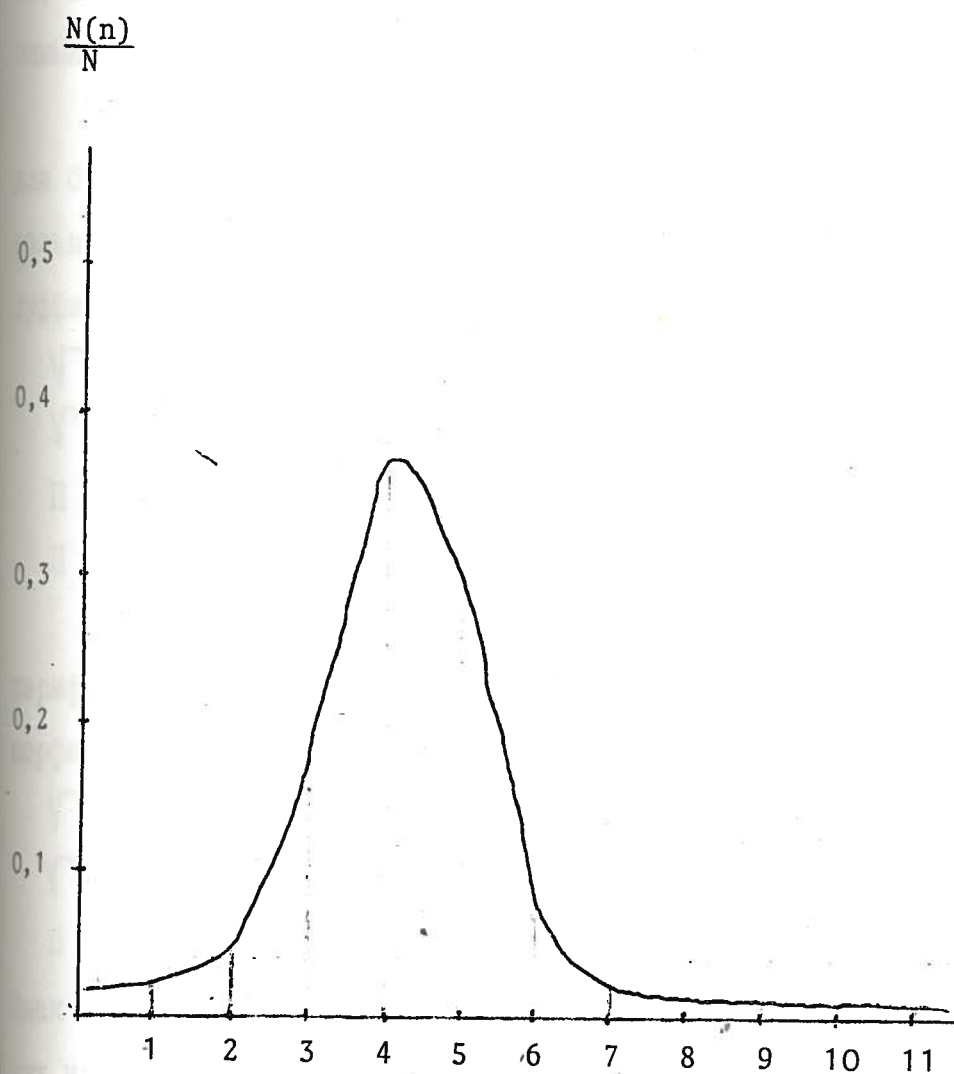

График 1

Количество морфем
в слове

есть восьми - одиннадцатиморфемные слова - всегда префиксальные. Интересным фактом является также практически равное в русском языке число префиксальных слов (с суффиксами или без суффиксов) с четырьмя и пятью морфемами (см. таблицу 4). И беспрефиксные слова /~36%/, и префиксальные /~64%/ могут быть как суффиксальными, составляющими подавляющее большинство слов, так и бессуффиксальными.

Бессуффиксные слова /9,6%³⁾/, приведенные в данной таблице, для большей наглядности выделены из числа беспрефиксных и префиксальных и даны отдельно. Всего возможно 11 типов построения бессуффиксных слов:

√-Ь	П - √-ф - ф	П - П - П - √-ф
√-ф	П - П - √-Ь	П - П - П - √-ф - ф
П - √-Ь	П - П - √-ф	П - П - П - √-Ь
П - √-ф	П - П - √-ф - ф	

Из этих структур три первых по глубине слов относятся к периферии - к словам малой глубины, состоящим из одной - двух морфем:

√-Ь	(ой! прыг! ещё, еле)
√-ф	(дом, бить, косой)
П - √-Ь	(вскачь, вкось, вдрызг)

Знак Ъ обозначает отсутствие суффикса в морфемной структуре таких частей речи, как наречия, междометия, частицы. Максимальное число бессуффиксных слов образовано по типу √-ф (более 2,5 тыс.)

³⁾ Иное количество бессуффиксальных структур в русском языке - 14% (Уровни языка 1986, с.164), полученное при обработке словаря Д.Уорта и др. (Уорт 1970), объясняется как различием в объеме словарей, так и принципиальными различиями в результатах членения слов (например, в словаре Д.Уорта в качестве суффикса всегда учитывается мягкий знак, чего не делают авторы "Словаря морфем русского языка").

С. 136
Членение
морфем
русского
языка

Таблица 4

Количество морфем											
Количество слов (в %)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Беспрефиксные слова	0,26	4,75	15,36	11,91	3,64	0,57	0,04				
Префиксальные слова		0,04	4,01	26,14	26,14	6,03	1,13	0,2	0,02	0,01	0,007
Бессуффиксные слова	0,26	4,73	3,7	0,91	0,05	0,001					

П - √ - ф (около 2 тыс.); минимальное (менее десяти) - по типу П - П - П - √ - ь, например, не-в-до-гад, не-в-про-ворот, и П - П - П - √ - ф, например, пере-про-из-вес-ти, по-раз-у-зна-ть, а также по типам √ - ь и П - П - √ - ф - ф (около двух десятков каждый) (подробнее о бессуффиксных словах см. Кузнецова 1980, с.137-141. Ср. также анализ бессуффиксных слов в плане словообразования в работах: Волков 1963; Земская 1973; Крылов 1960; Шанский 1968; Таунсенд 1975).

Для центра и периферии различно также общее распределение анализируемого корпуса слов по частям речи: слова малой глубины - это, главным образом, существительные; слова большой глубины распределяются по частям речи более равномерно, как и слова центра: больше всего глаголов, затем существительных и прилагательных (см. таблицу 5).

Рассмотрим подробнее слова, имеющие малые и большие глубины.

С л о в а м а л о й г л у б и н ы

Одноморфемные слова

Одноморфемные, самые короткие слова языка, часто заслуживают прямо противоположного к себе отношения: так, одни считают их мало выразительными и потому имеющими тенденцию к выпадению из языка (Вандриес 1937, с.200; правда, здесь речь идет о французских словах. Костинский 1977, с.131), по мнению других, они, наоборот, особо выразительны (Даль 1955, с. XXXIX т. I). Освещая в стороне вопрос об их выразительности, образности, можно назвать некоторые другие черты, характерные для одноморфемных слов.

В русском языке одноморфемными корневыми словами (Кузнецов 1977, с. 210-223; Богданов 1984, 1986) являются прежде всего

Таблица 5

Количество слов разной глубины	Ч А С Т И Р Е Ч И					Итого
	Существи- тельные	Глаголы	Прилага- тельные	Наречия	Прочие	
1. Слова малой глубины	2281 3,99%	86 0,15%	265 0,46%	77 0,13%	177 0,31%	2886 5,04%
2. Слова средней глубины (центр)	16926 29,62%	19755 34,55%	12558 21,98%	469 0,82%	5 0,008%	49713 86,95%
3. Слова большой глубины	1534 2,68%	1829 3,2%	1205 2,11%	14 0,02%	2 0,003%	4584 8,01%
4. В с е г о	20741 36,29%	21670 37,9%	14028 24,53%	560 0,96%	184 0,32%	57183 100%
Периферия (1 + 3)	3815 6,67%	1915 3,35%	1470 2,57%	91 0,15%	179 0,31%	7470 13,06%

служебные части речи - союзы, междометия, предлоги, частицы и глагольные частицы, отличающиеся от других частиц рядом собственных признаков. Кроме того, среди одноморфемных корневых слов встречаются изредка и знаменательные слова - наречия (в данном случае не принимаются во внимание одноморфемные заимствованные слова - несклоняемые существительные и, реже, прилагательные, которые С.И.Богданов (1984, 1986) называет "структурно-элементарной" знаменательной лексикой и о которых речь пойдет в главе IV).

Все перечисленные разряды одноморфемных слов занимают место на периферии русского языка. На весь объем анализируемого словарного запаса (почти на 57 тыс. слов) их приходится более 150, что составляет 0,26%⁴⁾. Периферийные группы русского языка обычно обладают низкой частотой встречаемости (см. например, слова-одиночки (Кузнецова 1977, с.210-223); одноморфемные сло-

⁴⁾ Это количество может быть значительно увеличено за счет группы междометий, куда входит множество звукоподражаний животным и птицам, обычно не фиксируемое никакими словарями, и за счет глагольных частиц, легко образуемых от глаголов. Глагольные частицы одни исследователи (А.А.Потебня, А.М.Пешковский) рассматривают в рамках глагола, другие - в рамках частиц (А.А.Шахматов), третьи квалифицируют их как междометия (составители "Обратного словаря русского языка" 1974 года издания, РГ-80). По "Обратному словарю русского языка" в объеме 125 тыс. слов служебные слова (предлоги, союзы, частицы и междометия, включающие глагольные частицы), даже не только одноморфемные, составляют 0,61%, то есть их более 700, но и там они далеко не исчерпаны. Ср. попытку составления словаря звукоподражательных слов в украинском языке, насчитывающего более 500 слов, Р.Смаль-Стоцкого (Стоцкий Р. Смаль. 1929)

ва в этом отношении подчиняются общему правилу периферии: частота класса в целом достаточно низкая, как и у других периферийных групп русского языка. Так, по словарю Э.А.Штейнфельдт (1963, с.31) на выборку в 387211 словоупотреблений приходится 4,26% одноморфемных частиц (частота употребления всех частиц - 5,1%). Сходные результаты получены И.А.Киселевым (1976, с.5. Ср.: Кулешова 1976), в работе которого частота встречаемости частиц (не только одноморфемных) определяется как 6,5% при выборке в 155390 словоупотреблений. По "Частотному словарю русского языка" под редакцией Л.Н.Засориной (1977, с.927) частотность их и того меньше - 1,002% (ср. частота существительных 26,65%, глаголов 17,12%, местоимений 13,29%). Одноморфемные союзы, по Э.А.Штейнфельдт, составляют 5,76% к числу всех словоупотреблений, междометия - 0,185%, предлоги - 10,4% (суммарная частота встречаемости всех одноморфемных слов, по словарю Э.А.Штейнфельдт, включая одноморфемные наречия, - 22,35%, то есть меньше, чем частота класса существительных, составляющая 26,4%).

Однако индивидуальная частота отдельных элементов нередко приходит в столкновение с частотой класса⁵⁾; многие частицы, союзы и предлоги сплошь и рядом являются высокочастотными словами русского языка, в то время как частота встречаемости междометий, глагольных частиц и одноморфемных наречий обычно низкая. Например, группа предлогов (не только одноморфемных) имеет

⁵⁾ Частота класса и индивидуальная частота входят в число критериев Р.С.Питтмана, разработавшего методику выделения ядер и сателлитов (Питтман 1948).

общую частоту (и по Л.Н.Засориной, и по Э.А.Штейнфельдт) 11,1% (с равномерным распределением частот для всех функциональных стилей), а частота отдельных предлогов колеблется (по словарю п/ред.Л.Н.Засориной) от 0,015% для предлога сквозь с ранговым № 461 до 4,2854% для предлога в(во), занимающего в таблице распределения частот ранговый № 1 (соответственно в словаре Э.А.Штейнфельдт: от 0,011879% до 3,048417%; ранговый № 2). Индивидуальная частота частиц также колеблется (по словарю Э.А.Штейнфельдт) от 0,004132% для частицы ишь (или 0,005681% для частицы мол) до 1,574593% для отрицательной частицы не, ранговый № 4 (по словарю п/ред.Л.Н.Засориной, от 0,004% для ишь с № 571 до 1,9228% для не с № 3; о частоте частиц мол, уж и некоторых других по данным этого словаря судить нельзя, ибо считалась частота двух пар омонимов - частиц и существительных, частота которых в сумме равна 0,0068% для мол, № 543, и 0,0261% для уж, № 230).

Диапазон распределения индивидуальных частот у союзов, по Э.А.Штейнфельдт, также значителен: от 0,005423% для хоть до 3,410027% для союза и, занимающего в общем списке слов по частоте первое место (в словаре п/ред.Л.Н.Засориной соответственно имеется колебание от 0,0286% /№ 338/ до 3,6266% /№ 2/ для тех же союзов. Впрочем, частота и - это общая частота союза и междометия). Индивидуальные частоты одноморфемных междометий и наречий не превышают десятых долей процента, если судить по словарю Э.А.Штейнфельдт, а нередко составляют 0,0001%, например, в словаре п/ред.Л.Н.Засориной - у междометий хо, хны.

Помимо признака низкой частоты встречаемости одноморфемные слова в основной своей массе имеют небольшую словообразователь-

ную валентность. Некоторые члены группы одноморфемных слов не входят вообще ни в какие гнезда: едва, если, еще, пли, увь, ура и другие. Это преимущественно наречия, союзы и (реже) междометия. От большинства не можно образовать производные слова, но далеко не всегда в значительном количестве. От междометий (особенно звукоподражаний) образуются обычно только глаголы и отглагольные существительные типа мяукать, размяукаться, мяуканье; хрюкать, крякнуть, акать, аканье, окать, оканье и т.п.

Глагольные частицы выделяются среди других языковых явлений не только благодаря своему лексическому и синтаксическому значению, но и благодаря происхождению, на что указывали многие лингвисты, специально исследовавшие глагольные частицы. Так, по мнению А.А.Потебни, глагольные частицы "извлечены из глагола таким образом, что уже при самом своем появлении не имели грамматических флексий, а не потеряли их с течением времени путем фонетического искажения"⁶⁾ (Потебня 1941, 189), то есть морг, прыг, дрыг произошли от моргать, прыгать, дрыгать, а не наоборот, причем в некоторых глагольных междометиях происходит смягчение основы (глядь, хватъ, нырь и другие). Иными словами, производительная валентность глагольных частиц нулевая, как и некоторых

⁶⁾ Ср. замечание Ф.И.Буслаева о том, что "русский язык усвоил себе особенные у с е ч е н н ы е ф о р м ы (разрядка автора — А.К.), которые даже внешним видом своим соответствуют м г н о в е н н о с т и действия, ими выражаемого... Эти формы, чисто глагольного происхождения, состоят по употреблению в одном разряде с некоторыми междометиями, преимущественно с звукоподражательными, означающими тоже мгновенность действия; каковы, напр., бухъ, бацъ". Усеченными формами (Ф.И.Буслаев имел в виду глагольные частицы) древний и народный язык, по словам Ф.И.Буслаева, "богаче современного книжного" (Буслаев 1959, с.106).

других одноморфемных слов (см. упомянутые выше едва, еще...). Зато продуктивность корней одноморфемных слов (особенно глагольных частиц) во многих случаях может быть значительной.

Глагольные частицы часто входят в состав больших гнезд слов, достаточно назвать такие слова, как хватать (в гнезде имеется более 100 производных при одном корне), хлоп и шип, входящие в гнезда, где более 80 производных, мах (более 70 производных), глядь, толк, швырь (в гнездах содержится более 60 производных на каждый корень) тук, дерг, царап, тык, двиг (гнезда объединяют свыше 50 образований каждое) и проч.

В целом производительная валентность одноморфемных слов невысокая, так же, как и продуктивность их корней, или, говоря словами Р.С.Питтмана, многосторонность связей у них меньше, чем у других корней русского языка.

Окказионально многие глагольные частицы могут использоваться как существительные, становясь тогда двуморфемными словами. Так, у А.Белого в его мемуарах "Начало века" встречаем: "...скульптура поэзии греков слагалась в метаниях диска, копьа, в беге, в прыжке, в борьбе"; ср. там же: "фык, рык и брык сплошных какофоний", "фырк, дерг, вскид рук", "дерг бровей", "скоки и брыки", "грох пролеток", "махи рук" и сотни других подобных конверсиров как один из излюбленных художественно-стилистических приемов автора.

Итак, 1) одноморфемные слова почти все относятся к неизменяемым служебным частям речи; 2) размер класса мал (0,2%); 3) частота класса в целом низкая, что сближает одноморфемные слова со всеми периферийными явлениями русского языка, хотя индивидуальная частота отдельных слов может быть достаточно высока; 4) словообра-

значительная валентность одноморфемных слов незначительная, иногда нулевая, продуктивность корней также небольшая, за исключением корней глагольных частиц, среди которых есть корневые слова, входящие в большие гнезда, большинство же - в гнезда средней величины или даже малые.

Двуморфемные слова

Двуморфемные слова могут быть двух типов - с префиксами, но без флексий (наречия типа во-круг, в-доль, реже - предлоги) и беспрефиксные (корневые слова, среди которых встречаются существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, числительные).

Префиксальных двуморфемных слов - ничтожное количество (25 в исследованном материале, например, вдоль, вкось, вскачь, въявь, впрочь), зато беспрефиксных слов (корневых существительных, прилагательных, глаголов, а также небольшое количество наречий и служебных слов) - более 2700 (4,75% от общего объема материала - 7 тыс. слов).

Если существительные (более 2250), прилагательные (более 250) и глаголы (более 100) состоят из корня и окончания, то беспрефиксные двуморфемные наречия и служебные слова (~ 60) в своем составе имеют корень и суффикс (без окончания), например: быстр-о, расел-о, долг-о, здоров-о, плох-о, прям-о, тих-о, хмур-о; вечер-ом, круг-ом, лет-ом, ряд-ом, утр-ом; дом-а; зим-ой, пор-ой, че-од-ой; стой-мя, крич-мя, плаш-мя, рыд-мя, торч-мя; кром-е, сред-и и др.

Структура существительных с точки зрения их соотношенности с значениями (реальными и нулевыми) была подробно рассмотрена в работе о корневых словах (Кузнецова 1977); там же была описана словообразовательная валентность корневых слов, под которой по-

ималась способность корня функционировать в качестве самостоятельного (одного или двух, в единичных случаях - трех) корневого слова.

Распределение корневых двуморфемных слов по частям речи (по отношению к исходному материалу) можно отразить в таблице 6 (для сравнения даются двуморфемные бессуффиксные, то есть кончающиеся на корень, слова с приставками).

Таблица 6

Количество слов (в-%)	Ч А С Т И Р Е Ч И					
	Сущест- витель- ные	Глаго- лы	Прила- гатель- ные	Наречия	Прочие	Всего
Беспрефик- сные слова	4	0,15	0,46	0,09	0,04	4,75
Префик- сально-бес- суффиксные слова				0,04		0,04
Всего	4	0,15	0,46	0,13	0,04	4,79

Из данной таблицы легко установить, что среди двуморфемных слов 1) беспрефиксные слова составляют 99,16%, а префиксальные только 0,84; 2) что существительные составляют в пределах двуморфемных слов 83,37%, глаголы - 3,14%, прилагательные - 9,69%, наречия - 2,81%, "прочие" части речи (служебные слова) - 0,98%. Дополнение новыми словами служебных частей речи происходит с большим трудом, остальные разряды, наоборот, могут легко пополняться.

Определение частотности двуморфемных существительных требует специального исследования. Частотность остальных разрядов слов

низкая. Так, среди глаголов половина слов имеет частоту выше 10 на 1 млн словоупотреблений (по словарю п/ред. Л.Н.Засориной), другая половина - ниже 10. Частота класса всех двуморфемных глаголов - ниже 3%. Самая высокая индивидуальная частота у глагола идти - 13307 на 1 млн словоупотреблений, ранговый № 6; относительно большая частотность у глаголов мочь (3373), знать (2192), идти (1818), стать (1549), дать (935), есть (933), жить (853). Наблюдаются резкие перепады в частотах, как видно уже из приведенных примеров, где глаголы даны по порядку убывания частот.

В целом можно считать, что и одноморфемные, и двуморфемные слова в совокупности своей образуют периферийную группу слов русского языка - слова малой глубины. В пределах этой периферийной группы двуморфемные существительные и прилагательные ближе подходят к центру, чем остальные части речи, смыкаясь по отдельным признакам с центральными группами русского языка; служебные элементы (см.Богданов 1984), особенно одноморфемные, наоборот, наиболее удалены от центра, ярче выражают сущность периферии. Такая диффузность микрогрупп периферии характерна для всей периферийной области языка, как и плавность перехода от периферии к центру и обратно, что хорошо видно на примере слов большой глубины, а именно - на примере шестиморфемных слов.

С л о в а б о л ь ш о й г л у б и н ы

Простые (однокорневые) многоморфемные слова.

Если слова малой глубины, то есть имеющие в своем составе одну - две морфемы, составляют около 5% на 57 тыс.слов русского языка, то удельный вес слов большой глубины в общем словарном запасе языка еще меньше: их около 1,5%. Однокорневые слова большой глубины могут иметь от семи до одиннадцати морфем, причем их ко-

личество обратно пропорционально их глубине: с семью морфемами слов больше, чем с восемью, с восемью — больше, чем с девятью и т.д. (667 — 117 — 12 — 7 — 4). Пропорция эта несколько изменяется с привлечением сложных слов (см. ниже), но в целом тенденция к уменьшению сохраняется.

Шестиморфемные слова в русском языке занимают промежуточное положение между центром и периферией. Они составляют 6,6% в общем корпусе анализируемых слов и существенно отличаются от слов еще большей глубины прежде всего тем, что в них представлено большое разнообразие корней, суффиксов и префиксов, с помощью которых образуются слова и других типов, тогда как семи-одиннадцатиморфемные слова в этом отношении самозамкнуты и используемый для построения этих слов инвентарь морфем ограничен (см. об этом дальше). Кроме того, частота класса шестиморфемных слов выше частоты класса всех остальных слов большой глубины. То же можно сказать и про индивидуальную частоту многих членов этой группы.

Наконец, в отличие от шестиморфемных слов остальные простые слова большой глубины, 1) только приставочные, за исключением нескольких семиморфемных слов, например: уч-и-тель-ств-ов-а-ть, уч-и-тель-ств-у-ющ-ий; 2) относятся в основном к именам (существительным и прилагательным) и глаголам (среди простых 9-11 морфемных слов нет наречий, местоимений и числительных).

Среди семи- и восьмиморфемных слов преобладают существительные (глаголы стоят на втором месте, прилагательные — на третьем), а среди девяти-одиннадцатиморфемных слов больше всего глаголов (распределение по существительным и прилагательным равномерное, если не считать неожиданного отклонения от этого утверждения в девятиморфемных словах, где нет прилагательных вообще).

Анализ простых слов большой глубины по частям речи выявляет закономерные особенности в пределах каждой из них.

Простые (однокорневые) существительные большой глубины - это почти исключительно или абстрактные отглагольные существительные (отыменные существительные чрезвычайно редки, типа омертвелый - омертвелость, ороговелый - ороговелость) на -(е)ство, -ость и -ние, или существительные женского рода, обозначающие деятеля.

В семиморфемных существительных, с одной стороны, это такие слова, как пре-по-да-ва-тель-ств-о, со-в-мест-и-тель-ств-о; ве-ис-по-вед-им-ость-ф, рас-по-зна-ва-ем-ость-ф; пере-об-оруд-ов-а-ни-е, со-сущ-еств-ов-а-ни-е; с другой стороны, это обо-льст-и-тель-н-иц-а, пре-по-да-ва-тель-ниц-а (ср. реже: вос-про-из-вод-и-тель-ф, о-с-вед-ом-и-тель-ф, про-до-воль-ств-енн-ик-ф...).

Восьмиморфемные существительные можно иллюстрировать следующими примерами: о-пуст-ош-и-тель-н-ость-ф, пред-у-пред-и-тель-н-ость-ф, про-из-вод-и-тель-н-ость-ф, со-бол-е-зн-ов-а-ни-е, ис-ход-атай-ств-ов-а-ни-е; рас-по-ряд-и-тель-н-иц-а, со-в-мест-и-тель-н-иц-а, со-про-вод-и-тель-н-иц-а.

Среди девятиморфемных простых существительных встречаются преимущественно существительные женского рода со значением лица (деятеля): вос-про-из-вод-и-тель-н-иц-а, о-с-вед-ом-и-тель-н-иц-а, а среди десяти- и одиннадцатиморфемных - только отглагольные существительные со значением действия, процесса (о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ни-е, пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ни-е).

Подавляющее большинство глаголов большой глубины - это глаголы на -ся и глаголы на -овать: с-мил-ост-ив-и-ть-ся, у-по-ряд-и-ть-ся, по-со-дей-ств-ов-а-ть, пре-вос-ход-ств-ов-а-ть, бес-

фиксированный глагол уч-и-тель-ств-ов-а-ть; пред-вод-и-тель-ств-ов-а-ть; пред-сед-а-тель-ств-ов-а-ть, со-в-мест-и-тель-ств-ов-а-ть; о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ть-ся, пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ть-ся. Характерно, что все слова с 10 и 11 морфемами, в том числе и прилагательные, о которых речь впереди, имеют лишь корень -вид- (исторически -вед-), представляя собой как бы "вариации на тему видеть".

По сравнению с существительными и глаголами простые (одно-морфемные) прилагательные большой глубины встречаются редко. Среди них немало причастий, употребляющихся в значении прилагательного, как ис-польз-ов-а-нн-ый, о-при-ход-ов-а-нн-ый, пере-об-оруд-ов-а-нн-ый, пере-рас-ход-ов-а-нн-ый; о-по-сред-ств-ов-а-нн-ый, по-за-им-ств-ов-а-нн-ый; за-с-вид-е-тель-ств-ов-а-нн-ый; пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-нн-ый. Возможны и "чистые" прилагательные, но только семи-восьмиморфемные, представляющие собой часто образования на -нн-ый, реже - на -ский от существительных на -тель: вос-со-един-и-тель-н-ый, про-из-вод-и-тель-н-ый, рас-по-ряд-и-тель-н-ый и рас-по-ряд-и-тель-ск-ий, о-глас-ов-а-тель-н-ый, со-в-мест-и-тель-ск-ий, у-по-треб-и-тель-н-ый; о-с-вед-ом-и-тель-н-ый, вос-про-из-вод-и-тель-н-ый.

Наконец, простые наречия (да и тех считанные единицы в словаре) не могут содержать в своем составе более семи-восьми морфем, например, не-за-медл-и-тель-н-о, у-пад-оч-н-ич-еск-и; по-сред-ств-ов-а-нн-о; впрочем, наречия в словарях даются во многом непоследовательно.

При исследовании слов большой глубины бросается в глаза, что им представлен сравнительно узкий круг корней. Это такие корни, как -вед-, -вид-, -вод-, -глас-, -да-, -зна-, -мест-, -пад-, -вед-, -сооб-, -сто-, -ход- и некоторые другие.

Распределение простых слов большой глубины по трем основным частям речи можно подытожить таблицей 7, в которую введены так-же для сравнения шестиморфемные слова.

Частота класса слов с семью - одиннадцатью морфемами ничтожна, составляет десятые доли процента: 1 - 4 раза на 1 млн. словоупотреблений (воспроизводиться, освидетельствование, совмести-тельство, распорядительность, упадочнический, позаимствовать, освидетельствовать и т.п.). Изредка частотность может быть выше, как у прилагательного производительный (64 раза на 1 млн словоупотреблений) и существительного производительность (66 раз).

Большинство слов вообще не попало в миллионную выборку, например, воспроизводительный, опосредствованный, переосвидетельствованный, позаимствованный, прочувствованно, смягчительный, сослагательный, удлинительный, употребительный и другие.

На примере слов большой глубины хорошо видно, насколько усложнены границы того или иного периферийного явления. Между шестиморфемными и остальными словами существует, как уже говорилось, большое различие, состоящее не только в резком перепаде количества слов в группе, но и в том, что у шестиморфемных слов во всех частях речи могут быть и приставочные, и бесприставочные образования, в то время как у восьми-одиннадцатиморфемных слов бесприставочных образований нет совсем; среди шестиморфемных слов преобладают глаголы, у семи-восьмиморфемных - существительные (десятиморфемные и особенно десяти-одиннадцатиморфемные слова не показательны, потому что их 1) считанные единицы, 2) десяти- и одиннадцатиморфемные возможны только с корнем -вид-). Шестиморфемные слова, с одной стороны, можно отнести к центру, с другой стороны, - считать периферийной группой (их 6,6%, то есть ниже порога, которые взяты за пороговую цифру).

Ч А С Т И Р Е Ч И					В с е г о	
Количество слов бо- льшой глубины	Сущест- вительные	Глаголы	Прилагатель- ные		(в цифрах	(в %)
Семиморфем- ные слова	289 0,51%	223 0,39%	159 0,27%		671	1,17%
Восьмимор- фемные слова	56 0,09%	41 0,07%	22 0,04%		119	0,2%
Девятиморфем- ные слова	4 0,007%	8 0,013%	- -		12	0,02%
Десятиморфем- ные слова	2 0,003%	3 0,005%	2 0,003%		7	0,01%
Одиннадцати- морфемные слова	1 0,002%	2 0,003%	1 0,002%		4	0,007%
В с е г о	352 0,61%	277 0,48%	184 0,31%		813	1,4%
Шестиморфем- ные слова	1182 2,07%	1552 2,71%	1021 1,79%		3755	6,57%
И т о г о	1534 2,68%	1829 3,19%	1205 2,1%		4568	7,97%

Сложные (поликорневые) многоморфемные слова

Привлечение к анализу сложных слов несколько изменяет общую картину; положение о средней глубине слов в русском языке 4 ± 1 морфема в поликорневых словах уже теряет силу, как и во многих других периферийных группах слов. За счет обращения к сложным словам возрастает количество слов большой глубины, значительно увеличивается число существительных, глаголов, прилагательных и наречий, не только таких, как, например, в-за-им-о-про-ник-н-ов-ни-е, воз-дух-о-плав-а-тель-н-ый, выс-ок-о-пре-вос-ход-и-тель-ство-о, оч-к-о-в-тир-а-тель-н-иц-а, по-с-ум-а-с-ше-ств-ов-а-ть, но и образованных от числительных, например, шест-и-десят-и-пят-и-лет-н-ий. Легко представить ситуацию, требующую создания не только одиннадцатиморфемных, но и четырнадцати- и даже шестнадцатиморфемных прилагательных от числительных: дв-ух-тысяч-а-пят-и-сот-шест-и-десят-и-сем-и-лет-н-его⁷⁾. Естественно, что такие искусственные слова⁸⁾, легко генерируемые в речи, в работе в целом не учитываются, хотя и нарушают общую картину.

Наиболее разительные результаты дает сопоставление рассмотренного ранее материала с периферийной группой поликорневых слов

⁷⁾ В частотно-стилистическом словаре вариантов Л.К.Граудиной, В.А.Ицковича, Л.П.Катлинской (1976, с.268) указываются варианты таких образований: 69,23% с первым количественным числительным в родительном падеже, 30,77% - в именительном падеже, что, впрочем, не меняет количества морфем в слове.

⁸⁾ Ср. достаточно уродливое построение у Андрея Вознесенского поликорневого прилагательного, образованного на базе семизначного числительного, содержащее 34 морфемы: четыр-ех-милли-он-н-о-пять-~~б~~-сот-~~б~~сорок-а-сем-и-тысяч-е-восемь-~~б~~-сот-~~б~~дв-а-дцат-и-тр-ех-квадр-ат-н-о-кило-метр-ов-ого (чудища) (в статье Тихонова 1987, с.176 в этом примере ошибочно насчитывается 30 морфем).

Кузнецова, 1980, с. 128-137), составляющих в русском языке менее 1%. 84% слов в них состоят из пяти- восьми морфем, а пик приходится не на четырехморфемные слова, как в простых словах русского языка, а на семиморфемные, составляющие около 30% всех поликорневых слов. Если в литературном языке в целом восьми-одиннадцатиморфемные простые слова составляют чуть более 0,23%, то в поликорневых словах на них приходится 27% всех поликорневых слов, в абсолютных цифрах - около 140 слов, например: пар-о-воз-о-стро-тель-н-ый, пыл-е-вод-о-не-про-ниц-а-ем-ый, сам-о-у-до-вл-е-твор-ени-е, сам-о-у-до-вл-е-твор-ени-ость-ь и т.п.

Весьма заметное увеличение количества морфем в поликорневых словах по сравнению с простыми (однокорневыми) можно наглядно показать в таблице 8.

В разных периферийных микрогруппах русского языка глубина слова, как мы видели, может быть иная, чем в центре. Сравним три периферийные микрогруппы (поликорневые слова, бессуффиксные и корневые) между собой с точки зрения их морфемной глубины (см. таблицу 9).

Глубина в терминах морфемы корневых слов всегда меньше, чем глубина слов центра (отсюда - по признаку морфемной глубины у корневых слов нет точек пересечения с центром); в группах бессуффиксных и поликорневых слов есть слова такой же глубины, как и в центре. Следовательно, в группах поликорневых слов и бессуффиксных, с одной стороны, и в группах бессуффиксных и корневых слов, с другой стороны, встречаются слова одинаковой глубины, тогда как в группах поликорневых и корневых слов это невозможно (см. сводную таблицу 9а, в которой периферийные зоны отмечены знаком плюс (+), а центральные - с указанием на процентное содержание соответствующих слов в них - заштрихованы).

Таблица 8

Количество морфем											
Количество слов (в %)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Однокорневые (~ 57 тыс.)	0,26	4,79	19,37	38,05	29,78	6,6	1,17	0,2	0,02	0,01	0,007
Поликорневые (~ 500)				3	16,2	25,2	28,6	14	9,8	3,2	0,017

Морфемные структуры слов (или основ), анализу которых уделяется в последнее время серьезное внимание (Панов 1966, с.69-70; Яковлева 1970; Уровни языка 1986, с.161-168), могут быть изучены не только с точки зрения типов морфемных структур, характерных для разных частей речи или с точки зрения количества в них префиксов, суффиксов и т.п., но и с точки зрения отнесения того или иного типа морфемной структуры (например, модели П-√-С-ф, √-С-ф, П-√-С-С-ф и др.) к одному из трех классов слов, выделяемых в настоящей работе по глубине слова: к центру (например, модели √-С-ф, √-С-С-ф, П-√-С-С-ф, √-С-ф и т.п.), к словам малой глубины (√-ф, √-ф, √-С-ф, П-√-ф) и к словам большой глубины (√-С-С-С-С-ф, П-П-√-С-С-С-С-ф, П-П-√-С-С-С-С-ф, П-П-П-√-С-С-С-С-ф и др.).

Естественно, что при малом числе аффиксов в модели слова морфемная структура будет малой глубины, при большом количестве аффиксов она обычно будет большой глубины. К центру отойдут все те структуры, в которых сумма префиксов, суффиксов, корня и окончания не превысит пяти, то есть П-П-√-ф, П-П-П-√-ф, П-√-С-С-ф и т.д. Однако, надо иметь в виду, что среди моделей одинаковой глубины будут быть свои центральные и периферийные области в зависимости от числа суффиксов, например: из одинаковых по числу морфем моделей П-√-С-ф и П-П-П-√-ф первая будет охватывать огромное число слов (более 20 тыс. Ср.: Уровни языка 1986, с.165), а вторая - небольшое (менее 10 слов), хотя глубина у них одна и та же - четыре морфемы.

Задача установления корреляции между разными типами морфемных структур и классами слов по их глубине может быть легко решена с помощью ЭВМ.

Г л у б и н а с л о в а к а к ф а к т о р , р е г у -
л и р у ю щ и й п р о ц е с с ы о б р а з о в а н и я
н о в ы х с л о в

Параметр глубины слова - сознательно или бессознательно - оказывает влияние на вновь образуемые слова в русском языке, которые подчиняются закону средней глубины слова, сложившемуся не без влияния "закона экономии языковых усилий" (А.Мартине).

Действительно, подавляющее большинство новообразований в современном русском языке, зафиксированных в трех выпусках издания "Новое в русской лексике (словарные материалы -77, -78, -79)" (Котелова 1980-1982)⁹⁾ (общий объем 8750 единиц), подчиняется закону средней глубины русского слова. Среди них обнаружено только 5,3% слов (то есть менее 500 слов!) с глубиной более шести морфем, например: кис-л-о-род-и-ть-ся, ковр-о-о-чист-и-тель-ф, из-об-лич-и-тель-н-ость-ф. Именно шестиморфемные слова составляют группу слов, промежуточную между центром и периферией языка (по параметру глубины слова), и именно эта группа (и частично группа семиморфемных слов) наиболее активно растет за счет новообразований.

О д н о к о р н е в ы е слова большой глубины заново образуются редко. Новых однокорневых слов с глубиной 9-11 морфем

Помимо материалов, содержащихся в указанных выпусках словаря новых слов под ред. Н.З.Котеловой (1980-1982), в данном разделе используются собственные материалы автора, а также учтен материал монографии В.Н.Виноградовой "Стилистический аспект русского словообразования" (М., 1984), книга "Русская разговорная речь" разных лет издания (1973, 1981, 1983), статей Е.В.Красильниковой и некоторых других.

практически нет совсем, а слов с глубиной 8 морфем встречается очень мало. Слова русского языка с одним корнем, в которых можно выделить от 8 до 11 морфем, обязательно должны содержать в своем составе префикс, например: не-ис-тощ-и-тель-н-ость-ø, не-в-за-прав-д-ашн-ий.

Интуитивным ограничителем при создании неологизмов является типичное для русского языка в целом количество префиксов и суффиксов в структуре слова: число префиксов не превышает трех, а суффиксов - шести. Если и делаются попытки создать нарочитые построения с четырьмя префиксами, то они имеют характер сиюминутных слов-однодневок и пока нигде не зафиксированы, хотя встречаются в разговорной речи (например, недо-пере-во-о-руж-и-ть). Образование неологизмов с помощью префикса от слова, уже имеющего в своем составе два префикса, происходит необычайно редко.

Большинство многоморфемных новообразований является сложными словами, содержащими в своем составе два и более корней, причем среди новообразований, как и среди слов, давно бытующих в русском языке, слова с четырьмя и пятью корнями единичны (с большим количеством корней сложных слов в русском языке не зафиксировано - см. Кузнецова 1980, с.128-137): гор-н-о-вос-ход-и-тель-ø, м-к-о-сущ-н-ост-н-ый, ин-ак-о-со-сто-я-ни-е, зр-и-тел-е-с-по-б-н-ый, в-за-им-о-до-полн-и-тель-н-ость-ø, сер-о-вод-о-род-о-содерж-а-щ-ий, мног-о-тысяч-е-кило-метр-ов-ый, вибр-о-шум-о-о-с-н-ый, газ-о-дым-о-за-щит-н-ый, сам-о-благ-о-твор-и-тель-ø, о-раз-руш-и-тель-н-ый; дв-ух-сот-^øпят-и-десят-и-метр-ов-ый, и-десят-и-шест-и-милли-метр-ов-к-а и т.д.

Как уже говорилось, средняя глубина поликорневых слов, зафиксированных в толковых и терминологических словарях рус-

ного языка, отличается от средней глубины однокорневых слов: составляет $((6-7)+1)$ морфема с незначительным преобладанием одноморфемных и полным отсутствием трехморфемных слов (см. табл. 8).

Среди новых слов, зафиксированных в указанных выпусках словаря "Новое в русской лексике", сложных (обычно поликорневых) слов, глубина которых превышала бы среднюю глубину поликорневых слов русского языка, крайне мало. Основная масса их приходится на образования от числительных и на термины: газ-о-пар-о-у-лов-итель-ь, кабель-н-о-про-вод-н-ик-ов-ый, не-ре-монт-о-при-год-ность-ь, снег-о-мер-н-о-лав-ин-н-ый, пят-на-дцат-и-су-точ-н-ый, ст-о-сем-и-десят-и-кило-метр-ов-ый, ст-о-пят-и-десят-и-лет-ов-к-а и т.п.

Новых поликорневых глаголов не образуется вообще, судя по следованным материалам.

От многоморфемных слов (как от простых, однокорневых, так и от сложных, особенно поликорневых) деривация происходит слабо; в качестве производящей основы для вновь образуемого слова обычно выступают слова средней глубины, к которым прибавляется обычно один формант. Благодаря этому наиболее активно пополняются новообразованиями промежуточные группы слов глубиной в шесть морфем (для однокорневых слов) и в восемь морфем (для сложных поликорневых слов). До тех пор, пока вновь созданное слово не приживается в языке окончательно, от него, как правило, последующих слов не образуется, то есть не возникает словообразовательной цепочки. Неологизм "не любит" служить базой для словообразовательной цепочки. При этом часто к неологизму-базису прибавляются суффиксы (реже - префиксы, поскольку среди неологизмов много глаголов, а преобладают существительные), выступающие по отно-

друг к другу как синонимичные, создавая значительную вариативность новообразований. В таком случае как бы происходит своеобразный поиск наиболее "удачного" форманта для получения оптимального варианта неологизма (много примеров такого типа можно найти в книге: Русская разговорная речь 1981): купишки/купилки (точно в выражении "купилок нет"), неунываха/неунывоха/неунышка/неунывала, конференщик/конференционник, лакирашки/лакировка/лакирки, фээргэшный/фээргэвский, дагестанить/дагестанотвовать, мехматовец/мехматянин, открывалка/открывашка, холодрыга/холодрыга, послиха/послица, учителка/учительша/училка, малярка/малярша, историца/докторша, шефиня/шефша, деканиха/деканша и др. (во всех последних примерах формы на -ша обозначают лиц женского пола по профессиональной деятельности, а не "жен", не наименование женщин по роду деятельности мужа. Ср.: Шанский 1968, с.169).

Вполне естественная при новообразованиях тенденция к незначительному увеличению глубины слова выше средней (особенно заметная в научно-технической речи за счет стремления к созданию порожневых слов) уравнивается противонаправленной тенденцией к уменьшению глубины новообразований по сравнению со средней величиной 4 ± 1 морфема в производящей основе, что чаще наблюдается в разговорной речи. Данная тенденция, связанная с многочисленными усечениями основ, проявляется не только в усечениях разного рода, но и в конденсации, сжатии нескольких слов до одного слова (например, стройка вместо стройотряд < строительный отряд), часто подвергающегося еще и усечению, и в наложении, и в аббревиациях различного типа...

Усечения типа серьез, интим, мизер, наив, интель, банал, иниал, даже нарк (и "наркоман", и "наркотик") нередко функциони-

в языке как конверсивы, порою как бы "выпускают на свободу" связанные корни, которые обрастают новыми производными: сти-
дия --> стёпа/стипа --> стипка, стипуха, стипеша --> стипеш-
наивный --> наив --> наивка; специальный --> спец --> спецу-
наркоман --> нарк --> наркота --> наркотка и т.п. Подобные
сечения чаще всего фактически сводятся к отсечению в слове по-
следнего суффикса. Иногда возможно новообразование с помощью ка-
кого-либо форманта с одновременной утратой последнего суффикса
производящей основы, например: вместо черем-уш-к-и --> черем-
-к-ин-ск-ий получается черемушинский (обычное объявление оста-
вки трамвая водителем в Москве - "Черемушинский рынок" и даже
черемушский).

В современной русской разговорной речи встречаются также
сечения и самих суффиксов, в результате чего могут появиться
морфные суффиксы. Процесс усечения суффиксов при этом далеко
не всегда сопровождается уменьшением глубины слова, т.е. глубина
слова при новообразовании может не меняться: лакировать --> ла-
кированные (туфли) --> лакировки --> лак-ир-к-и и лак-ир-ашк-и,
лакировать --> меблированные (комнаты) --> мебл-иров-к-а -->
м-ир-ашк-а (ср.: американцы, итальяны вместо американцы, ита-
льянцы).

В результате усечения как действенного способа образования
новых слов (особенно существительных) от базисных слов (произво-
дных основ) нередко возникают заново исторически первичные кор-
ни, когда-то существовавшие в древнерусском языке как свобод-
ные. В истории русского языка известно немало случаев прямо проти-
воположного процесса переходов свободных корней в связанные,
например, связанные корни в современных русских словах багря-
ный, брезгливый, ветка, зодчий, нелепость, объять, птица, позд-
ний, скудный, утка, утенок, щербатый и др. в древнерусском языке

на, например, недавно появившиеся новообразования буда (вместо современного будка при др.-р. буда), желть (вместо желтизна при др.-р. желть с тем же значением), собь (вместо собственность при др.-р. собь и собь с другими значениями), утя (вместо утка при др.-р. утя "утенок") и т.п.

Новообразование, произведенное по принципу уменьшения глубины слова, усечения, что, как правило, не известно создателю новообразования и употребляющим его носителям языка (хотя, впрочем, это утверждение и не доказуемо), может совпасть по форме не только с древнерусским, но и с диалектным словом, правда, иногда в другом значении. Именно это обстоятельство указывает на случайность совпадения новообразования с бытующим в диалекте словом, например: желть, затишь, редь, собь, луть, сырь (все эти слова есть у Даля), бережь (слово встречается в словаре диамурских говоров) и др. (Виноградова 1984, с.135-139).

Тенденция к уменьшению глубины слова при словопроизводстве замечается даже за счет полной редукции корня и превращения префикса в корень, благодаря чему, естественно, уменьшается и общая глубина новообразования: сюр (возможно в свою очередь производное от него - сюрной, сюрки, сюрчик) вместо сюрреализм, супер вместо шперобложка (ср.: сакс вместо саксофон, гросс вместо гроссмейтер, туня вместо тунеядец и др., где смысловую функцию всего слова берет на себя первый корень при отсечении второго). Как правило, редукции такого рода подвергаются иностранные слова. Подобные

продолжение сноски

были свободными, ср. корневые слова древнерусского языка здь, багръ, брѣзгъ, вѣтъ, лѣпый, яти, пѣта, позднѣ, скудни, ути, утя, щерони.

примеры напоминают аббревиатуры, но отличаются от них (помимо того, что не соединяются еще с каким-то усечением) "целенаправленностью" усечения, направленного обычно на сохранение значимой морфемы, а не случайной, произвольной части слова (то же наблюдается часто в фамилиях, например, фамилия Шварцкопф сокращается до Шварц, Гешкенбейн - до Гешкен).

Как уже отмечалось, от одного корня может быть произведено сразу несколько новообразований, имеющих одно и то же значение. Среди таких неологизмов язык через некоторое время неизменно выбирает (при прочих равных условиях) более компактную, сжатую форму, с меньшим числом морфем, иногда даже поступаясь смыслом. Так, в русском языке существуют слова диета и диететика и адъективные образования от них - диетический и диететический. На практике первое прилагательное (диететический) всегда заменяется (за исключением специальной литературы) на диетический, которое когда-то вытеснило форму диетный. Если в конце 40-х - начале 50-х гг. в Москве можно было видеть вывески со словами и диетический, и диететический (магазин, столовая, продукты), то в настоящее время осталось только название диетический (магазин, столовая, продукты). Еще некоторое время назад в киосках Союзпечати можно было видеть объявления о поступлении в продажу то коллекционерских, то коллекционных марок; сейчас возобладало второе образование (коллекционный), содержащее в своем составе на одну морфему меньше. В специальной литературе (например, лингвистической) также можно наблюдать неединообразное употребление относительно новых терминов: акцентность/акцентуационность/акцентуация/акцентовка, мотивация/мотивированность/мотивационность... Несмотря на отдельные попытки разделить по смыслу подобные образования в большинстве

наблюдается их постоянное смещение, взаимозаменяемость. Одновременно намечается едва заметный перевес в сторону употребления более коротких слов (акцентность) и слов, в большей мере соответствующих правилам русской фонотактики (мотивированность).

Таким образом, хотя на первый взгляд может показаться, что словообразовательный способ создания новых слов в языке должен вести к росту средней глубины слова, на деле этого не происходит именно за счет противоборствующей в языке тенденции к экономии на всех уровнях, в том числе и на морфемном, за счет чего возникает немало слов с малой глубиной в одну-две морфемы и, следовательно, фактор средней глубины слова оказывается в целом неизменным и продолжает действовать как закон на создание новых слов в языке, в то время как периферийные группы подвержены большим изменениям и оказывают поддержку действию закона глубины слова (слов малой и большой глубины выполняют функцию своеобразного "тяги-отталкивания": увеличение слов одной группы уравнивается уменьшением слов другой группы).

2

ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ МОРФЕМ В СЛОВЕ

Глубина слова, о которой шла речь в предыдущем разделе, складывается из морфем разных типов, традиционно подразделяемых в зависимости от их функции и места в слове на корни, префиксы, суффиксы и окончания (флексии). Из теоретически возможных сочетаний морфем основы (то есть корней, префиксов и суффиксов) в языке реализуются далеко не все, что хорошо видно из таблицы 10, составленной для простых (имеющих один корень) слов. Порядок расположения морфем в таблице 10 обусловлен их убывающим количеством: в язы-

в корней больше, чем суффиксов, суффиксов больше, чем префиксов
в инвентаре морфем см.Глава IV).

Таблица 10

Первое место \ Второе место	Корень	Суффикс	Префикс
	Корень	Суффикс	Префикс
Корень	-	+	-
Суффикс	-	+	-
Префикс	+	-	+
		(исключе- ние - <u>вы-</u> <u>нуть</u>)	

Как видно из таблицы 10, половина клеток таблицы 10 оказывае-
т вообще пустыми: в простом слове невозможны сочетания суффикс
- корень, суффикс - префикс, корень - префикс, корень - корень.
Несомненно, вместе с тем, это не значит, что при наличии в языке сочетаний
морфем определенного типа (например, префикс - корень или суф-
фикс - суффикс) допустимы сочетания всех существующих префиксов
со всеми корнями или суффиксов с суффиксами: из всех теоретичес-
ки возможных парных сочетаний корней с суффиксами, суффиксов с
суффиксами, префиксов с корнями и префиксов с префиксами реально
в языке встречается лишь ничтожное их количество (см.Ефремова
1970, где подробно анализируются разного рода ограничения в аран-
жировке морфем¹¹). Необходимо сразу оговорить, что далеко не вся-

Последнее время дериватологи часто дискутируют вопрос о прави-
лах (семантических, формальных, стилистических, лексических,

(Продолжение сноски см.на сл.стр.)

ограничения в сочетаемости аффиксов (по количеству морфем в префиксальной или суффиксальной цепочке; по порядку их следования; по способности сочетаться с другими аффиксами) следует считать периферийными: так, о периферийности в порядке следования морфем на уровне структуры слова можно говорить только применительно к тем случаям, когда наблюдаются нарушения в общей модели слова или отклонения от типичных случаев, которые при этом образуют заметное меньшинство).

Для сложных слов, имеющих два и более корней, а также обычных интерфиксы, картина значительно меняется: со знаком плюс оказывается три четверти всех клеток, хотя опять-таки ни одна морфема не может сочетаться со всеми другими морфемами.

Если сочетания корня и суффикса обозначить через А, суффикса и другого суффикса - через В, префикса и корня - через С, а префикса и другого префикса - через D, то всегда

$$A > B > C > D.$$

По таблице 10^а, представляющей модификацию таблицы 10, легко установить, что группы А и С качественно отличаются от В и D.

Группы А и С содержат сочетания морфем разных классов (корней и аффиксов), а группы В и D - сочетания морфем одного класса (либо префиксов, либо суффиксов). Отсюда и само понятие порядка следования (аранжировки) морфем трактуется по-разному.

С одной стороны, речь пойдет о типичных для русского языка морфемных структурах основ и отклонениях от них¹²⁾; с дру-

продолжение сноски

словообразовательных), ограничивающих сочетаемость морфем в производном слове. См.: Земская 1973, с.195; Милославский 1979, с.3-14; Улуханов 1967 и др.

¹²⁾ Эта работа сделана для словаря Д.Уорта (1970) (Уровни языка, 1986, с.161-168. Ср.: Ефремова 1970, с.19-20).

той стороны, – об аранжировке конкретных морфем и некоторых редко встречающихся особенностях их сочетаемости.

Таблица 10^а

Первое место	Второе место		
	Корень	Суффикс	Префикс
Корень	--	А	--
Суффикс	--	В	--
Префикс	С	--	Д

Н а р у ш е н и я о б ы ч н о г о п о р я д к а
с л е д о в а н и я м о р ф е м в м о р ф е м -
н ы х с т р у к т у р а х с л о в

Обычным порядком расположения морфем в слове, как уже отмечалось, является цепочка типа префикс – корень – суффикс – окончание: П – √ – С – ф (для простых слов, имеющих один корень). Однако в этой последовательности встречаются некоторые нарушения, образующие периферийные области морфемистики, что, впрочем, нередко связано с интерпретацией статуса отдельных морфем.

К отклонениям в порядке следования морфем необходимо отнести прежде всего слово вынуть и его производные, существующие в языке на положении курьёза, где "нулевой" корень (иными словами, его практическое отсутствие) приводит к изменению обычной структуры слова, которая выглядит теперь как П – С – ф вместо бывшей П – √ – С – ф.

В ходе исторического развития языка в пределах слова иногда "менялись местами" суффикс и окончание; в качестве примера

можно привести существительные женитьба, видимо, из жен-и-ть-
-а, где -ть - бывший показатель инфинитива, то есть глагольная
флексия, превратившаяся в настоящее время в суффикс, возможно,
уже сросшийся со следующим суффиксом. В подобных случаях право-
мерно говорить уже о нормальном, обычном порядке морфем в слове,
но нужно помнить, что суффикс в этом случае по происхождению
всему - застывшая флексия:

$$\sqrt{-C-\Phi_1-C-\Phi_2} \longrightarrow \sqrt{-C-C-C-\Phi} \text{ (ср. } \underline{\text{селитьба}} \text{)}^{13}$$

При допустимой трактовке возвратной частицы -ся(сь) в гла-
голах (в последнее время иногда называемой специальным именем
суффикс) вместе с предшествующей ей глагольной флексией как
в морфемного глагольного окончания, мы можем говорить, что в
слове может встречаться не одно окончание, а несколько - 2 и
даже 3 (в тексте. См. с. 303): мо-ю-сь, мол-и-те-сь, берег-и-
те-сь ($\sqrt{-\Phi_1 - \Phi_2 - \Phi_3}$). Сам факт наличия в слове нескольких
флексий (точнее - словоизменительных морфем) является нормой
для парадигматики русского имени и глагола. Так, например, гла-
голы и субстантивированные или адъективированные причастия на
-я/-сь составляют в русском языке 11,2% (из них формы на -сь -
0,1% (от 125 тыс. слов) и глаголы типа беречься, имеющие струк-
туру беречь-ь-ся, то есть $\sqrt{-\Phi_1 - \Phi_2}$, также составляют 0,1%).

Если же -ся признать за словообразовательный элемент, то
это за морфему суффиксального типа, то налицо нарушение аранжи-

3) Возможна иная трактовка примеров женитьба и селитьба - как
результата контаминации параллелей с суффиксами -тв(а) и
-ьб(а) (Азарх).

морфем: $\sqrt{\text{ }}$ - ϕ - С (например, мо-ю-сь, мы-ть-ся).

В настоящей работе -ся/-сь приняты за часть окончания -ся, -ти-сь или -ий-ся...) и поэтому морфемные структуры с ними не содержат никаких нарушений в аранжировке морфем и относятся к периферии.

В сложных словах обычным порядком следования является такой, в котором префикс и корень могут следовать за интерфиксом, представляющим собой, как правило, соединительный гласный. Однако в значительном количестве слов (главным образом, в соединениях с случай нительным) встречаются Усближения суффиксального элемента (инфикса), происшедшего из застывшей флексии, и корня или префикса того компонента сложного слова, например, верт-и-хвост-к-а, и-а-с-брод-к-а ($\sqrt{\text{ }}$ - С - $\sqrt{\text{ }}$ - С - ϕ < $\sqrt{\text{ }}$ - ϕ - $\sqrt{\text{ }}$ - С - ϕ ; П - $\sqrt{\text{ }}$ - С -П- $\sqrt{\text{ }}$ - С - ϕ П- $\sqrt{\text{ }}$ - ϕ - С - $\sqrt{\text{ }}$ - С - ϕ). Подобного рода морфемные структуры (по крайней мере, в истории языка) можно считать периферийными.

Таким образом, нарушения в аранжировке морфем на абстрактном уровне структурных моделей в современном русском языке реально не встречаются в отличие от аранжировки конкретных морфем, в сочетании которых можно отметить немало специфических особенностей, позволяющих отнести эти случаи к периферийным явлениям по признаку морфотактики - по параметру сочетаемости морфем в слове.

Изучение конкретной аранжировки морфем русского языка позволяет отделить наиболее типичные случаи сочетания морфем от редких, порою единичных аффиксальных последовательностей, что часто объясняется наличием аномальных элементов в инвентаре морфем (о см. с. 277).

Например, если обратиться к таблице 10^a и рассмотреть более подробно группы С и Δ (сочетания префикса с корнем и префикса с префиксами), то окажется, что с корнем соединяются абсолютно

префиксы (обратное неверно), причем 26,5% (то есть 20 префиксов из 73) не входят в соединения ни с какими другими префиксами русского языка, иначе говоря, эти префиксы образуют одноэлементные префиксальные цепочки (оби-/обы-, преди-, обо-, ото- и др.). 33% префиксов может сочетаться не только с корнем, но и участвовать в двух- и трехэлементных последовательностях (по 34% соответственно), при этом в двухэлементных цепочках (см. таблица II) 14 префиксов встречается только на втором от начала слова месте, а 14% (10 префиксов) – на обоих местах. Естественно, что перечисленные группы префиксов далеки от периферийных. Вместе с тем среди всех рассматриваемых префиксов есть такие (составляющие менее 5,5%: из-/ис-, з- и пода-), которые в одноэлементных последовательностях не встречаются совсем, а в двухэлементных цепочках всегда занимают второе место. Наоборот, префикс недо-, помимо участия в одноэлементной последовательности, может находиться в двухэлементной последовательности только на первом месте. Лишь эти последние префиксы, рассмотренные с точки зрения их возможностей аранжировки, могут быть названы периферийными.

Таблица II

Префиксальные последовательности	Место префикса в последовательности	Количество префиксов в последовательностях (в %)
Одноэлементная		26,5%
Одно-и двухэлементная	I	1,3%
	I и 2	34% 13,7%
	2	19%
Двухэлементная	2	5,5%
Одно-, двух- и трехэлементная		34%

Изучение суффиксов с точки зрения порядка их следования в структуре русского слова проводить значительно труднее, тем не менее можно указать на некоторые особенности в аранжировке суффиксов, в частности, можно проанализировать суффиксальные цепочки с точки зрения устойчивости сочетаний некоторых суффиксов друг с другом (Кузнецова 1987).

Морфемные блоки как устойчивые
последовательности суффиксов
и их роль в морфемной и словооб-
разовательной структуре рус-
ского слова

Процесс объединения суффиксов в устойчивые цепочки (последовательности со строго фиксированным порядком суффиксов), функционирующие как единый, хотя и сложный по своему составу суффикс, наблюдающийся не только в современном русском языке, но и в праславянский или древнерусский период развития языка¹⁴⁾, вызвавший в последние десятилетия (в годы повышенного интереса к слово-

¹⁴⁾ В 20-е годы XX столетия А.Мейе обратил внимание на тот факт, что "древние суффиксы в славянских языках удерживаются исключительно при условии сочетания их с другими, что способствует образованию таким путем новых суффиксов, достаточно объемистых и выразительных для их сохранения"; при этом развитие новых более обширных суффиксов происходит посредством агглютинации различных элементов (Мейе 1951, с.276).

Для праславянского и древнерусского периодов превращение агглютинативной последовательности суффиксов в единый, первоначально сложный суффикс, воспринимаемый затем как простой, происходило в тот момент, когда данная последовательность начинала механически и достаточно часто использоваться при словообразовании от основ другого типа, с которыми первоначально

(продолжение сноски см, на сл.стр.)

образованию и морфемике) немало споров, получил в лингвистической литературе множество наименований, часто плохо согласующихся между собой, порою противоречащих друг другу, а иногда диаметрально противоположных: производные, составные, сложные, осложненные, двойные суффиксы; последовательности, цепочки суффиксов; суффиксальное расширение, наращивание; биморфемы, полиморфемы; водноморфемные, многоморфемные конструкционные единицы (единства) и др. Разноречивость названий указывает на необходимость решения прежде всего вопроса о том, имеем ли мы дело с одним суффиксом (по происхождению сложным, но воспринимаемым как простым), несколькими разными суффиксами или с такими устойчивыми сочетаниями суффиксов, которые функционируют как единое целое.

Обсуждаемое явление охватывает около 5% суффиксальных последовательностей (которых насчитывается приблизительно 3 тыс. на весь исследуемый в работе объем материала), но оно явно имеет высокую производную роста, благодаря чему заслуживает особого внимания.

В современном русском литературном языке встречается несколько десятков единичных суффиксов, омертвевших, не способных участ-

Продол. сноски

не могла соединяться (действие аналогии). Например, от основ переходных глаголов на *ѣ* (*ѣ*) образовывалось страдательное причастие на *н* (*и*), от которого с помощью суффикса **jъe* (*ие*) происходило образование отглагольных существительных (видѣние, повелѣние). Уже в праславянский период складывается единый суффикс **enjъe* (*ени*), образующий имена со значением действия и его результата от более широкого круга глаголов — от глаголов непереходных, не имеющих пассивных причастий, от глаголов на -ити (дѣхновение, варение, озарение) и др. (Варбот 1969, с. 94–95). Точно так же древнерусский суффикс -ость по происхождению своему сложный суффикс, полученный из сочетания **os + t'* (Мейе 1951, с. 296).

вать в образовании новых слов, которые в свое время превратились в простые суффиксы из последовательностей суффиксов (впрочем, в современных диалектах многие из них до сих пор остаются сочетаниями суффиксов, а не единым суффиксом); это такие суффиксы, как -харь (знахарь при диалектном знаха; ср. также ст.-русс. вяхарь и бахарь и диал. взях, взяха, взяхарь, бах, баха, бахарь), -ск (кремлевский при диал. кремлевый), -нец (близнец при диал. близня, близнята), -юзг (мелюзга при диал. мелюза, мелюзить).

Единицы языка подобного рода с неявной в литературном языке возможностью на суффиксы, их составляющие, с зыбкими границами между последовательностью суффиксов и единым, хотя и сложным (когда производным) суффиксом, представляют собой переходный тип между единицами, которые могут быть названы многоморфемными конструкциями (единствами) или морфемными блоками.

Морфемные блоки представляют собой такую устойчивую последовательность суффиксов, в которой никакие перестановки суффиксов невозможны¹⁵⁾ и которая, с одной стороны, легко распадается при сознании говорящих (носителей языка) на отдельные суффиксы (иногда разные — см. об этом далее), с другой стороны, функционирует как единое целое, как расширенный формант, с помощью которого образуются новые слова.

В состав морфемных блоков входят обычно лишь деривационные суффиксы, число которых не превышает пяти, но морфемным блокам могут предшествовать не только корни (бед-ственн-ый, жен-ственн-ый) и словообразовательные суффиксы (упад-оч-ничеств-о, взят-оч-). Исключения представляют несколько морфемных блоков с метатезой суффиксов в них (-ствователь и -тельствова(ть), -овник и -ников(ый), -ков(ый) и -овк(а), -остн(ый) и -ность), существование которых объясняется наличием словообразовательных кругов в языке (см. с. 185).

-честв-о), но и формообразовательные суффиксы (пис-а-тельниц-а, пи-ва-льник, свет-и-льник, рад-е-льник). Устойчивые последовательности словообразовательных суффиксов с находящимися перед ними слева формообразовательными суффиксами, а также глагольной формой (-ива, -ива, -ва, -ну, -ем, -а, -и, -о...) составляют варианты морфемного блока. Так, морфемный блок -льник реализуется в вариантах -фльник, -альник¹⁶⁾, -ельник, -ильник, -ольник, -ыльник, -вальник, -овальник, а морфемный блок -льщиц(а) - в вариантах -фльщиц, -альщиц, -вальщиц, -евальщиц, -ивальщиц, -ильщиц, -ывальщиц, -ольщиц, -нульщиц, -ывальщиц, -ировальщиц, -яльщиц и др. Учет формообразовательных элементов в составе морфемных блоков увеличивает их количество более чем в два раза.

В современном русском литературном языке морфемные блоки, как уже отмечалось, составляют малый процент от числа всех посткорневых суффиксальных последовательностей. Морфемных блоков (без учета вариантов) более 100, но значительной активностью, судя по "Обратному словарю русского языка", обладает лишь небольшая часть из них.

¹⁶⁾ В таких словах, как запальник, подкандальник, жальник, сальник и т.п., -льник не является морфемным блоком, так как здесь -аль - финальная часть корня, а суффикс - -ник. В подобных случаях можно говорить о квазиблоках. Для значительной части морфемных блоков наблюдается любопытная фонетическая закономерность: чем длиннее (в терминах фонем, звуков или букв) морфемные блоки, тем меньше омонимичных им квазиблоков, и наоборот, чем короче морфемные блоки, тем больше омонимичных им квазиблоков (например, на 116 слов, кончающихся на сочетание -ительский, - только один квазиблок, то есть менее 1%, в слове обительский, где ит- - финаль корня; на 458 сочетаний лка более 60% составляют квазиблоки и т.д.). Большое количество квазиблоков в дополнение к морфемным блокам способствует увеличению словообразовательной активности морфемного блока, омонимичного квазиблоку.

Анализ наиболее активных морфемных блоков позволяет говорить об их структуре. Членение морфемного блока на составляющие его элементы зависит от неединственности мотиваций производных, что и ведет к эквивалентности членения.

За понятием "морфемный блок" скрыто несколько различных явлений. В узком смысле слова морфемный блок - сплав морфем, не делимых на отдельные суффиксы, совпадающий во внешних своих границах с последовательностью суффиксов, следующих друг за другом в словообразовании. В широком смысле слова морфемный блок - конструкция морфем, состоящая из разных суффиксов, что обнаруживается при морфемном анализе. "Истинный" морфемный блок не членится на морфемы, так как новое производное слово образуется от соответствующей производящей основы с помощью целиком взятого существующего комплекса суффиксов. "Ложный" морфемный блок легко делится; в нем без труда выделяются все следующие друг за другом экс-форманты, то есть это - простая последовательность суффиксов, а не единый формант.

При утрате промежуточных звеньев, что часто наблюдается в истории языка, "ложный" морфемный блок превращается в "истинный"; большинство "истинных" морфемных блоков было когда-то "ложными". Разницы между истинными и ложными морфемными блоками постепенно стираются, поэтому название морфемный блок может быть отнесено к обоим их видам, тем более, что чем больше ложных морфемных блоков, тем больше активность и истинных морфемных блоков.

Некоторые морфемные блоки обладают иерархической структурой: например, есть самостоятельные блоки -тельство, -тельствующий, -ствующий, каждый из которых достаточно активно выполняет в функции форманта (ср. также пары: -ничествовать и

-ствовать, -енствование и -ствование, -очническ и -ническ и др.). Наблюдающиеся нередко нарушения в порядке образования новых слов при игнорировании промежуточной ступени (чересступенчатое словообразование), говорят о самостоятельном статусе морфемного блока. Так, с помощью морфемного блока -ствующий образуются слова, минуя стадию глагола, что указывает на активность данного форманта-блока. Например, в Словаре новых слов (Котелова 1981) зафиксировано слово туриствующий (из туриствую; результат наложения ср. американствующий, фашиствующий) при отсутствии глагола туриствовать. В XIX в. встречаются слова слепотствующий гонитель (Вигель) при отсутствии глагола слепотствовать. У Леонова есть странное витиеватое образование большевизанствующий, но нет глагола на -овать и т.п.

Максимально разнообразная членимость наблюдается у морфемных блоков, в состав которых входит суффикс -ник/-нич/-ниц, по происхождению сам сложный. В качестве примеров обычно приводятся морфемные блоки -нича(ть), -ничеств(о) (Артемов 1972, с.175-182; Богданов, Евтюхин 1982, с.79; Даниленко 1963, Улуханов 1972 и др.). С точки зрения семантической анализируется значение всего блока в целом. Результаты оказываются противоречащими чисто формальному анализу, что нередко бывает вызвано субъективной трактовкой мотивации (Василевская 1972, с.123-125). С точки зрения словообразования речь идет о множественности мотиваций производных, благодаря которым появляется целый "веер" суффиксов, образующих по-разному членимую последовательность морфем. Нередко данный вопрос оказывается практически не разрешимым: образуется ли подданничество от подданный (Богданов, Евтюхин 1982, с.79) или от данничество слово отмечено в СлРЯ XI-XII и в Сл XIII в. в значении "подданст-

...)? Результаты семантического анализа вступают в противоречие с результатами словообразовательного анализа. А.С.Герд справедливо считает, что "теория семантики слов, соотносительных по своей структуре, относится не к морфемике и не к словообразованию, а к семантике" (Герд 1983, с.153), что часто не учитывается.

Дериватологи ориентируются только на существующие модели современного русского литературного языка и на бытующие в литературном языке слова и их связи; морфологи понимают вопрос шире, обращаясь к аналогиям, которые, впрочем, могут быть не однозначными. Для однозначного решения вопроса следует обратиться к данным диалектов или прошлых эпох, материалы которых позволяют обычно уточнить мотивацию и тем самым членение в прошлом слова, доставшегося современному периоду языка в готовом виде, а не образуемого заново в настоящее время (ср.: Гинзбург 1972, с.44-57). Например, в современном русском литературном языке достаточно много слов на -тельн(ый), большинство прилагательных на -тельн имеет производящей основой существительные на -тель (мечтатель - мечтательный, показатель - показательный, двигатель - двигательный, соединитель - соединительный и т.п.). С другой стороны, многие прилагательные в настоящее время не соотносимы с существительными на -тель (вычленение суффиксов в таких словах можно производить сейчас только по аналогии): дательный, желательный, звательный, внимательный, дыхательный, томительный, удивительный, укорительный, которым соответствовали в древности *nomina agentis* на -тель (желатель, датель, зватель, томитель, вниматель, дивитель, укоритель) (ср. бытующие в диалектах или в литературном языке, но в составе сложных слов или с приставкой вздыхатель, доброжелатель).

Точно так же обстоит дело с морфемными блоками -ствовать и

-твенн, -стви. В словах современного русского языка бедствен-
н, бедствие, бедствовать мы должны либо выделять суффикс
-твенн, -стви и -ствовать, либо по аналогии отделить часть -ств
и последующих суффиксов. В СлХУШ в. зафиксировано существитель-
ное бедство, подтверждающее правильность предположения об устрой-
стве этих морфемных блоков, состоящих из ряда простых суффиксов
устойчивой (своего рода "фразеологической") дистрибуцией (ср.
то же самое: дарственный, женственный, благодарствовать, здрав-
ствовать, в которых морфемные блоки -твенн и -ствовать раньше
легко членились, так как в СлРЯ XI-XVII вв. отмечены слова дарст-
во, женство, благодарство и здравство).

Таким образом, если слово, содержащее в своем составе мор-
фемный блок, сохранилось в языке от предыдущих эпох, то, как пра-
вило, можно найти утраченные звенья, объясняющие состав морфем-
ного блока; если слово образуется заново в современном языке, то
нормантом служит весь морфемный блок, взятый как единое целое
свыше образования на -ствующий).

Учитывая различные мотивации, можно говорить о различиях в
морфемном составе морфемных блоков современного русского языка.
Возможные варианты членения морфемных блоков легко продемонстри-
ровать на примере морфемного блока -ничеств(о). На 175 морфемных
блоков -ничеств(о) приходится 164 морфемных блока, из них подав-
ляющее большинство (93) - хорошо мотивированные членения -н-ич-
еств, где -ич соотносится с -ик: школа - школьный - школьник -
школьничество, лес - лесной - лесник - лесничество, смерть -
смертный - смертник - смертничество... (ср. иные количественные
случаев членения -
-еств(о) - меньше (39), напр., барышничество, как и случаев

членения -н-ичеств(о) (20) (либеральничество). Несколько слов иностранного происхождения (12) содержат не расчлняемую последовательность -ничеств, превратившуюся в единый суффикс-формант (лодыричество, ловеласничество, паясничество, хипесничество...). Редка (11 случаев) начальное -н (или даже -нич) комплекса -ничеств является концом предыдущего суффикса и, следовательно, такая последовательность -ничеств не может быть названа морфемным блоком (это - квазиблок): почва - почвенный - почвенник - почвенничество; ремесло - ремесленный - ремесленник - ремесленничество и др.¹⁷⁾.

Таким образом, морфемный блок -ничеств, как и блок -ничать, имеет четыре варианта членения (-н-ич-еств, -нич-еств, -н-ичеств, -ничеств, ср.: -н-ич-а-ть, -н-ича-ть, -нич-а-ть, -нича-ть) в зависимости от множества мотиваций. Большинство морфемных блоков имеет одно-два членения; чем короче блок, тем меньше у него вариантов членения.

В морфемных блоках более или менее четко выражены начальный и конечный элементы. Начальный суффикс морфемного блока с находя-

17) Ср. аналогичные переплетения в последовательности -шеств, которая может быть 1) морфемным блоком не всегда ясного происхождения (споспешествовать; в XVIII в. были слова меньшество, поспешество, а в словаре А.А. Грузберга (1974) приводятся формы бышествовати и купльшествовати наряду с купльствовати, также бытовавшим в XVI-XVII вв., в которых тоже имеет место морфемный блок - -шеств), 2) простым суффиксом (суффикс -шеств существует в трех словах современного русского языка -новшество, пиршество, курфюршество, в XVIII в. существовало слово маркграфшество с вариантами малхрафшество, мархграфшество) и 3) квазиблоком в словах типа юношество, патриаршество, светлейшество, где -ш - конец корня или предшествующего суффикса (ср.: в книге Прыжова "История кабаков в России в связи с историей русского народа" говорится о титуле, даваемом в "Обществе мочемордия", существовавшем в Полтаве в 40-е гг. XIX века, -(высоко)пьянейшество).

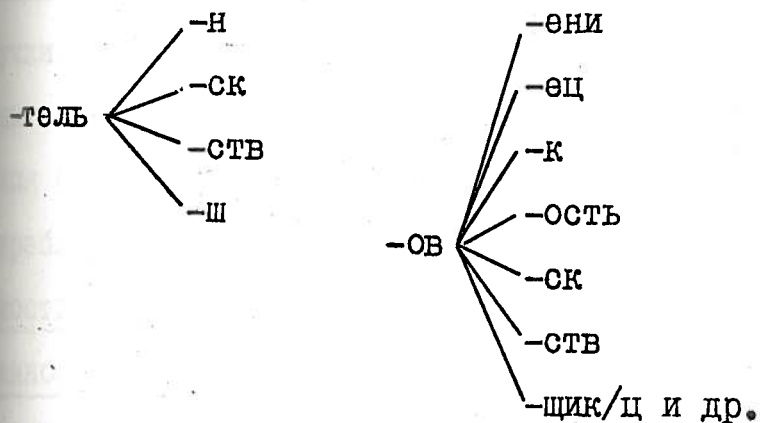
... перед ним другим словообразовательным суффиксом, что бывает редко, или формообразовательной морфемой, составляет α -поле морфемного блока. α -поле образует открытую структуру, состоящую из суффикса, к которому слева примыкают один или несколько других суффиксов. В качестве начальных элементов морфемных блоков чаще других выступают суффиксы -л, начинающий больше всего морфемных блоков (20), -ов, -ен, -тель, -ств, -н, -оч, -еч, -ист, -ин и др.: -ж, -лец, -лиц, -льник, -овник, -овщина, -инец, -инск.

Конечный суффикс морфемного блока вместе с суффиксом (если он есть вообще), стоящим между ним и начальным суффиксом, образует β -поле. В отличие от начального элемента конечный суффикс не обязательно словообразующий; он может быть и формообразовательным (-ва, -ива, -ну, -ущ, -ющ, -а, -и...). Именно он и определяет оканчивающуюся часть речи (лишь в редких случаях этого сделать нельзя, например, после суффикса -н может быть окончание и прилагательного (ый, ий), существительного (я): -ывальн/ый, я/, -льн/ый, я/) и создает закрытую структуру морфемного блока. Морфемный блок замыкается чаще всего суффиксом -ость (25 морфемных блоков); конечными суффиксами морфемных блоков могут быть также суффиксы -н, -к, -ни, -ец, -ств, -тель, -еск, -щик/щиц и некоторые другие.

Большинство начальных суффиксов не встречается в конце морфемных блоков и наоборот, но есть и пересечения суффиксов по их функциям: так, словообразовательные суффиксы -н, -ость, -к, -щ, -тель, -еств, -ств, -ов и др. и формообразовательные суффиксы -ва, -ова могут и открывать, и завершать морфемный блок.

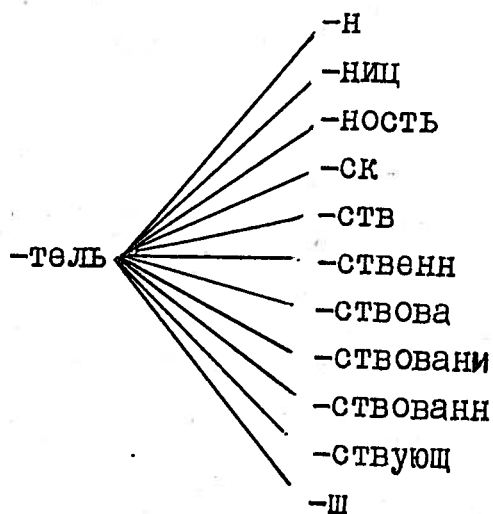
К каждому начальному элементу морфемного блока (к α -полю) присоединяется один или несколько суффиксов справа в процессе словообразования. В случае присоединения к α -полю нескольких раз-

Из суффиксов возникают суффиксальные пучки, равноценные суффиксальным словообразовательным парадигмам:

Самый большой пучок суффиксов образуется от начального суффикса -л (20 морфемных блоков). От суффиксов, начинающих морфемные блоки, помимо словообразовательных парадигм, могут быть словообразовательные цепочки: -тель-н-ость, -тель-ств-ени-ость и др.

В своей совокупности суффиксальные словообразовательные парадигмы и цепочки создают своеобразные суффиксальные гнезда, в образовании которых наблюдается параллелизм с образованием гнезд корней (в морфемике суффиксальное гнездо будет шире, так как можно включать все имеющиеся в языке слова с этим суффиксом независимо от его положения в суффиксальной цепочке). Общий вид такого суффиксального словообразовательного гнезда-блока хорошо виден на следующем примере с суффиксом -тель в л-поле.

β -поля также могут представлять собой пучки суффиксов. Поскольку обычно структурно более ясны последние члены суффиксальных последовательностей, то группировка последовательностей в пучки при описании основывается на последних компонентах морфемных блоков. Чаще других суффиксов в конце регулярно повторяющихся суффиксальных соединений, функционирующих как формант, употребляются суффиксы -ость, -н, -к и др., например: -нутость, -ичность, -ность, -тельность, -овательность, -льность, -очность, -ванность, -ствованность, -ированность, -емость, -ваемость, -иваемость, -енность, -ственность, -чатость, -ливость, -ливість, -истость, -лость, -оватость, -овость, -анность. Или: -валк, -валочк, -ечк, -ировк, -истк, -лк, -ловк, -ючк, -нищк, -овк, -очк, -щищк.

Количество морфемных блоков в языке растет. Блоки представляют сплав разных словообразовательных суффиксов, а иногда не только словообразовательных, но и формообразовательных элементов. Роль морфемного блока сводится в словообразовании к роли единого, достаточно часто употребительного форманта, участвующего в образовании новых слов нередко от новых основ с пропуском промежуточной стадии, а в морфемике — к формированию новых сложных суффиксов, претерпевающих в ходе истории опрощение, превращающихся в последовательностей суффиксов в единый суффикс, иногда с трудом поддающийся членению.

Если в свое время В.А.Богородицкий считал, что в процессах словообразования обнаруживается действие принципа экономии (Богородицкий 1933, с.78, ср.: Суяров 1972, с.175), то в настоящее время можно утверждать, что наиболее наглядно данный принцип проявляется в использовании в языке морфемных блоков — устойчивых готовых формантов, образующих новые слова.

Обращение к фактору порядка морфем в составе слова позволило обнаружить и описать несколько периферийных явлений в области русской морфемики.

Особый интерес представляют морфемные блоки, из которых приблизительно одна пятая часть коррелирует с периферийной группой слов большой глубины, а несколько морфемных блоков с допускаемой внутри них метатезой морфем — с наличием в языке словообразовательных кругов. Количественный рост и активизация морфемных блоков, имеющих шансы превратиться из цепочки суффиксов в один суффикс — формант, может со временем повлиять на общую глубину слова, слегка сократив ее, и на среднюю длину аффиксов, увеличив её (см. об этом с. 264).

3.

ПОВТОРЯЕМОСТЬ МОРФЕМ В ПРЕДЕЛАХ СЛОВА

Для морфемной структуры русского слова характерна неповторяемость в пределах слова одной и той же морфемы. Однако изредка эта закономерность нарушается; факты отклонения могут быть собраны воедино под названием рекуррентных морфем, или словообразовательного круга.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы й к р у г в р у с с к о м я з ы к е

Современный русский литературный язык обычно избегает употребления так называемых словообразовательных кругов. Этот термин встречается у М.В.Панова (1966, с.74). Ср. также его использование в работах: Ермакова (1981), Милославский (1980). Образование — злой ---> злость ---> злостный ---> злостность в современном языке очень редкое явление. В таких словах, как благостность,

мостность, целостность, обращает на себя внимание прежде всего наличие в их морфемном составе двух одинаковых суффиксов, точнее - одного и того же суффикса, повторенного дважды, имеющего одно и то же значение, впрочем, почти стертое в первом -ост (Здесь и далее исследуется письменная форма речи). С другой стороны, образование этих слов представляет собой некий круг: от части речи А образуется часть речи Б, от нее снова А, затем опять Б (А → Б → А → Б). Образование типа А → Б → А, производимое с помощью любого, не повторяющегося дважды в модели, суффикса (обман → обманчивый → обманчивость, объем → объемистый → объемистость) встречается в русском языке часто, но образование типа А → Б → А с помощью одного и того же, повторяемого дважды в пределах слова, суффикса - явление, наоборот, чрезвычайно редкое¹⁸⁾. Именно эти случаи в дальнейшем и будут называться словообразовательным кругом, или суффиксальной рекурренцией, а суффикс, повторяющийся дважды в слове, - рекуррентным (от англ. recurrent-). Первое название (словообразовательный круг) в основ-

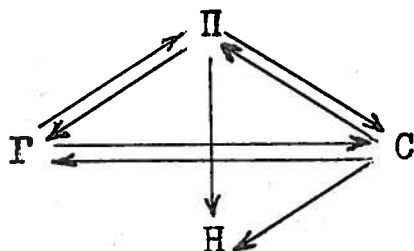
¹⁸⁾ Словообразовательный круг встречается не только в русском, но и в других славянских языках, например, в польском, где есть случаи типа *biał-k-ów-k-a* "белок (глазной)", *ist-nie-nie* "существование, бытие", *lod-ow-c-ow-y* "ледниковый", *wart-ośé-ow-ośé* "валентность" (хим), или в чешском: *bezstar-ost-n-ost*, *star-ost-liw-ost* и др. Нечто похожее мы имеем в ряде немецких глаголов (*kenn-en-lern-en*, *steck-en-bleib-en*, *lieg-en-lass-en*, *spaz-ier-en-reit-en* и др.), где в слове дважды употребляется окончание *-en*, превратившееся фактически в первом случае в суффикс, не несущий никакой функциональной нагрузки. Для этих случаев правильнее говорить просто о наличии в морфемном составе слова двух одинаковых элементов, но не о последовательности образования нового слова от другого с помощью одного и того же суффикса.

ем подчеркивает отношение производности одного слова от другого, характер образования одной части речи от другой; второе название (рекуррентность суффиксов или суффиксальная рекуррентия) указывает на особенность морфного строения слова, содержащего в своем составе дважды один и тот же суффикс. В дальнейшем будет использоваться преимущественно термин "словообразовательный круг", хотя речь пойдет в равной мере и о путях образования новых слов рекуррентным суффиксом, и о составе слова с таким суффиксом.

Словообразовательный круг в русском языке возможен далеко не для всех частей речи. Так, словообразовательных кругов глагол $\rightarrow$ прилагательное $\rightarrow$ глагол ($\Gamma \rightleftharpoons \Pi$) или существительное $\rightarrow$ глагол $\rightarrow$ существительное ($\text{С} \rightleftharpoons \Gamma$) нет совсем; словообразовательный круг прилагательное $\rightarrow$ глагол $\rightarrow$ прилагательное ($\Pi \rightleftharpoons \Gamma$) представлен в единственном слове одрых-л-е-л-ый, а круг существительное $\rightarrow$ существительное $\rightarrow$ существительное ($\text{С} \rightleftharpoons \text{С}$) - в слове нач-к-ист-к-а (более ранняя стадия образования слова знак от нать в данном случае не существенна). Словообразовательный круг $\rightarrow \text{С}$ отмечен также для едва ли не единственного в русском языке образования грубиянить (ср. сгрубиянить, нагрубиянить) от грубиян, которое, в свою очередь, образовано от грубить, произведенного от грубый. Общий вид диаграммы $\Pi \rightarrow \Gamma \rightleftharpoons \text{С}$. Словообразовательные круги в русском языке встречаются преимущественно (если не исключительно) для прилагательных и существительных, как $\Pi \rightleftharpoons \text{С}$, так и $\text{С} \rightleftharpoons \Pi$. Такие образования, являющиеся, кстати, низкочастотными словами русского языка, не попавшими даже в список 2500 наиболее употребительных слов в частотном словаре Э.А.Штейнфельдт (1963), составляют всего лишь полпроцента от числа всех моделей словообразования в русском языке (на 57 тыс. слов), послуживших

материалом настоящего исследования.

Взяв за основу схему М.В.Панова (1966, с.73), отображающую словообразовательные связи частей речи в русском языке в виде

рассмотрим подробнее взаимоотношение прилагательных и существительных с помощью одного и того же дважды повторенного в слове суффикса.

Из нескольких сот суффиксов (порядка 400), имеющих в современном русском языке, дважды в одном слове могут встретиться суффиксы: -н, -ост, -ов, -к, -ич, -ев, -и, -ч. Обычно все они при повторении сохраняют свое значение, но суффикс -ич, который может соответствовать двум разным суффиксам — -ик и -иц, как в слове тряпичничество, имеет различные значения: у первого -ич предметное значение (ср. тряпица), у второго — значение лица (ср. тряпичник или тряпичница). Впрочем, как уже отмечалось, значение первого суффикса в словообразовательных кругах (это касается не только -ич), как правило, вообще не ощущается, стирается; в слове же тряпичничество стерто значение и второго -ич.

С рекуррентными суффиксами -ев, -ич, -к отмечены единичные слова, вроде корн-ев-иц-ев-ый, круж-к-ов-к-а (где можно предположить иной процесс образования существительного от прилагательного на -ов и доказывать образование существительного от существительного же с помощью суффикса -овк), знач-к-ист-к-а, тряп-ич-н-н-ать и, отсюда, тряп-ич-н-ич-еств-о.

Несколько более часты образования с суффиксом -ов (вторичное образование прилагательных) и -ост (вторичное образование существительных).

Промежуточным звеном в случаях с двумя -ов выступает суффикс -ик/-ник. Словообразовательный круг в словах трутовиковый, саговниковый (в этом примере мы имеем наложение морфем саго+ов → саговый¹⁹⁾), маховиковый, восковниковые, шиповниковый может быть представлен диаграммой $C \rightarrow \Pi \rightarrow C$.

Рекуррентное -ост образует новые (вторичные) существительные от прилагательных на -н и -лив, которые следуют за первым -ост, например: жал-ост-лив-ость, благ-ост-н-ость. Последняя модель словообразования -ост-н-ост- характерна более чем для 10 существительных русского языка. Исходной формой здесь могут выступать и прилагательные (тогда образование новых слов идет по диаграмме $\Pi \rightarrow C \rightarrow \Pi$), и существительные (схема образования $C \rightarrow \Pi \rightarrow C$), например: зло и злой (злостность), благо и благой (благостность), плоский (плоскостность), редкий (редкостность), целый (целостность), гниль и гнилой (гнилостность). В данном случае исходная для словообразовательного круга форма сама представляет производное слово с суффиксом -л, рад (радостность), тяга (тягостность). В слове ревностность выступает уже связанная основа: первое образование на -ост произведено от исчезнувшего ревный. В случае дерзостность существительное с первым -ост дерзость было образовано также от несохранившегося прилагательного дързый. Отдельные слова на -ост-н-ость в современном

¹⁹⁾ Это явление возможно и в префиксах: призба < при+изба, раззевать < раз+зевать и т.п. О наложении морфем в последние десятилетия писали Е.А.Земская (1964), Н.М.Шанский (1968) и др.

русском языке являются устаревшими (как дерзостность) или специальными (как плоскостность - "изображение в одной плоскости, нахождение в одной плоскости").

Образования на -ост-н-ость встречаются в единичных случаях с префиксами (ср. безжалостность, безрадостность, бесхитростность), а также в сложных словах (жизнерадостность). В модели наблюдается одновременная рекуррентность не только суффикса -ост, но и суффикса -н: поверх-н-ост-н-ость (схема образования С → П → С → П: верх → верхний → поверхность → поверхностный → поверхностность). В разговорной речи иногда можно встретить еще некоторое число повторных образований на -ост или -н, но такого рода слова словарями пока не фиксируются (например, ценностность; ср. также частотностный, вероятностность).

Наибольшее число словообразовательных кругов мы находим с рекуррентным -н при образовании прилагательных.

Самая емкая модель здесь -н-ич-н-ый, в которой встречается более 20 корней, типа -глаз- (глазничный < глазница < глазной), -боль- (больничный), -пояс- (поясничный), -бой- (бойничный), -тем- (темничный), -тай- (тайничный), -окон- (оконничный), -колес- (колесничный) и др. Подобные случаи наблюдаются в ограниченном количестве уже в XIV веке, но в современном языке они не сохранились: взрбъничъный, утръничъный, опричьничъный, тъмъничъник. Строго говоря, для древнерусского языка речь должна идти о суффиксальной последовательности -ън-ич-ън-, которая совпала в дальнейшем с последовательностью -н-ич-н- (см. темничный). В "Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенном" начала XIX века слов с последовательностью -н-ич-н- уже около 20. Часть из них не дожила до настоящего времени (больничник, двойничник, испод-

личный и др.), а некоторые широко употребительны и сейчас (пояс-
личный, оконничный, двойничный (спец)). Ср. также гробничный, где
теперь выделяются суффиксы -нич-н-ый, но в котором в начале XIX
века была последовательность -н-ич-н-ый, так как существовало
прилагательное гробный, с которым и соотносилось слово гробница.
В XX веке появляется словообразовательный круг с рекуррентным
-н и для префиксальных моделей. Так, в XX веке с корнем -кост-
обязателен при постфиксе - ничный префикс над- (надкостничный),
а с корнем -глаз- могут быть помимо беспрефиксных и префиксаль-
ные модели (надглазничный, подглазничный).

Модель -н-ост-н-ой(ый) возможна с корнями -долж- (должност-
ной; прилагательное должностный встречается и в словаре 1806 г.),
-лич- (личностный), -цен- (ценностный), а при одновременном упо-
треблении префикса по- - с корнями -верх- и -вин- (поверхностный,
повинностный). Ср. термин: окрестностная грамматика). Представля-
ет интерес образования с последовательностью суффиксов -н-яж-н-:
портняжный, портняжничать, портняжничество. Эти формы соотносимы
со словами порты, портной, портняжий (последнее образовано от
просторечного существительного портняга).

Единичными являются соединения -н с суффиксом -итель в соче-
тании с префиксом у- (увольнительный).

Всего моделей с рекуррентными суффиксами -ов, -ост, -н, -ев,
-ич и -к, служащих для взаимного образования прилагательных и су-
ществительных, главным образом по моделям $C \rightarrow \Pi \leftarrow C$ и $\Pi \rightarrow C \leftarrow \Pi$,
около полусотни, а слов - около 70. При этом по моделям $C \rightarrow \Pi \leftarrow C$
образуется 48,5% всех слов с рекуррентными суффиксами, а по моде-
ли $\Pi \rightarrow C \leftarrow \Pi$ - 36,5%. Изредка (в 15% случаев) возможны иные пу-
ти взаимного образования существительных и прилагательных с ре-

куррентными суффиксами, например $C \rightarrow C \rightleftharpoons II$ (кружковка, тряпич-
ничество). Впрочем, последнюю форму точнее производить от глаго-
ла тряпичничать); ср. также $C \rightarrow C \rightleftharpoons C$ (значкистка). Проме-
жуточным звеном может служить 14 суффиксов, наиболее частыми
среди которых являются -ич, -ик, -ник, -н, -ов, -ост, -оч. Упо-
требление в одном слове двух одинаковых суффиксов без промежуточ-
ной стадии в современном русском языке невозможно в отличие от
древнерусского, в котором встречаются образования с одинаковыми
двумя суффиксами, стоящими подряд в слове и оформляющими в обо-
их случаях, как правило, одну и ту же часть речи по схеме $C \rightleftharpoons C$:
робь/рабь - робичь и робичичь/рабичичь "сын рабы; слуга, прид-
ворный"; сестра - сестричь и сестричичь "племянник по сестре";
братъ - братичь и братичичь "племянник по брату"; кѣназь -
кѣнажичь и кѣнажичичь "княжий сын"; господичь и господичичь "сын
господина" (всего 10 таких образований, судя по "Материалам для
словаря древнерусского языка" И.И.Срезневского). Несколько чаще
встречаются наименования малых существ (детенышей) со вторым ста-
рославянским суффиксом -ищ, то есть -ичищ, даже если производя-
щая основа была на -ищъ, все равно мы имеем суффиксальное обра-
зование -ичищъ, но не -ищищъ: пѣтичищъ, младеничищъ, кѣметичищъ,
блудьничичищъ, львичищъ, сестричищъ (при наличии форм пѣтищъ, мла-
денищъ, кѣметищъ, но львичь, сестричь, блудьничь). Впрочем, исход-
ная форма на -ичь или -ищъ в словаре И.И.Срезневского дается дале-
ко не всегда. Так, есть мамоничищъ, любодѣичищъ и прѣлюбодѣичищъ,
гърличищъ и кагърличищъ, женимичищъ, таимичищъ и таимичичь, кор-
мичичь, стричичь, богатичичь, но нет мамоничь, стричь, женимичь,
таимичь (правда, есть прѣлюбодѣица, гърлица и богатичьна). Воз-
можно, что для древнерусского языка в этих случаях разумно гово-

ить о срастании двух суффиксов (точнее одного, дважды повторяющегося, особенно в формах на -ичичь) в один. Никаких следов этого геминированного суффикса в современном русском языке уже нет. В Словаре Академии Российской 1806-1822 гг. с ним встретилось несколько форм: вепричишь, горличишь, голубичишь, существующая параллельно с формой на -енок (голубенок).

Без промежуточного звена в древнерусском языке мог выступать дважды подряд и суффикс -ьн, образуя слова по схеме $C \rightarrow C_1 \rightarrow C_2$ или $C_1 \rightarrow C_2 \rightarrow C$, где C_1 и C_2 в первом случае и C_2 и C во втором имеют один и тот же суффикс, присутствующий дважды в конечной форме этих словообразовательных цепочек: уст-ьн-ьн-ый "относящийся к устам, ко рту" (при наличии слова устьна), сил-ьн-ьн-ый (при сильный), вѣрьн-ьн-ый (при вѣрный), глав-ьн-ьн-ый (при имеющемся главьна "головня"), грив-ьн-ьн-ый (от гривьна), конюш-ьн-ьн-ый (от конюшьна), пѣрст-ьн-ьн-ый (от пѣрстѣнь) и т.п. (всего 15 случаев). Позже (уже в Словаре Академии Российской начала XIX века) рекуррентия -ьн исчезла, так как суффикс -ьн либо заменился на -ен, либо исчез совсем (ср. с одной стороны, современные формы верный, устный, сильный, а с другой стороны, гривенный, конюшенный).

Таким образом, в древнерусском языке в качестве рекуррентных могли функционировать только два суффикса - -ич и -ьн, обычно представляющие повторы без какого-либо промежуточного звена, тогда как в современном русском языке, где используется уже шесть рекуррентных суффиксов, между ними обязательно должны быть какие-то еще суффиксы. В древнерусском языке промежуточное звено между рекуррентным суффиксом отмечено в единственной модели, а именно -ьн-ич-ьн. Модель с рекуррентным -н (-н-ич-н) является наиболее

древней в современном русском языке и охватывает наибольший круг корней. Последнее время ее догоняет по количеству слов модель с рекуррентным суффиксом -ост (-ост-н-ост-), что связано с увеличением числа абстрактных существительных в русском языке. Именно за счет этой модели выросло в современном языке (по сравнению с прошлыми веками) общее число словообразовательных кругов.

И т а к, словообразовательный круг в современном русском языке представляет собой частный и в процентном отношении весьма незначительный (0,5%) способ вторичного образования какой-либо части речи от того же корня обязательно через промежуточную стадию, являющуюся ^{обычно} другой частью речи и оформляемую другим суффиксом.

Суффиксы, участвующие в словообразовательных кругах, составляют около 1% от числа всех суффиксов русского языка.

В древнерусском языке могли встречаться словообразовательные круги без промежуточной стадии, то есть были возможны хотя и редкие случаи контактного повтора (удвоения) суффикса, что исключено для современного русского языка.

Общее число словообразовательных кругов в современном русском языке растет по сравнению с прошлыми периодами развития языка, в связи с чем словообразовательный круг и вызывает к себе определенный интерес.

Словообразовательному кругу с дважды повторенным каким-либо суффиксом сродни наблюдающиеся случаи удвоения префиксов. В литературном языке это редкое явление: несколько слов с удвоением префикса пра- (прапрадед, праправнук), глаголы по-по-льзоваться, где выделяется связанная основа - корень -льз- (ср. нельзя), по-по-мнить, а также аналогичные рассмотренным в суффиксальных по-

повторности префикса типа по-с-по-собствовать. В диалектах же имеют довольно широкое распространение такие формы, как попошли, попоехали. Случаи удвоения возможны и для корней. В древнерусском это могли быть сложные слова, вроде словословесити, словословити, деньдньный. В современном русском языке это образования только типа день-деньской, едва-едва, еле-еле. Впрочем, среди неологизмов (Котелова 1982) зафиксировано единственное слово с рекуррентным корнем - любвेलюбие.

О м о м о р ф н ы е м о р ф е м ы в п р е д е л а х с л о в а

Положение о неповторяемости морфем в слове может быть дополнено положением о несоединимости в пределах одной структуры омоформных морфем, что свойственно подавляющему большинству русских слов. Однако как периферийное явление оморфия в одном слове может иметь место.

Проблема оморфности (морфемной омонимии, оморфии) до сих пор не получила окончательного решения ни в словообразовании, ни в морфемике. При этом один из самых неясных вопросов - вопрос об аффиксальных омонимах (оморфемах). Очевидно лишь, что аффиксы, входящие в различные классы, по их месту в слове относительно корня (префиксы, суффиксы, интерфиксы, флексии), принадлежат заведомо (при совпадении плана выражения) разным морфемам, являются оморфемами. Характерно также, что в пределах одного слова оморфных аффиксов одного класса (класса суффиксов или префиксов) не встречается (в связи с чем критерии различения оморфных суффиксов будут рассмотрены в главе IV, когда речь идет об инвентаре морфем).

В пределах одного слова возможны следующие виды оморфнии.

1. Возможны оморфные отношения между префиксами и окончаниями, например: префикс о- омонимичен окончанию -о в таких словах, как о-зор-ств-о, о-де-я-л-о, о-пыт-н-ич-еств-о, о-город-ник-о, о-город-н-ич-еств-о и др. (всего 13 по "Обратному словарю русского языка"). В словах без удержу, без умолку, обладающих дефектной парадигмой, приставка у- омонимична окончанию род.п. ед.ч.

Для устной формы речи (в ее старомосковском варианте произношения) наблюдается омонимия префикса с- и возвратной частицы -сь [с], принимаемой в настоящей работе за окончание (точнее, компонент двуморфемного окончания): с-полз-ти-[с], с-грес-ти-[с], с-тряс-ти-[с], с-крес-ти-[с], с-вес-ти-[с], с-плес-ти-[с], с-вез-ти-[с], с-рас-ти-[с], с-пас-ти-[с], с-мес-ти-[с], с-нес-ти-[с], с-брес-ти-[с] (всего 12 слов).

2. Между префиксами и суффиксами омонимичные отношения в пределах одного слова возникают чаще. Так, оморфами являются приставка о- и суффикс -о (о-круг-л-енн-о, о-соб-лив-о, о-соб-енн-о, о-пре-дел-енн-о, о-пас-н-о, о-кол-о и т.п. Судить о точном количестве подобных случаев оморфнии в пределах слова трудно, так как словари непоследовательно отражают наречия).

Отмечается оморфия приставок и суффиксов в- и -в (в-жи-в-е, в-пере-ры-в); от- и -от (от-раб-от-а-ть, от-хлоп-от-а-ть, от-грох-от-а-ть); у- и -у (на-у-да-ч-у, а также в приведенных примерах без умолку и без удержу, где фактически окончание у превратилось в наречный суффикс); с- и -с в единственном слове с-кук-с-и-ть-я. В слове в-н-уш-и-тель-н-ый, учитывая эквивалентное аналогичное членение, также можно отметить префиксально-суффиксальную омонимию.

3. В глаголе о-пол-о-ум-е-ть наблюдается оморфия между префиксом и интерфиксом -о-.

4. Наконец, в пределах одного слова встречаются оморфные префиксы и корни, например: до-до-и-ть, по-по-и-ть, пред-у-пред-и-ть, раз-раз-и-ть-ся, раз-раз-и-ва-ть (все случаи оморфии - на уровне письменной речи).

5. В системе русского языка в пределах одного слова встречаются единичные случаи оморфности корней и окончаний (е-ка-нь-ѣ-е) и

6. корней и суффиксов (не-отъ-ем-л-ем-ый, ин-ок-ин-я).

7. В количественном отношении в пределах слова больше всего случаев оморфности суффиксов и окончаний (как в системе, так и в тексте, о чем речь пойдет в главе V), например: о-бож-а-тель-ниц-а; вос-пит-а-тель-ниц-а, про-риц-а-тель-ниц-а и т.п., или: сид-е-ни-е, благ-о-гов-е-ни-е, смотр-е-ни-е и т.п.

8. Возможна также оморфия интерфикса и окончания; пут-е-ств-и-е, душ-е-с-пас-ени-е, кле-е-вар-ени-е, лиц-е-зр-е-ни-е²⁰⁾, раб-о-влад-е-льч-еств-о, на-род-о-вольч-еств-о, добр-о-вольч-еств-о, сам-о-убий-ств-о и многие другие). Нередко грамматическое окончание превращается "в словообразовательную морфему, хотя еще и не вполне интегрированную в системе словообразовательных средств" (Вахек 1966, с. 27). Именно такая картина наблюдается в случае образования сложных слов по принципу сращения (из сочетания слов), когда интерфиксом может служить застывшая флексия, как в слове с-ум-а-с-брод-к-а, благодаря чему также возникает

²⁰⁾ В последнем слове, как и в ряде других (да-ч-е-влад-е-ни-е, даль-н-е-вид-е-ни-е, наряду с дальновидение, зем-л-е-влад-е-ни-е и т.п.), оморфны интерфикс, суффикс и окончание.

омоморфия интерфикса и окончания.

9. Нередко застывшая флексия род.п. ед.ч. существительных (интерфикс) в сложных словах с числительным в виде первого компонента омонимична в письменной форме речи суффиксу в этом же слове: пять-и-лет-и-е, десять-и-лет-и-е, пять-и-сот-лет-и-е, восьм-и-стиш-и-е, пять-и-стиш-и-е... Ср.: по-с-ум-а-с-ше-ств-ов-ать.

Таким образом, омоморфность в рамках структуры одного слова, не характерная для русского языка в целом, является любопытным периферийным фактом морфемного состава русского слова. Омоморфными в пределах слова могут быть

- 1) префикс и окончание,
- 2) префикс и суффикс,
- 3) префикс и интерфикс,
- 4) префикс и корень,
- 5) корень и окончание,
- 6) корень и суффикс,
- 7) суффикс и окончание,
- 8) суффикс и интерфикс,
- 9) интерфикс и окончание

не встречается омоморфных корней и интерфиксов в пределах одного слова). Примеры на каждый тип омоморфии единичны, но их количество имеет тенденцию расти, главным образом, за счет общего увеличения в русском языке сложных слов.

Выводы по III главе.

В III главе был рассмотрен морфемный состав русского слова с точки зрения количества морфем в слове вообще и корней и аффиксов, в частности, с точки зрения порядка их следования и воспро-

изводимости в пределах слова.

1. По всем трем параметрам были обнаружены центральные и периферийные зоны; некоторые периферийные зоны были проанализированы детально, другие только намечены. К периферийным явлениям, охватывающим менее 10%, по первому признаку относятся слова малой и большой глубины, бессуффиксные слова, поликорневые слова, корневые слова, слова-одиночки (о них подробнее см. главу IV); по второму признаку были выделены как области периферии устойчивые последовательности суффиксов, выполняющих функции формантов (морфемные блоки), а внутри них - блоки, допускающие метатезы своих членов; префиксы, не входящие в одноэлементные последовательности, и префиксальные последовательности с метатезой префиксов; по третьему признаку в качестве периферийных зон рассматривались словообразовательные круги и омоморфия в пределах одного слова.

2. Для каждой из периферийных групп могут быть характерны свои особенности, свои приметы. Так, для слов большой глубины существует обратно пропорциональная зависимость количества слов и их глубины: чем больше глубина слова, тем меньше таких слов в языке. Для них специфичны определенные, "излюбленные" корни. От многоморфемных слов деривация незначительна. Большинство новых слов образуется по принципу словообразовательной парадигмы, а не словообразовательной цепочки.

В периферийных группах распределение по частям речи обычно очень неравномерно и различно: например, у слов большой глубины почти нет наречий, преобладают существительные и глаголы; у слов малой глубины преобладают служебные слова, а из знаменательных слов - существительные. В языке в целом распределение слов по

частям речи более равномерно (по крайней мере, в рамках знаменательных слов).

С другой стороны, для всех периферийных групп можно указать некоторые общие черты — низкую частоту встречаемости, небольшую словообразовательную валентность (исключения не часты), малый размер класса.

3. Некоторые из периферийных групп имеют корреляцию друг с другом. Полных совпадений не бывает, но частичные пересечения достаточно часты. Так, пересекаются слова большой глубины; слова, содержащие в своем составе морфемные блоки с четырьмя — пятью морфемами; слова с количеством аффиксов (префиксов и суффиксов), большим, чем три; слова со словообразовательным кругом, что нередко связано с метатезой морфем внутри морфемного блока; слова с омографией в пределах слова, поликорневые слова. Например, слово по-верх-н-ост-н-ость-ь имеет семь морфем, рекуррентные аффиксы, морфемный блок, пять аффиксов (четыре суффикса и один префикс). Существительное оч--к-о-в-тир-а-тель-н-иц-а содержит 10 морфем (из них семь аффиксов в основе — шесть суффиксов и префикс), омографные аффиксы, является поликорневым словом.

Наоборот, слова малой глубины одновременно могут быть бесаффиксными, иметь не более одного аффикса в основе (или окончания), обладать нулевой валентностью; в словарной форме они не могут допускать омографии (в текстовых формах это изредка встречается — см. с. 255); никогда не имеют морфемных блоков и т.д. Например, наречие в-друг-ь имеет две морфемы, не имеет суффикса, имеет только один префикс.

В установлении всех корреляций в структуре слова ^{определенная}цементирующий признак должна быть ^{определенная}глубина слова, которая может быть названа поэтому морфным законом слова.

Г Л А В А IV

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ИНВЕНТАРЕ МОРФЕМ

Запас морфем, образующих основы слов в русском языке, включает более 5000 единиц, среди которых самый большой по размеру класс составляют корни. На втором месте идут суффиксы, далее — префиксы и окончания, которые элиминируются из исследования, поскольку анализу подвергаются только морфемы основы. Интерфиксы специально не рассматривались, так как сложные слова в полном объеме не были включены в рамки работы, а привлекались только в качестве подсобного материала.

Некоторые исследователи, перечисляя в качестве словообразовательных моделей префиксальные, циркумфиксальные, постфиксальные и компаундфиксальные (для сложных слов) модели, выделяют в инвентаре служебных морфем 13 видов аффиксов: префиксоиды, полупрефиксы, префиксы; циркумфиксоиды, полуциркумфиксы, циркумфиксы; суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы; компаундфиксы; экс-префиксы, экс-циркумфиксы, экс-суффиксы. Под экс-аффиксами понимаются не современные форманты, образующие новые слова, а бывшие форманты, в настоящее время утратившие свою словообразовательную активность (Бартнев 1982). Если стоять на той точке зрения, что любой формант-морфема, но не всякая морфема (или морф) функционирует как формант (см. глава IV, с. 290), то станет очевидным, что экс-аффиксы — это те же префиксы и суффиксы, но оцениваемые под углом зрения их роли в образовании слов и не способные к выполнению этой роли в настоящее время.

В данной работе рассматриваются корни, префиксы и суффиксы и (очень кратко) некоторые типы аффиксоидов. Об интерфиксах и окон-

таниях речь идет только в разделах, посвященных оморфии. Для морфемики нет необходимости, как уже отмечалось (Глава I), вводить понятие конфикса (циркумфикса) потому, что речь идет не о новом типе морфем, а об устойчивости корреляции между некоторыми префиксами и суффиксами.

Анализу периферийных явлений в инвентаре морфем предшествует краткая параметризация свойств морфем - корневых и аффиксальных соответственно.

I

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КОРНЕВОМ ЗАПАСЕ ЯЗЫКА

Основной класс морфем любого языка составляют корни. Частота класса корней выше частоты других классов морфем, входящих в основу слова.

- 1)
- Для основной массы корней характерна следующая картина:
- корни обладают понятийным (вещественным) значением, которое можно с большим или меньшим трудом описать, ориентируясь на самостоятельное функционирование корней в речи; отсюда
 - большая часть русских корней (более 60%) является свободными, то есть корни обладают независимостью и могут, соединяясь с соответствующим окончанием, выступать в качестве самостоятельных слов в речи;
 - корни имеют весьма разнообразную дистрибуцию, соединяясь с морфемами других классов (префиксами, суффиксами, окончаниями, интерфиксами) или (реже) с другими корнями, образуя при этом гнез-

В данном разделе речь идет только об исконных корнях русского языка, а также о корнях, полностью адаптированных русским языком и заимствованных в допетровскую эпоху. Исключения представляют лишь корни, функционирующие как слова - одиночки, которые, по большей части, - поздние заимствования.

- да, включающие в среднем 13 слов;
- около 85% корневых морфем обладают одно-, двух- или трехалломорфной структурой;
 - почти все корни могут нести на себе ударение;
 - средняя длина русского корня - $4+1$ фонема (или буква - для письменного варианта языка); в терминах слогов - один-два слога;
 - корни в целом избегают омофонии;
 - большинство корней (из числа рассмотренных) употребляются как в литературном языке, так и в диалектах и в профессиональных подязыках (но не все диалектные и профессиональные корни встречаются в словах литературного языка);
 - корни равномерно распределены по "продуктивным" и единичным моделям (так, корень -ход- встречается в модели слов типа по-√-и-ть, за-√-и-ть, в которых используются многие другие корни, а также в модели √-атай-ств-ов-а-ть, где другие корни не употребляются).

По каждому параметру могут быть выделены свои центральные и периферийные зоны. Вместе с тем очень часто наблюдается закоррелированность между собой центральных или периферийных явлений по некоторому набору черт. Так, корни, характеризующиеся независимостью (то есть функционирующие как корневые слова), наличием денотативного (вещественного) или сигнификативного (понятийного) значения, многосторонностью связей с другими морфемами (то есть продуктивностью), корни, обладающие высокой индивидуальной частотой встречаемости, ударностью, средней длиной и другими перечисленными чертами, образуют по перечисленным чертам центр корневого запаса русского языка.

Наоборот, в периферийные или промежуточные группы корней попадут десемантизированные корни, являющиеся одновременно связанными; корни, специфичные для какой-то определенной части речи (одной или двух); корни с нулевой словообразовательной валентностью, выступающие в виде слов-одиночек; корни, от которых образуются с помощью разных окончаний слова различных частей речи и т.п.

Иногда возможны пересечения рассматриваемых под разными углами зрения групп корней: например, многие слова периферийной с точки зрения словообразовательной валентности (нулевой) - группы слов-одиночек будут центральными с точки зрения независимости корней.

В следующих разделах будут подробно проанализированы перечисленные периферийные группы корней.

Д е с е м а н т и з и р о в а н н ы е и с в я з а н н ы е к о р н и

Процесс десемантизации корня в русском языке происходит постоянно, хотя в исконной лексике - в относительно небольшом количестве слов. Под десемантизацией понимается утрата предметно-логического (иначе - вещественно-понятийного) значения корня при сохранении его структурной функции, благодаря чему такие корни (особенно продуктивные) с равной вероятностью могут быть отнесены к полуаффиксам (см. с. 295). "Утрата значения" корнем (правильнее было бы говорить о трудности опознавания прежнего корня слова или, еще точнее, о невозможности приписать опознанному корню какое-либо вещественное значение) отмечается прежде всего в так называемых связанных корнях (основах).

Превращение корня в связанный, что наблюдается обычно в результате утраты корневого слова, происходит как в простых (имеющих в своем составе один корень), так и в сложных словах; значение корня при этом невосстановимо совсем или восстанавливается с большим трудом на основе анализа значения всего слова; таковы, например, корни -вет- (ветвь, ветка, ср. др. - русск. вѣтъ), -доб- (подобие, удобный, ср. др. - русск. доба), -зд- (здание, создатель, ср. др. - русск. зѣдъ), -кад- (кадка, кадушка, ср. др. - русск. кадѣ), -кун- (куний, куница, ср. др. - русск. куна), -позд- (опоздать, поздний, ср. др. - русск. позды), -пт- (пташка, птица, птенец, ср. др. - русск. пѣта) и многие другие.

Процесс десемантизации корня особенно легко прослеживается на материале сложных слов. Утрата современным языком когда-то свободных корней, встречавшихся в таких корневых словах, как вои, велии, лѣпыи и т.п., привела к появлению связанных основ и корней в составе сложных слов (велеречивый, военачальник, великолепный, благолепие и другие).

Исчезновение корневого слова из литературного языка (при сохранении корня в производных словах) всегда ведет к появлению в литературном языке связанного корня, однако, при наличии корневого слова в диалектах или специальной лексике (например, ср.: колченогий, карчеподъемник при диалектных колча, карча) такие корни не следует считать связанными. Истинные связанные корни встречаются очень редко, образуя в этом случае периферийную группу связанных десемантизированных корневых морфем с подгруппами: 1) ноалломорфных корней (например, корень -усен- при наличии диалектных слов усение, усенка и литературного заусеница), 2) корневых морфем, имеющих несколько алломорфов, из которых одни (один) яв-

яются связанными, а другие (другой) - свободными (встречается иное, более широкое толкование связанных корней - см. например: Федорова 1967, с. 85-94; Ермакова 1980, с. 45-50).

В отличие от сложных слов с русскими корнями в сложных словах с иностранным корнем (одним или несколькими) количество асемантических (десемантизированных) связанных корней, значения которых можно уяснить только, обратившись к языку-источнику, достаточно велико:

-бранд-, -граф-, -скоп-, -фил-, -ффор- и другие, часто относимые к аффиксоидам (брандахлыст, кристаллограф, росограф, гелиоскоп, эконоскоп, сахарофильный, филолог, светофор и т.п.). Эта группа слов непрерывно пополняется, прежде всего - за счет прихода в язык специально-терминологической лексики.

В отличие от двух названных случаев связанных корней в составе сложных слов (исконно русских с корнями, часто бытующими в диалектах, и заимствованиях разного типа) нередко оба корня сложного слова представлены в русском языке в виде свободных корней (в виде корневых слов), но общее значение слова может быть не известно носителю языка, и тогда возникает "гадательная" ситуация, при которой допустима омонимичность корней, как, например, в словах дубонос, золоторотец, кистовяз, косогон, мирносица, сыропуст, вырощенец, чернотроп, чертогон, черторой, чинопер, шестопер и другие, где неясно соотношение корней -кос-, -нос-, -рот-, -черт- и др. со словами коса, косой или косить, нос или носить, рот или рота, черт или черта и т.п.

Слова белокурый, высокопарный хорошо известны всем носителям языка, но значение второго корня может быть понято по-разному: белокурый, вероятно, первоначально означало "словно покрытый бе-

лой пылью" (др. -русск. курити - "пылить" наряду с другими значениями. Ср. польск. kurzyć - "пыль"); высокопарный содержит в качестве второго компонента корень -пар- со значением "летать" (парити - "летать"); слово означало "заносчивый" наряду с "летающий высоко". Случаи с "завуалированностью" значения корня в результате корневой оморфии также относятся к периферийным явлениям (о корневой оморфии см. 246).

Как правило, при устаревании какого-либо значения корневого слова устаревает и сложное слово, в котором выступает корень с устаревшим значением (страстотерпец, святотатство).

Неоднозначное толкование значения вследствие разного понимания синтаксических связей корней возникает иногда даже там, где не возможна омонимия корней, но слово плохо известно носителю русского языка, например: восколей - "тот, кто льет воск" или "тот, кто льет (отливает) что-то из воска"? (правильно второе толкование);

богомаз - это тот, кого Бог "помазал" (помазанник божий) или тот, кто Бога "мажет", рисует? (верно второе толкование);

дроворуб - процесс рубки дров? тот, кто рубит дрова? то, что (чем) рубят дрова? (верно последнее объяснение);

мукосей - процесс сеяния муки? тот, кто сеет? то, через что сеют муку? (верна вторая интерпретация) и т.п.

Как видно из приведенных примеров, амбивалентность, а отсюда и десемантизация, может быть результатом неоднозначного истолкования значения сложного слова в результате неясности подчинительных связей компонентов. Корни, десемантизированные в силу причин синтаксической омонимии, также составляют периферийную группу в языке.

Таким образом, размыв понятийно-вещественного значения, десемантизация корня происходит в силу 1) отсутствия свободного употребления корня, что обычно наблюдается в заимствованных словах, так как исконные корни в подавляющем большинстве встречаются в диалектах или специальных подъязыках в свободном виде (в качестве корневых слов), даже если отсутствуют в литературном языке; 2) наличия оморфных корней в языке и 3) возможности различных толкований подчинительных связей между компонентами сложных слов. Слова с десемантизированными корнями в целом образуют переходную от центра к периферии область лексики русского языка. Корни, как бы временно десемантизированные в силу второй и третьей причин, составляют периферийное меньшинство корневого запаса русского языка. Однако рассмотренные вне сложных слов, эти корни могут быть определены с точки зрения их понятийно-вещественного значения, то есть десемантизация их бывает нерелевантным признаком, ослабление значения не доходит до полной утраты его; неясность значения ликвидируется с большим или меньшим трудом.

Связанные корни, значения которых в современном русском литературном языке всегда десемантизированы, с точки зрения несамостоятельности их употребления в языке также могут быть отнесены в зону, переходную от центра к периферии (поскольку в количественном отношении в основном за счет заимствований - более 30% - они превосходят установленный порог периферийности). Учитывая же различную степень десемантизации и несамостоятельности употребления связанных корней (например, связанность их только со стороны префикса или суффикса или двустороннюю, префиксально-суффиксальную), часть связанных корней (например, имеющих все алломорфы связанными; обладающих низкой - от 1 до 3 - продуктивностью и др.) следует от-

ности к собственно периферийным явлениям языка.

К о р н и с о г р а н и ч е н н о й д и с т р и б у - ц и е й .

По дистрибуционному признаку большинство корней обладает многосторонними связями с другими морфемами языка; вместе с тем, и словообразовательная сила (валентность) бывает различной. От основной массы корней могут быть образованы гнезда от 5 до 50 слов в каждом, причем обычно со словами, принадлежащими к различным частям речи.

Однако порою в русском языке встречаются корни, от которых может быть образовано не просто малое гнездо с 1-3 членами, а вообще одно-единственное слово (слово-одиночка); возможны корни, участвующие в образовании какой-либо одной части речи (изредка двух); существуют корни, выступающие в качестве производящей основы сразу для нескольких разных корневых же слов, иногда являющихся конверсивами, то есть относящихся к разным частям речи. Все они образуют периферийные группы языка, анализируемые ниже.

Корни, образующие слова-одиночки .

В лексико-грамматической системе русского языка слова-одиночки занимают особое место; подобно круглым сиротам, они не имеют никаких родственников в языке. Понятие "слов-одиночек" может быть истолковано двояко: с точки зрения словообразовательных связей слов и с точки зрения морфемного состава слов.

С этой последней точки зрения под словами-одиночками понимаются прежде всего корневые слова (подробнее о них см. с. 216. Ср. также: Кузнецова 1977), совершенно не имеющие в языке производ-

ых. Это такие слова, как болеро, галифе, дезабиле, дольмен, зело, казино, какаду, каное, катавасия, колье, лапилли, лье, люрд, медресе, мулине, мулла, нуга, панацея, пери, пи, поре, та-шр, хаки, эспри и др. Среди слов-одиночек немало слов, первоначально функционировавших в качестве имен (7,5%). Перенесение имени наблюдается не только в слове галифе, но и в существительных берданка, леспедеца, лимузин, макинтош, рудбекия, тильбюри, итаро, цинния, цицero, шимпанзе, эрстед, эльзевир и др. Разумеется, производные от слов-одиночек постепенно могут возникнуть, это в речи нередко наблюдается, хотя словарями такие производные пока не зафиксированы. Например, от аббревиатуры-одиночки цка встречается образование цековский, но в словарях его нет; от существительных тандем, тефтели, чембало возможны образования тандемный, тефтелька, чембалист, также не проникшие еще в словарь. С другой стороны, некоторые из слов-одиночек в прошлом имели производные, теперь утраченные, например, в словарях XVIII-XIX веков фиксировались производные от вено - венити, венный; спортивный термин гит в XIX веке имел производное гитовый; диалектное слово-одиночка слуда, приводимое и в словаре современного русского литературного языка, в прошлом имело много производных: судьба, судьныи, судяныи, судьвеныи.

Помимо корневых слов, к словам-одиночкам могут быть отнесены слова со связанными основами, корни которых, встречающиеся только в одном слове, можно выделить, как уже отмечалось, по аналогии, исходя из существующей системы аффиксов. Так, в словах лоретка, гризетка, мисюрка, митенка можно говорить о приставках лорет- и гризет- по аналогии со словами бабка, брюнетка, сетка и мисюр- и митен- по аналогии со словами корсетка, кас-ка, котлетка, табуретка и др.

Наоборот, слова типа автоклав, конклав, входящие с точки зрения морфемного анализа в одно гнездо с общим корнем -клав-, не будут словами-одиночками, тогда как с точки зрения словообразовательного анализа их, несомненно, надо отнести к последним, поскольку ни от того, ни от другого производных в русском языке нет.

В настоящем разделе речь пойдет о словах-одиночках, рассмотренных в плане морфемного состава слов (Кузнецова 1977).

Судя по результатам обработки 120 тыс. слов современного русского литературного языка (ССРЛЯ 1948-1965), слова - о д и н о ч к и с о с т а в л я ю т 2% в русском языке (с точки зрения словообразовательного подхода к данной проблеме, слов-одинок должно быть больше), из них около 13% - н е с к л о н я е м ы е существительные, реже - прилагательные типа сомо, фрез, хаки (помимо ССРЛЯ см. Колесников 1978). Среди несклоняемых слов-одинок встречаются и аббревиатуры разного рода: га - из греч. ἑκατόν и фр. arc линкор (о наличии или отсутствии производных судится только по ССРЛЯ. Не зафиксированные, но возможные образования не учитываются) - из сочетания "линейный корабль" (ср. эсминец - эскадренный миноносец; фехраль - сокращение из наименования сплава железа (лат. *Fe*), хрома и алюминия; эмиритон - из сочетания "электрический музыкальный инструмент Римского-Корсакова, Иванова" плюс "тон", фианит - из сокращенного названия физического института Академии наук - ФИАН + -ит и т.п.).

Распределение слов-одинок по частям речи существенно отличается от распределения по частям речи остальных слов русского языка, а именно: 94% приходится на имя существительное и лишь 6% - на остальные части речи, в первую очередь на служебные эле-

менты (особенно междометия, в меньшей степени - частицы и союзы), глаголы и прилагательные составляют незначительный процент среди слов-одинок (соответственно 1% и 1,7%). Интересно, что глаголы-одиночки в основном представляют собой просторечия или диалектизмы, тем не менее отмечаемые в словаре русского литературного языка, а прилагательные - заимствования из других языков: казать, хизнуть, шурстеть, шунять, юзжать наряду с капитонировать, фетировать, фраппировать - из французского, с одной стороны, и облический, ювенильный (из латинского), цитварный (из немецкого), таусинный (из персидского), пюсовый (из французского), чагравый (из тюркского) наряду с собственно русскими образованиями типа ширый, с другой стороны. Прилагательные часто образуются от имен собственных и оформляются русскими суффиксами, типичными для прилагательных, например, куфический (куфическое письмо) - по имени старинного арабского г. Куфа на р. Евфрате; швицкий (ш. порода, ш. скот) - от названия кантона Швиц в Швейцарии, где впервые была выведена эта порода скота; меркаторский (м. проекция) - от латинизированного имени Меркатор голландского математика и географа XVI века Г. Кремера, составившего ряд карт; глауберова (соль) - по имени немецкого химика и врача XVII века Глаубера и проч.

По своему происхождению слова-одиночки почти на 90% представляют заимствования из других языков. По нашим сведениям, около 60% - заимствования в русский язык из других индоевропейских языков (особенно много из французского и германских языков, а также из греческого и латинского) и около 7% - из тюркских языков. Встречаются также, но в малом количестве, заимствования из семито-халитской, финно-угорской, кавказской, китайско-тибетской и других языковых семей.

Характерно, что в пределах собственно русских по происхождению слов-одинок (а их ~ 11%) почти половина - слова не литературные, а областные (реже просторечные или специальные), как, например, верес, друзг, клуня, крига, кулеш, лан, мар, мизгирь, руга, рептух (по Фасмеру, впрочем, - из немецкого языка), слуха, стодола, рахманный и др. Последний пример - редкий для русского языка случай энантиосемии: по свидетельству словаря Даля, на юго-западе и юго-востоке от Москвы это прилагательное означает "вялый, смиренный, скучный", а на севере и востоке - "веселый, разгульный" (в ССРЛЯ оно дается со значением "веселый"). Многие из этих слов в том диалекте, откуда они пришли, не являются словами-одиночками, а входят в гнезда родственных слов, например, мизгирь, мизгирный, мизгириха "яичница", мизгирина "паутина" и др.; крига, крижный, крижить и т.п.

Время заимствования в русский язык слов-одинок преимущественно позднее: на XIX век приходится 57%, на XX - 19%, на XVIII - 13% всех заимствований. Но, несмотря на свой поздний приход в русский язык, около 6% слов-одинок уже устарело. Вряд ли кто из говорящих по-русски знает сейчас, что такое тараса, крамбабули, крин, комераж, лабет, лансье, меледа, мурин, мушар, руга, соника, тифон, утин, фишо, шмерц, шу и др. (впрочем, и не устаревшие слова-одиночки, будучи часто узкоспециальными и оставаясь в силу этого варваризмами, известны далеко не всем носителям современного русского литературного языка). Среди слов-одинок изрядка встречаются слова *Pluralia tantum*, вроде устар. плерезы "траурные нашивки" или тефтели (Ср. также: анты, бармы, венеты, дунгли, иды, инки, кимвры, кортесы, куранты, немертины, ночвы, шнетки, роксоланы, туманы, фижмы, чанахи и др.).

В семантическом отношении слова-одиночки русского языка весьма разнородны. Здесь встречаются и биологические названия (их больше всего: гоми, динго, ипекакуана, колибри, кутум, лори, целот, палоло, порей, сумах, тирлич, ткемали, тулес, турухтан, тэк, фэйхоа, цинния, чибис...), и музыкальные термины, включающие и названия танцев, которых особенно много (игиль, котильон, мансье, матчиш, ребаб, ригодон, си и некоторые другие названия), ют, фуэта, хота, чембало и проч.), и спортивные (гейм, гольф, грейв, кроль, скетинг, спурт, хертель, хук...), и наименования денежных единиц разных стран (лев, лек, лея, лепта, ливр, форинт, морин, цехин, шелег, эку, эскудо, юань, крейцер...), и названия народов и национальностей (анты, венеты, игдыр, ингры, инки, имвры, обры, пикты, шапсуги...), и названия продуктов питания, включая многочисленные сорта вин (бри, зразы, каймак, кнели, кнш, кулеш, люнель, маца, мацони, хала, чанахи, чахохбили, честер, шепс, шницель, эль...), и карточные термины, по большей части старевшие (ералаш, лабет, макао, соника, фоска, экарте...), и наименования видов одежды (матине, малахай, паница, парка, шаль-вары, шорты, шушпан, яломок...) и т.п.

Слова-одиночки обладают особо низкой частотой встречаемости. Подавляющее большинство из них ни разу не встретилось в выборке из 400 тыс. словоупотреблений (Кулешова 1976), например, анчар, буг, бармы, бри, колье, ливр, ляпсус, лярд, луза, макс, мала-й, мамалыга, матлот, махаон, меламед, меню, меренга, мулине, реол и тысячи других. Лишь около сотни слов-одиночек из двух с половиной тысяч отмечено один-два раза: арба, бодяк, брутто, ки-и, мавзолей, мириады, мольберт, ля, одр, реву, пигмей, пирога, шмы, фойе и т.п. Отдельные слова-одиночки (около 20) имеют бо-

лее высокую частотность. Так, существительные холл, лимб, корпия отмечены соответственно 15, 12 и 11 раз на 400 тыс. словоупотреблений (в одном тексте каждое). Существительное марзан встречалось 6 раз также в одном тексте; у слов-одинок иго и овация - 6 употреблений в 5 текстах, слово ага встретилось 5 раз в 5 текстах, существительное нары - 10 раз в 4 текстах и т.п. Единственным исключением являются союзы ли (или), которые в указанной выборке встретились 2034 раза в 375 различных текстах.

Таким образом, слова-одиночки представляют собой особую группу слов русского языка не только в структурно-семантическом отношении, но и по квантитативности.

Большая часть слов-одинок, как мы видели, является корневыми словами, хотя среди них возможны и связанные основы. В свою очередь, корневые слова могут быть словами-одиночками, но чаще входят в гнезда родственных слов. Иначе говоря, периферийные группы слов-одинок и корневых слов находятся в отношении пересечения.

"Реликтовые" корни в современном русском литературном языке

При словообразовательном и морфемном анализе большие затруднения вызывают случаи с одиночными корнями, легко опознаваемыми в слове, если при словообразовании исходить из словообразовательного типа, то есть вести анализ с точки зрения формы, а не содержания. Единичные корни, выделяемые аналогическим путем, должны быть подтверждены примерами из диалектов, специальных подъязыков или из древнерусского языка во избежание предположения о ложных сближениях корней. Определить способ образования таких слов можно лишь выйдя за рамки современного литературного языка (в про-

тивном случае их надо признать корневыми словами литературного подъязыка).

В отличие от слов-одинок, среди которых подавляющее большинство (почти 90%) составляют заимствования, слова с "реликтовыми" корнями 1) все русского происхождения (или адаптированные языком еще в древнерусский период), 2) обычно имеют связанные корни в литературном языке, но свободные - в диалектах и специальных подъязках; 3) могут входить в гнезда слов, хотя иногда являются словами-одиночками в языке со связанными основами (по этому признаку они пересекаются со словами-одиночками). Таких реликтовых корней, список которых приводится далее с указанием в скобках диалектного или специального слова, в современном русском литературном языке всего несколько десятков, как например: загогулина (гогуля), заусеница (усение, усенка), лещадь (лещить), пряженец (пряжить), подоплека (оплека, плечо), лезвие (леза), измождение (мождать), замухрышка (мухрастый), папоротник (папороть), назойливый (зоя, зойть), кондовый (конда), ерничать (ера), брусника (брусеня, брусвяный), надменный (одменье), вальжный (вальжиться), удручать (дручить), передряга (дряга), прогалина (прогал, галяный), валандаться (валанда), соблазн (облазнить, блазнить), повапленный (вапа), скорняк (заскорузнуть; ср. скорлупа, с одной стороны, и молодняк, дубняк, с другой). Ср. также: безуханный (благоухание), белобрысый (бровь), издревле (древлехранилище), полезный, польза (нелзя), нелепый (великолепие) и т.п.

Корни, являющиеся производящей основой для двух и более
корневых слов каждый

В данном разделе речь пойдет о функционировании корня в языке в качестве корневого слова.

Из 4500 русских корней более 2700, оформленных окончаниями, функционируют в качестве самостоятельных слов в речи. Очевидно, что сами корневые слова как непроеизводные слова по сравнению со всеми производными²⁾ образуют периферийную группу русского языка, частично пересекающуюся с группой слов-одинок, составляющих приблизительно одну шестую часть от корневых слов (Кузнецова 1977, с.217).

Каждый корень, функционирующий в качестве корневого слова, обычно (в 95% случаев) служит производящей основой только для одного единственного корневого слова - существительного, глагола, прилагательного или частицы. Лишь незначительная группа корней (5%), находящаяся в иерархических отношениях со свободными корнями (периферия периферии), может принимать сразу два или даже больше окончания (при отсутствии суффикса), образуя по несколько корневых слов от каждого корня, относящихся иногда к разным частям речи (тогда говорят о возникающей омонимии слов - о соотношении слов по конверсии), иногда - к какой-либо одной части речи. В этом втором случае, исходя только из признака "замены парадигм", и опуская признак "изменение синтаксической сочетаемости", также нередко говорят о морфологической конверсии, происходящей в рамках одной части речи (Маслов 1983).

В группу корневых слов, выступающих в функции существительного, входит около 60 таких, корни которых могут быть корнями не одного, а двух и даже трех различных по смыслу

²⁾М.В.Русакова (Уровни языка 1986, с.56), предполагая, что абсолютно все корневые слова должны быть ядром, центром в языке, не учла, что в данном случае, именно по указанному параметру, как и по некоторым другим, корневые слова образуют периферийную группу языка.

(изредка одинаковых) существительных, имеющих разные окончания.

Во-первых, это существительные, представляющие собой коррелятивные названия лиц и животных мужского и женского пола, часто с меняющимся ударением: внук- ϕ - внук-а, глист- ϕ - глист-а, кум- ϕ - кум-а, лис- ϕ - лис-а, раб- ϕ - раб-а, скарעד- ϕ - скарעד-а, транжир- ϕ - транжир-а (всего немногим более 10). Иногда в таких парах наблюдается фноморфологическое альтернирование: тесть- ϕ - тещ-а. Говоря о корреляциях подобного типа, А.Г.Лыков (1959, с.9), а вслед за ним Р.А.Маркарян (1970, с.16) указывают, что аффикс женского рода -а "в данном случае превратился из флексии, безразличной к лексическому содержанию основы, в суффикс, в определенном смысле предопределяемый содержанием основы" (Ср. также Стрелков 1967). Однако в настоящей работе этот "флексивный суффикс" оценивается все же как окончание, а сам корень, таким образом, считается свободным. В эту же группу можно отнести и некоторые названия предметов с колебаниями в роде, то есть слова, параллельно функционирующие в речи в мужском, женском и среднем роде. Изменение рода существительных (называющих не лица, а неодушевленные предметы) нередко бывает связано не только с изменением окончания, но и со смягчением конца основы (значение при этом не меняется): мыт- ϕ - мыт-о "пошлина", пал- ϕ - пал-я "свая", пасм-а - пасм-о, скирд- ϕ - скирд-а, харч- ϕ - харчъ- ϕ , хлуп- ϕ "кончик креста у птиц, спец.", чад-о - 1 чадь- ϕ , чад- ϕ - 2 чадь- ϕ и т.п. (ср. также колебания в пределах женского рода: круч-а - кручь- ϕ , стерн-я - стернь- ϕ , толщ-а - толщъ- ϕ , хол-я - холь- ϕ). Одна из форм при этом может быть устаревшей (харчъ), областной (паля), просторечной (2 чадь) или специальной (хлупь, пал). Количество подобных слов, представляющих собой родовые варианты, в русском

языке XI-XII вв. было значительно больше, хотя и они составляли языковую периферию (см. Азарх 1984, с. 50-78). Колебания в грамматическом роде в указанный период отмечаются главным образом у тех существительных, которым не свойствен семантический признак пола. "У параллельных однокоренных образований однотипной словообразовательной структуры, но разного грамматического рода первоначально отсутствуют ощутимые семантические различия... При многозначности производящего слова дублеты разного грамматического рода постепенно, при длительном их сосуществовании начинают соотноситься с разными лексико-семантическими вариантами производящего слова". Расхождение значений приводит к появлению на месте семантических дублетов разных слов (Азарх 1984, с. 76).

Во-вторых, около 30 свободных корней составляет подгруппу существительных, приводимых в Орфографическом словаре с окончаниями и единственного и множественного числа, как различные слова с разными значениями, в связи с лексикализацией форм числа, хорошо известной русскому языку: вес- ϕ - вес-ы, грязь- ϕ - гряз-и, люд- ϕ - люд-и, махр-а - махр-ы, молоко-о - молоко-и, мощ^б- ϕ - мощ-и (редкий для русского языка случай энантиосемии), род- ϕ - род-ы, толк- ϕ - толк-и, торг- ϕ - торг-и, цвет- ϕ - цвет-ы, час- ϕ - час-ы и др. (вторые члены пар везде *Pluralia tantum*, а первые то *Singularia tantum*, то существительные с полной парадигмой). Этот ряд может быть увеличен за счет слов, не вошедших в словарь, но принципиально ничем не отличающихся от приведенных, например, карта - карты (игральные), лес - леса (строительные) и т.п.

Довольно значительной, в-третьих, является подгруппа таких корневых слов, корни которых представлены в русском языке сразу двумя существительными (с нулевым или реальным окончанием), четко

различающимися по своему значению, типа страж - стража, сторож - сторожа, лад - лада, рев - рева, жар - жара, суша - сушь, зуда - зуд, ряд - ряда "соглашение, договор об оплате" (устар.), под - подма. Иногда при нулевом окончании основа может смягчаться; получается два разных слова с одним и тем же фонетически варьирующимся корнем и при одном и том же нулевом окончании; глагол - каголь "название буквы", ер - ерь "названия букв", клад - кладь, мел - мель, рез "разрез, спец." - резь, цеп - цепь. Чаще, правда, нулевое окончание бывает при мягкой основе, а при твердой - та же реальная флексия: зерн-о - зернь- $\emptyset$, смол-а - смоль- $\emptyset$, сыт-а - сыть- $\emptyset$ (ср., впрочем: вечер- $\emptyset$ - вечер-я, сон- $\emptyset$ - сон-я).

Таким образом, если в первую и вторую подгруппы входят пары существительных, имеющих один корень и различающихся прежде всего грамматически (по роду и числу), а не семантически, то в третью подгруппу включены такие пары существительных, оба члена которых различаются в основном семантически, а грамматическое различие (по роду и числу) не столь существенно.

Все рассматриваемые до сих пор примеры встречались в пределах одной части речи, но возможны, как уже отмечалось, и другие случаи - случаи функционирования корней, оформленных соответствующими окончаниями, то есть корневых слов, в качестве разных частей речи.

Конверсия корневых слов в целом не типична для русского языка, но даже ^{при всей} своей нетипичности она более характерна для существительных и прилагательных, чем для существительных и глаголов, отличие, например, от английского или французского языков, где конверсия относится к продуктивным способам словообразования³⁾,

В англистике вопрос о том, можно ли "считать наличие в англий-

особенно активным при образовании существительных и глаголов, относящихся по конверсии.

Среди исследованных пар корневых слов, соотносимых по конверсии, небольшую подгруппу корневых слов (около 50) составляют корневые слова, корни которых могут быть (в соответствующих окончаниях) корнями и существительных, и прилагательных, например: благ-о - благ-ой, будн-и - будн-ий, вдов-а - вдов-ый, добр-о - добр-ый, зл-о - зл-ой, золот-о - золот-ой, лих-о - лих-ой, синь-о - син-ий (что от чего образовано, в данном случае неважно), прав-о - прав-ый, румян-а - румян-ый, скверн-а - скверный. Как и в подгруппах, рассмотренных раньше, нередко основа существительного - гласная перед нулевым окончанием и твердая в прилагательном: нов-о - нов-ый, рябь-о - ряб-ой, старь-о - стар-ый, хворь-о - хвор-ый, хмурь-о - хмур-ый и др.

На уровне морфем (а не морфем, о чем до сих пор шла речь) свободные алломорфы, составляющие морфему, также могут быть одними существительными, другие - прилагательными: ветошь - ветхий, глушь - глухой, гуща - густой, дичь - дикий, досуг - досужий, твердь - твердый, чернь - черный, тишь - тихий.

Данная группа корневых слов является связующим звеном между корневыми словами-существительными и корневыми словами-прилагательными.

Такое же промежуточное положение занимают несколько слов - корней, выступающих в современном русском языке (при соответствующем оформлении) то как существительные, то как глаголы. Инте-
продолжение сноски

В русском языке большого числа равнозвучающих форм в различных частях речи результатом словопроизводства или же "разными функциями одного слова", обычно решается в пользу словообразования (Медникова 1958, с.111-115; Смирницкий 1956, Ворожцов 1978, 1982).

решно, что эта маленькая группа почти вся состоит из слов, кон-
чающихся на -чь: печь, течь, мочь, где мочь - существительное
употребляется только в просторечии (или в выражении изо всей мо-
чи). В качестве глагола эти корни попадают в один ряд с такими,
как беречь, влечь, волочь, жечь, лечь, облечь, стеречь, стричь,
толочь, всего 13 (имеются в виду только непроизводные формы).
Традиционно обычно считают, что в этих глаголах "инфинитив окан-
чивается на чь" (АГ-70, с.407), но -чь можно в равной степени
воспринимать и как показатель инфинитива, то есть его суффикс
(или окончание), и как характеристику конечной согласной корня
при нулевом показателе инфинитива. В настоящей работе принимает-
ся второе из возможных решение (аналогично: Маслов 1968, с.72).
Среди всех глаголов на -чь формы мочь, печь, течь занимают особое
место: подобно многочисленным примерам из английского языка типа
the pen - to pen, the water - to water, the face - to face они
являются конверсивами, то есть могут быть и существительными, и
глаголами (направленность словообразования для данного случая не
существенна). Корень сечь в этом отношении отличается от осталь-
ных форм на -чь, так как, имея нулевой показатель в глаголе, он
оформляется флексией -а в имени существительном; на уровне пись-
менной речи мы вообще имеем дело с алломорфами сеч-/сечь- (сеча,
сечь). К этим четырем свободным корням примыкает еще один - ко-
рень ста-, который с показателем -ть функционирует как глагол, а
с окончанием -я - как существительное (стая "хлев")⁴⁾.

⁴⁾ Глаголов-корней (при наличии соответствующего окончания) насчи-
тывается более 800, но около 500 из них (да и то только в тексте,
то есть если учитывать не только формы инфинитива, но и другие
грамматические формы, употребленные с другим окончанием), могут
функционировать и как существительные (воз-ит и воз-б, буд-ит
и буд-а, зуд-ит и зуд-б, зуд-а, сол-ит и сол-б, шелест-ит и
(продолжение сноски см. на сл. стр.)

Итак, встречаются корни, 1) образующие, за счет разных окончаний (или смягчения конечной согласной основы при одном и том же нулевом окончании), по два корневых существительных каждое (более 50); 2) образующие существительное и прилагательное (около 50) и 3) существительное и глагол, обычно путем конверсии (5).

Случаи, когда один корень с разными флексиями дает сразу два прилагательных (борзый и борзой, любый и любой) или прилагательное и субстантивированное прилагательное (кривой и кривая (в математике), многий и многое), единичны в литературном языке.

Дополнительно к указанным группам корневых слов в современном русском языке можно назвать несколько корневых числительных. При этом и порядковые и количественные числительные образуются, как правило, от одного корня: пять- ϕ - пят-ый, шесть- ϕ - шест-ой, девять- ϕ - девят-ый, десять- ϕ - десят-ый) и несколько корневых местоимений (она, сам, самый...).

Наконец, следует упомянуть о группе корневых слов (всего больше 100), выступающих в качестве неизменяемых в языке элементов: частиц, особенно отглагольных (вишь, мол, дескать, чирк), междометий (ай, увы, ой, ага, ах, гм), союзов (как, пока), реже наречий (тогда, сюда, тут, там, набекрень, везде). В эту группу входит много звукоподражательных единиц, обычно редуцируемых в речи: гав, дзинь, кря, тьфу, тям, чив. Производные от них глаголы и существительные (так называемая оноματοпоэтическая лексика в том числе слова-корни), широко представленная в различных язы-

продолжение сноски

белест- ϕ ; за редким исключением все примеры - на уровне письменной речи), и как прилагательные (бел-ит и бел-ый, син-ит и син-ий, синь- ϕ).

ках мира) вызывают особый интерес с фонетической и семантической точек зрения.

Среди всех этих чистых корней, равных самостоятельным словам, более всего так называемых глагольных частиц (см. также с. 143), по терминологии И.И.Срезневского и А.А.Потебни (1941, с. 187-197), или сказуемых междометий (встречается также термин "глагольные междометия"). В современном языке они обычно имеют глагольное происхождение - являются усеченными формами глагола (Ср. Буслаев 1959, с.106). Судя по пометам в ССРЛЯ, их больше в разговорной речи, чем в литературном языке: дерг, морг, прыг, скок, топ, хватъ, хлоп, цоп, царап, чирк, чмок, шлеп, шмяк...

Некоторые из этих частиц выступают в предложении не только как глагольные частицы, но и как существительные. Еще А.А.Потебня указывал, что "необходимо отличать глагольные частицы, как: "он х л о п его в рожу", "он т о п ногою", от существительных подобнозвучных: "...свист и хлоп, людская молвь и конский топ" (Потебня 1941, с.188). В этом случае, как и в примерах с течь, печь, можно говорить о конверсивах. Число корневых слов от одного корня обычно не превышает трех. В исследованном объеме материала они возможны от единичных корней, например, от корней -син- и -сон- (синь- ϕ , син-ий, син-ит; сон- ϕ , сон-я, сонь- ϕ) со смягчением конца основ в отдельных случаях.

Таким образом, корни, реализующиеся в двух и (изредка) более корневых словах каждый, составляют периферийную группу по отношению ко всем корням анализируемого корпуса слов. В свою очередь, все корневые слова в целом сами выступают как периферийная группа по отношению ко всем словам языка, среди которых более 95% - производные слова (при этом следует помнить, что из

всех корневых слов русского языка, зафиксированных в различных современных и исторических словарях, приблизительно половина приходится на XIX-XX вв (Андреевская 1987).

По параметру глубины слова все рассматриваемые в данном разделе корни также образуют периферийную группу - корни с двойной реализацией (в виде двух корневых слов) состоят из одной морфемы (например, глагольные частицы) или двух морфем (обычно существительные, глаголы, прилагательные, числительные): корни и окончания.

С точки зрения других параметров корневые слова - конверсион и корневые слова, находящиеся в отношении свободного варьирования, - могут оказаться центральными. Так, релевантным признаком в этом случае будет частота встречаемости, многосторонность связей с другими морфемами, иначе - размер гнезда (в противоположность корневым словам-одиночкам с нулевой словообразовательной валентностью).

Корни, специфичные для отдельных частей речи

На первый взгляд кажется, что в русском языке нет ни одного корня, от которого нельзя было бы образовать трех основных частей речи - существительного, прилагательного и глагола (так, с корнем -пис- возможны слова писать, писарь, прописной, писательский, с корнем -барабан- - барабанчик, барабанить, барабанный); точно также с префиксом при- возможно прилагательное (прибрежный), глагол (приоткрыть), существительное (приморье). Наоборот, суффиксы, казалось бы, являются структурными единицами, специфичными для какой-либо одной части речи. Так, суффикс -еньк- наиболее типичен для прилагательного (хотя возможен и с существительными, например, маменька); суффиксы -чик-, -щик- и др. - для су-

существительного; -ну , -ыва , -ива - для глагола (причастия) или отглагольного существительного. Однако для всех трех типов морфем (префиксов, корней, суффиксов) из этого правила есть исключения, наиболее примечательные для корней (подробнее см. Кузнецова 1970).

От основной массы русских корней (90,5%) можно образовать существительные наряду с другими частями речи (из них от 15,4% - только существительные). От остающихся 9,5% корней существительные не образуются никогда. Эти корни, периферийные по отношению к основному запасу корней, могут участвовать в образовании либо только прилагательных (типа карий, куций, половый, всего 3,5% корней от 4800⁵⁾), либо только глаголов, не считая причастий (типа хлынуть, лебезить, сигать, сигнуть, всего 3,2%), либо глаголов и прилагательных, по происхождению обычно из адъективированных причастий (замусолить - замусоленный, обшарпать - обшарпанный, замызгать - замызганный, посоловеть - посоловелый, индеветь - заиндевелый, алеть - алый, лиловый - лиловеть, пожолкнуть - пожолклый и т.п., всего 2,3%), или наречий и служебных частей речи (очень, езде, еле, еще, пока⁶⁾ и др., всего - 0,5%).

Если существительное обозначить через С, глаголы - через Г,
прилагательное - через П,

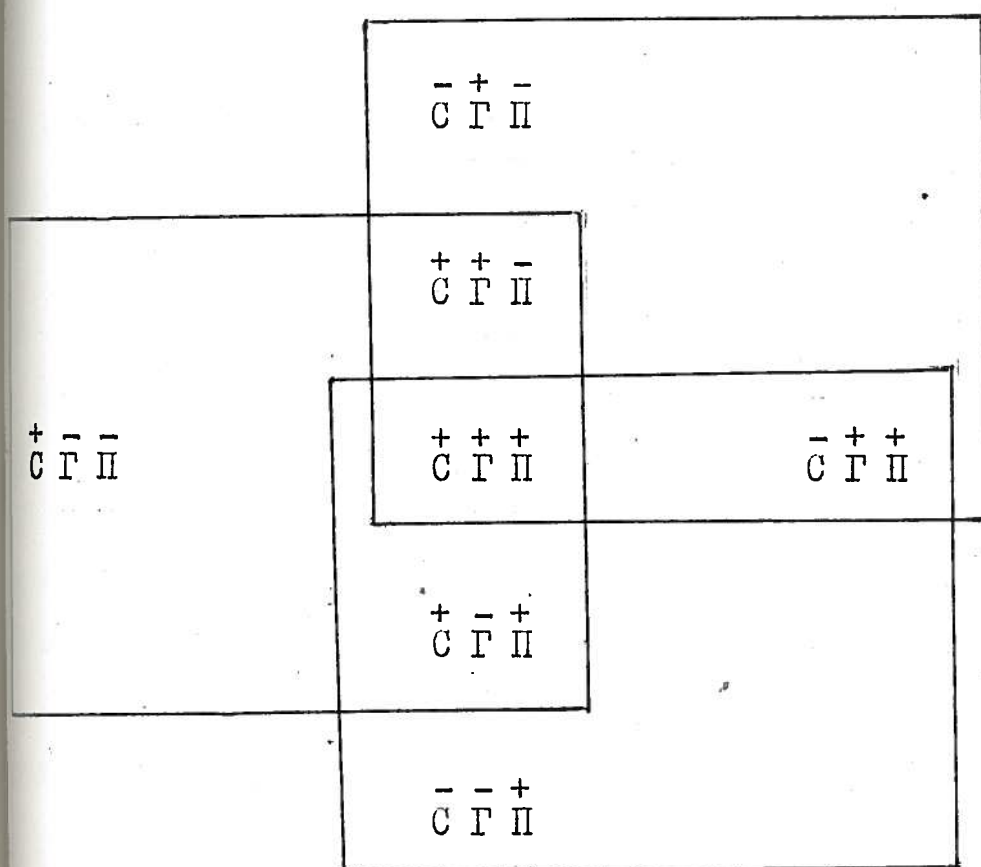
⁵⁾ Из 150 адъективных корневых морфем приблизительно 20 - одноалломорфные морфемы типа перечисленных, а остальные морфемы, образующие только прилагательные и изредка наречия, находятся в отношении дополнительной дистрибуции с морфемами других корневых групп (например здешний при наличии корня здесь; ср. теперь и теперешний, ныне и нынешний...)

⁶⁾ Сложные слова (например, вездеход) во внимание не принимались.

$\overline{+} \overline{+} \overline{+} \text{СП}(3,5\%) > \overline{+} \overline{+} \overline{-} \text{СП}(3,2\%) > \overline{+} \overline{+} \overline{+} \text{СП}(2,3\%) > \overline{-} \overline{-} \overline{-} \text{СП}(0,5\%)$.

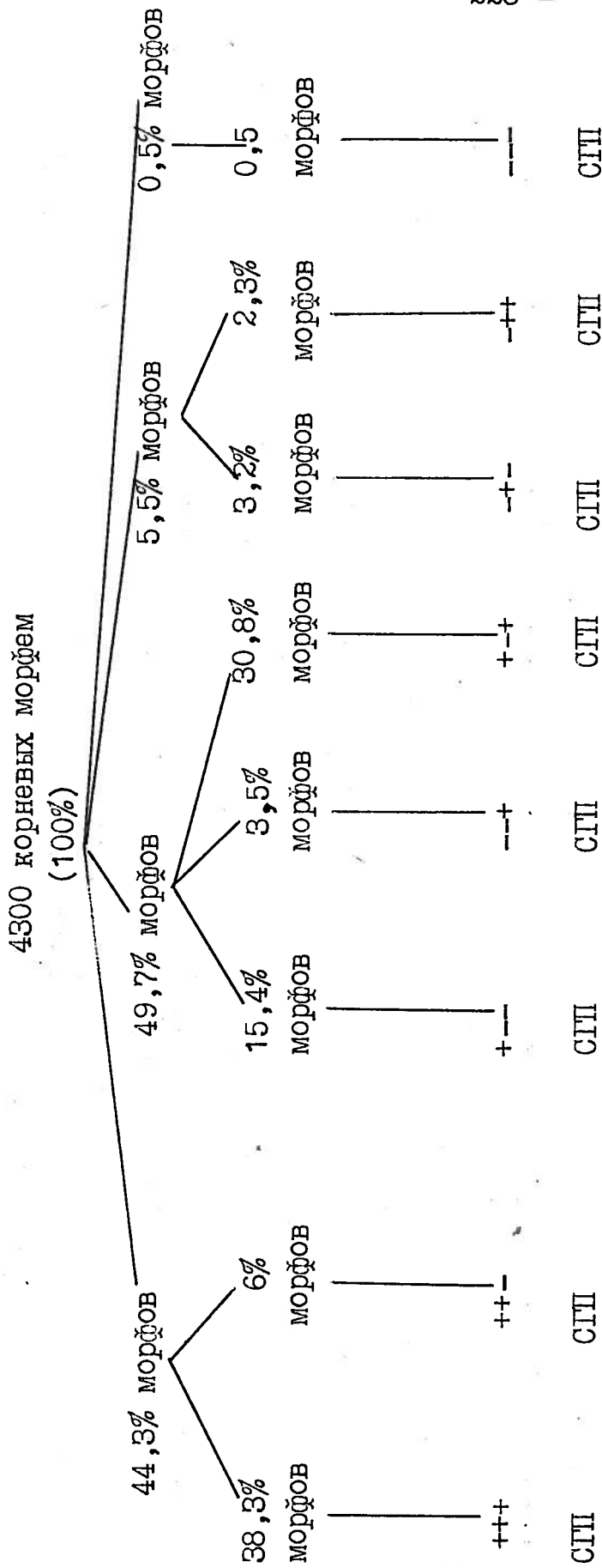
Естественно, что возможны пересечения классов корней. Так, перечисленные группы корней, периферийные по отношению к остальным корням, от которых могут быть образованы существительные, войдут в значительную группу корней, способных к образованию прилагательных, наряду с другими частями речи (таких корней 74,9% от числа всех корней) и, таким образом, пересекающихся с группой корней, образующих существительные и глаголы (последние составляют 49,8%).

Указанные пересечения могут быть отражены в схеме 1.

Соотношение корней, способных resp. не способных образовывать различные части речи resp. одну какую-либо часть речи, отражено на схеме 2.

Схема 2

К о р н и , п е р и ф е р и й н ы е с т о ч к и
з р е н и я и х д л и н ы в т е р м и н а х
ф о н е м (б у к в) и с л о г о в

Исконная часть корней русского языка может быть описана в терминах их слоговой, звуковой или буквенной длины (берутся только так называемые непрерывные корни; другими словами, корни с внутренней флексией, например, -зид-/-зд-/-зод-, рассматриваются как корни, представляющие собой непрерывную последовательность фонем, в отличие от возможной трактовки их как прерывных морфем, типа з...д, то есть зид/зд/зод - созидать, создать, зодчий и т.п.

Самыми многочисленными являются односложные корневые морфемы, которые вместе с двусложными составляют центр, охватывая около 90% всех корней (Уровни языка 1986, с.200).

По данным "Словаря морфем" (1986), больше трех слогов в русских или обрусевших корнях не встречается. Иные данные получены по словарю Д.Уорта и др. (1970), где содержатся корни в шесть слогов (Уровни языка 1986, с.199 и др. . Впрочем, это может быть результатом ошибки членения слов), как и пятисложные корни. Четырехсложные корни - главным образом, корни эпонимов, как -иерихон-, -макиавел- (ср. -меридиан-), и обязательно заимствованные.

Средняя длина корней в терминах фонем (или букв, результаты почти совпадают), характеризующая, следовательно, центр, будет 4 ± 1 фонема⁷⁾ (ср.: Ефремова 1968, Бондарко, Саламатина, Юдина 1984; Бондарко, Величко, Загоруйко 1982) с чуть заметным перевесом четырехфонемных корней над трехфонемными (1323 против 1313 в объеме рассмотренного инвентаря исконных корней) и более замет-

Ср. ту же оценку для глубины слова в терминах морфем: 4 ± 1 морфема в структуре слова, которая характерна для центра.

ым перевесом над пятифонемными корнями. Корни, состоящие из шести фонем, составят переходную группу от центра к периферии (их 344), а корни из 1-2⁸⁾ и 7-9 фонем образуют периферийную часть корней с точки зрения их длины.

Периферийная группа включает в свой состав более 390 корней (3% от числа всех корней). Среди них преобладают малофонемные корни (более 240), причем среди корней, состоящих из гласных, есть оморфемные: 1 -и- (на-и-ти-е) и 2 -и- (и-ка-н-ье), 1 -у- (об-у-вь) и 2 -у- (у-ка-ть); ср. примеры корней с несовпадающим фонемным и графическим составом: 1 -я- (местоимение) и 2 -я- (я-ка-ть-е) и 3 -я- (объ-я-ти-е); 1 -е- (за-е-вш-ий-ся) и 2 -е- (е-ка-ть-е). То же самое можно сказать о консонантных корнях из одной фонемы: 1 -ч- (ни-к-ч-ем-н-ый), 2 -ч- (пере-ч-ен-ь-е), 3 -ч- (по-ч-а-ть), 4 -ч- (о-ч-ну-ть-ся). Большинство консонантных корней не имеют оморфемных корней, например, корни щ (щи), ш (про-ш-ный), -т- (по-т-ом-ок). Корни -г- (гнуть), -п- (п-ну-ть) и -с- (у-с-ну-ть, с-ну-л-ый) можно трактовать иначе, как двуфонемные -тн-, -пн-, -сн-, поскольку в словах, где они встречаются, наблюдается наложение морфем, как и в корнях -ма- (об-ма-ну-ть), -тя- (тя-ну-ть) и т.п., где также можно говорить о корнях -ман- и -тян-. В данной работе принята первая интерпретация.

Д в у ф о н е м н ы е к о р н и (которых среди всех периферийных корней, включающих как малофонемные, так и многофонемные морфы, больше всего - около 200) имеют фонемную структуру C V ,

⁸⁾ Сюда же надо отнести "нулевой корень" в глаголе вынуть; вряд ли можно считать, что в имени Шурочка нет корня, или что это слово состоит из трех суффиксов и окончания как это предлагают делать Н.М.Шанский и Л.Н.Тихонов (Шанский, Тихонов, 1981, с.21).

образуя слог, и V C или CC. Есть единственный двусложный двухфонемный корень V V (ау-ка-ть). В письменной форме русского языка двубуквенных корней больше, чем в устной форме речи двухфонемных, за счет начальных гласных е, ё, ю, я, например: -ер-, -ел-, -ем-, -ог-, -юс-, -юн-, -юр-, -ям-, -яр-, -яд-, -яч- и другие. Более половины двухфонемных корней - свободные корни, но они могут считаться таковыми в основном за счет форм текста, а не системы (см. об этом с. 310). В словаре эти корни, как правило, связанные, например: -вш- (вш-ив-ый, но вш-и), -жг- (жг-уч-ий, но жг-у), -лб- (лб-ищ-е, но лб-а), -льв- (льв-енок-ь, но льв-а), -пс- (пс-ов-ий, но пс-а), -рд- (рд-еть, рд-ян-ый), -шв- (шв-ей-н-ый, но шв-а) и т.д. (ср. ид-ущ-ий, но ид-у; уч-и-ть, но уч-у).

Многофонемные корни (от 6 до 9 фонем длиной) составляют ~11% от числа всех корней, но среди них около 8% занимают шестифонемные корни, мало чем отличающиеся от пятифонемных по структуре: большинство из них двусложные, как и пятифонемные, хотя изредка встречаются и трехсложные, типа -атаман-, -буерак-, -ерепен-, -ералаш-, -оборот-, -оборач-, -оболоч- (три последние корни - результат процесса опрощения. Ср. трехсложные корни -океан-, -улюлю- длина которых пять фонем). Наоборот, семи- и восьмифонемные корни (первых - около 120, вторых - более 20) обычно трехсложные. Среди восьмифонемных исключением является корень -крестьян-; среди семифонемных их больше, например, -кастрюл-, -барвинк-, -верблюд-, -галстук-, -громозд-, -дребезж-, -креңдел-, -крахмал-, -сентябр-, -скалдыр-, -скандал-, -сквалыг-, -скрежет-, -скрижал-, -станции()-, -стержен-, -стерляд-, -транзир-, -хворост-, -хлобыст-, -хрустал-, -шкворен-, -шпаргал- и др. всего около 30). В рассмотренном объеме материала корней длиной

девять фонем три (все трехсложные): -селезеноч-, -горностај -
-разгильдяј -).

Особенностью многофонемных корней, содержащих семь-восемь фонем, является их происхождение - подавляющее большинство из них заимствованы (хотя многие и очень давно и успели обрусеть): -ба-
-ман-, -карандаш-, -крокодил , -монастыр-, -противен-, -харак-
-ер-, -штукатур- и т.п. Среди корней большой длины наблюдаются также корни, испытавшие на себе процесс опрощения, например, -арвинок-, -дребедень-, -куропат-, -нетопыр-, -стрепет-, -сыво-
-т- и другие.

Таким образом, по параметру длины в терминах фонем (букв) центру относятся корни, состоящие из $4+1$ фонема (или буква), а периферии - корни в один - два и семь - девять элементов. В связи с этим наблюдением можно констатировать изоморфизм структуры слова, состоящего из морфем, и структуры корня, состоящего из фонем (букв).

Количество корней в объеме рассмотренного материала обратно пропорционально их длине: "укороченных" корней больше (6%), чем "длинных" (3%) (ср. закон Ципфа - Мандельброта, из которого можно вывести связь между длиной и частотой слова. См. Тулдава 1937, с. 116).

Как известно, "границы морфем (и корней, и аффиксов - А.К.) часто разрывают слоги, тогда как границы слов почти всегда совпадают с границей слога" (Скаличка 1935/1967, с.123). В связи с частыми несовпадениями границ корня (и других морфем) и слога граница морфем определяется обычно в терминах и букв (или фонем), а не слогов.

Если основная (центральная) часть русских корней состоит из

дного или двух слогов, то для периферии характерны трехсложные (6%, - см. Уровни языка 1986, с.200) или неслоговые корни (103 корня, что составляет приблизительно 2,3%).

Не все корни, периферийные с точки зрения слоговой структуры, будут периферийны с точки зрения фонемного (буквенного) своего состава и наоборот. Так, периферийные корни в одну - две фонемы (буквы) могут быть центральными в плане слоговой характеристики: это корни типа

VV, V, CV и VC (но не CC или C). Периферийные полифонемные корни иногда бывают двухсложными, что характерно для корней центра -крендел-, -стерляд- и др.).

С другой стороны, периферийные корни, не образующие слога типа C или CC и - реже - CCC) могут быть отнесены к центру, если учитывать количество букв (фонем) в них (их больше встречается в письменном варианте языка): таковы трехбуквенные корни -льг-, -льз-, -льв-, -льн-, -мст-, -мвд-, -стр- (всего - 11 корней) и даже четырехбуквенный неслоговой корень -льст-. Изредка трехсложные периферийные корни имеют в своем составе пять фонем (букв), напр. -океан-, -улюлю-, и, следовательно, будут относиться к центру по параметру фонемной (буквенной) длины корня.

Для коротких корней в одну - две фонемы (буквы) свойственна оморфия.

Среди полифонемных корней преобладают заимствованные корни в случаях опрощения. Забегая вперед, можно указать также, что полифонемные корни никогда не имеют оморфем.

К о р н е в ы е м о р ф е м ы , п е р и ф е р и й н ы е
с т о ч к и з р е н и я с о с т а в л я ю щ и х и х
а л л о м о р ф о в

Со времени разработки дескриптивистами принципов парадигматического отождествления морфем произошли некоторые изменения, уточнения в правилах, условиях сведения алломорфов в морфемы. Так, если раньше суффиксы деятеля типа -чик, -щик, -ник, -тель, -ак, -арь и другие считались синонимичными, то теперь можно встретить утверждение (Оливериус), что это — алломорфы одной морфемы, как, например, и фонетически несходные окончания множ.ч. род.п. существительных мужского рода в русском языке -ов, -ей, -ё (столов, коней, чулок). Такие утверждения свидетельствуют о том, что критерий фонетического сходства при сведении алломорфов в морфемы признается не столь существенным, как критерий семантический⁹⁾ или критерий грамматического значения. Но элиминирование критерия фонетического сходства (или тождества) неминуемо повлечет за собой пересмотр проблемы алломорфов корневых морфем, среди которых легко окажутся алломорфами одной морфемы корни разных глаголов движения, корни прилагательных или существительных одного синонимического ряда... В целях снятия этих противоречий в данной работе фонетический критерий учитывается. Элементы, фонетически несходные (типа суффиксов *nomina agentis* или флексий род.пад. множ.ч. -ов, -ей, -ё или супплетивных корней), всегда

⁹⁾ В свое время Ю.Шевелев пытался, наоборот, отбросить семантический критерий, привлекая лишь критерий фонетического сходства и сопоставляя такие ряды слов, как косинус, колено, колбаса или макрель, форель, качель, картофель и выделяя в них, соответственно, префикс ко- и суффикс -ель.

считаются разными, не сводимыми в одну морфему как ее алломорфы. Однако степень фонетического сходства может быть различной. В частности, не будут рассматриваться как фонетически сходные корни -облач- и -влач-, -обет- и -вет-. Наоборот, корни типа -коло- -дезь-/ -колодец-, -шворень-/ -шкворень-, -ноль-/ -нуль-, -калош-/ -галош-..., находящиеся в отношении свободного варьирования, а не дополнительной дистрибуции, часто квалифицируемые как варианты морфем (а не алломорфы), в данном исследовании включаются в состав алломорфов (ср. Парадигматика 1987, с.29-36). Точно также сопоставляются корни -сад- (садить), -се- (севший), -сиж- (сiju), поскольку учитываются промежуточные стадии, являющиеся связующим звеном для крайних точек ряда, и регулярность чередований. Например, регулярными вокалическими чередованиями являются, с одной стороны, $a \sim o \sim e \sim i \sim \emptyset$ или часть этого ряда: -сад-/ -сед-/ -сид- (ср. -зар-/ -зер-/ -зир-/ -зор-/ -зр-); с другой стороны, возможны консонантные чередования, например, $d \sim j \sim \text{жд}$: -сад-/ -саж-/ -сажд-, -сид-/ -сиж- (ср. -вод-/ -вож-/ -вожд- или -зид-/ -зижд-); кроме того, в русском языке нередко чередуются $d \sim c \sim \emptyset$, как в корнях -сед-/ -сес-/ -се- (ср. -вед-/ -вес-/ -ве- или -крад-/ -крас-/ -кра-) и т.п. В результате оказались членами одного альтернативного ряда 10 фонетически и часто отдаленно семантически сходных разновидностей одного корня, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции: -сад-/ -саж-/ -сажд-/ -се-/ -сед-/ -сёд-/ -сес-/ -сид-/ -сиж-/ -сяд-/. (Здесь и далее алломорфы приводятся в алфавитном порядке. Проблема выбора основного корневого алломорфа, которая могла бы быть решена с помощью критерия частотности, в данном случае сознательно игнорируется. Цифры перед корнем означают, что в инвентаре корней есть и другой или другие корни, омоморфные

данному. Альтернирующие морфы встречаются не только в словарной, но и в текстовой форме).

В свое время Дж.Гринберг (1963) предложил рассматривать соотношение альтернирующих и неальтернирующих морфем как один из главных типологических индексов, используемых при сравнении языков. Но и в пределах одного языка "изменчивость корневой морфемы", по выражению В.Н.Ярцевой (1965, с.112), или её аллоэмичность, вариативность, по словам А.М.Беспаленко (1984) и П.А.Бартоша (1977), полиморфность (Антышев 1979) может служить важным параметром, который целесообразно использовать для обнаружения центральных и периферийных явлений в инвентаре корней русского языка, хотя обычно морфонологическая характеристика морфем является самоцелью, предметом специального рассмотрения на материале разных языков (см.: Оливертус 1970; Чурчанова 1973; Уорт 1971; Клименко 1973, с. 71-74; Поливанова 1976; Бартош 1977; Антышев 1979; Кубрякова, Панкрац 1983; Беспаленко 1984; Касевич 1986 и др.).

Большинство русских корней (почти 60%) являются альтернирующими (ср. данные для близкородственного украинского языка: Клименко 1973, с.71). Алломорфы образуют регулярные, хотя и закрытые, ряды чередований, иногда с пропущенными или утраченными членами в словарной форме корня, восполняемыми, впрочем, диалектными или текстовыми формами (см. глава V).

Для русского корня можно выделить достаточно много альтернативных рядов различного вида - вокалические, консонантные, вокалическо-консонантные (ср. Беспаленко 1984, с.15). Для русского корня наиболее характерна лабильность конечного согласного и гласных и лишь в редких случаях - начального согласного, чередующегося с нулем, как в морфеме -ем/-ём/1.им-/-йм-/-ним/ня/2.ым-/

-1.-я-/-ѡ- (j ~ Н ~ ѡ) или -1.-и-/-ид-/-йд-/-й-/-ыд- (j ~ ѡ), что имеет свое историческое объяснение.

Иногда в ряд алломорфов входят такие, принадлежность которых к данному ряду с современной точки зрения не объяснима и не всегда подтверждается другими параллелями, существующими в языке (например, -п-/-пон-/-пин-/-пн- и -пя- (ср.: мин/мн-и-мя): п-нуть, рас-пин-ать, пн-ешь, пре-пон-а, рас-пя-ть (ср.: с-мин-ать, мн-ешь, мя-ть¹⁰⁾). Однако семантическая близость, с одной стороны, и выражение разных видов глагола, с другой стороны, позволяет и с современной точки зрения считать корни -мя- и -пя- алломорфами морфем, состоящих из рядов алломорфов -п-/-пин-/-пн-/-пон-/-пя- и -мин-/-мн-/-мя-.

Наконец, в числе алломорфов могут быть и усеченные корни, как, например, -ка-, -то-, -тя- в глаголах кануть, тонуть, тянуть; вместо -кап-, -тяг-, -топ-; или: корни -сол-, -пол- в словах солист, ватерполист наряду с -соло-, -поло-. Допустимо и иное, равноэквивалентное решение (по крайней мере, для двух последних корней): можно считать усеченные корни -сол- и -пол- не альтернирующими с полными вариантами -соло- и -поло-, а моноалломорфными; тогда в словах соло и поло выделяется аффиксального типа незначимый элемент -о (ср. точки зрения: Маслов 1968, с.72; Панкрац 1987, с.145 и др.), то есть морфемная граница оказывается передвинутой.

Морфемы, состоящие из 5-10¹¹⁾ алломорфов, - маргинальное явление.

¹⁰⁾ Исторически эти альтернации вполне закономерны: А//ин//он..., то есть *en /in /on...

¹¹⁾ В немецком языке максимальное число альтернационных рядов в морфеме -14, а морфемы, состоящие из двух или трех алломорфов, охватывают 92,43% (80,54% и 11,89% соответственно) (Бартош 1977, с.19)

ление русской морфемике (охватывающее всего 6% от числа всех русских корней). Альтернативные ряды, содержащие пять и более членов, выделены на основе фонологической записи, но приводятся в дальнейшем в графической записи (исключение составляет только скрытый j).

Если в основу альтернирующего ряда положить чередование гласных корней, то оказывается, что среди пяти-десятичленных рядов чисто вокалические ряды - явление чрезвычайно редкое, при этом максимально полный набор альтернантов встречается в тексте и при учете всех частей речи (ср. Уфал 1980, с.221-229, где учитываются чередования гласных с нулем только в глагольных словообразовательных гнездах, но вместе с тем как в словарных, так и в текстовых формах), например: $a \sim e \sim i \sim o \sim \emptyset$: -3.пар-/
-1.пёр-/-пир-/-3.пор-/-пр- (ос-пар-ивать, пер-еть, пёр-ка, за-
пир-ать, за-пор, пр-ать); -2.мар-/-2.мер-/-мёр-/-2.мир-/-1.мор-/
-мр-);
 $e \sim i \sim o \sim \emptyset$: -стел-/-стил-/-стол-/-стл- (стел-ить, рас-стил-ать,
стол, стл-ать);
 $i \sim o \sim \emptyset \sim я$: -п-/-пин-/-пон-/-пи-/-пя- (см. примеры на с.237).

Столь же редко встречаются и чисто консонантные ряды среди морфем, имеющих более пяти алломорфов:

$d \sim ж \sim \emptyset \sim c \sim щ$: -1.па-/-пад-/-паж-/-1.пас-/-пащ- (па-вший,
пад-ать, про-паж-а, про-пас-ть, про-пащ-ий);

$d \sim ж \sim жд \sim ст \sim щ$: -1.вед-/-веж-/-1.вежд-/-вест-/-вещ- (вед-
ать, веж-ливый, не-вежд-а, не-вест-а, вещ-ий).

Большинство альтернирующих алломорфов содержит и вокалические, и консонантные ряды, причем преобладают чередования согласных в исходе корня:

о ~ н ~ р + к ~ ч или г ~ ж : -2.мок-/-3.моч-/-мык-/-2.мыч-/-мк-
(за-мок, за-моч-ек, за-мык-ать, от-мыч-ка, за-мк-нуть); -2.ток-/-
-2.точ-/-тык-/-тыч-/-тк- (у-ток, у-точ-ный, тыкать, -тыч-ок,
тк-ать); -2.лож-/-лыг-/-2.лыж-/-лг-/-лж- (лож-ный, при-лыг-ать,
об-лыж-ный, лг-ать, лж-ивый);

и ~ о ~ р + к ~ ч ~ ц : -ник-/-нич-/-ниц-/-1.ноч-/-нк- (ник-
нуть, нич-ком, ниц, изна-ноч-ный, изна-нк-а);

и ~ о ~ р + з ~ ж : -2.низ-/-1.нож-/-ноз-/-нз-/-нж- (про-низ-ать,
за-ноз-а, во-нз-ить и текстовые формы во-нж-у, за-нож-у).

Изредка согласные могут чередоваться с нулем при наличии
альтернирующего вокалического ряда, как в ряду и ~ ј ~ еј ~ ој ~
~ а :

-ли-/-2.лј -/-леј -/-лој -/-ла- (ли-ть, лей-ка, ль-ющийсЯ, су-
лой, нас-ла-ивать);

-ри-/-1.реј -/-рј -/-рој -/-ра- (ри-нутсЯ, реј-ущий /полет/
рой, рь-яный, от-ра-иватьсЯ);

-пи-/-пј -/-пеј -/-1.пој -/-2.па- (пи-ть, пь-ющий, пей!,
про-пой-ца, с-па-ивать. В последнем примере альтернат -еј харак-
терен только для текстовых форм указанного глагола, где ј может
считаться показателем императива. В целях выравнивания альтерна-
рующих рядов имеет смысл и в данном корне ј приписать корню).

Как видно из приведенных рядов чередований, размер ряда, то
есть количество членов в нем, зависит от качества не только глас-
ного, но и согласного, имеющего или не имеющего в языке регуляр-
ные чередования с другими согласными. Так, согласный р не входит
в грамматические чередования с другими согласными, тогда как за-
дняязычным они свойственны, что нередко увеличивает ряд чередую-
щихся алломорфов. Отсюда: -1.тер-/-тёр-/-тир-/-тор-/-тр- (или

-ир-/-вр-), но: -ник/-ниц/-нич/-нок/-ноч/-нк-

Сложную, и вместе с тем достаточно регулярную картину дают альтернирующие ряды с полногласными и неполногласными сочетаниями, при этом чередование оро/ра и оло/ла встречаются среди полиальтернационных морфем чаще, чем ере/ре, например:

-крат-/-кращ-/-корач-/-корот-/-1.короч-;

-врат-/-вращ-/-воращ-/-1.ворот-/-вороч-;

-1.град-/-гражд-/-гораж-/-город-/-горож-;

-злат-/-злащ-/-золач-/-золот-/-золоч-;

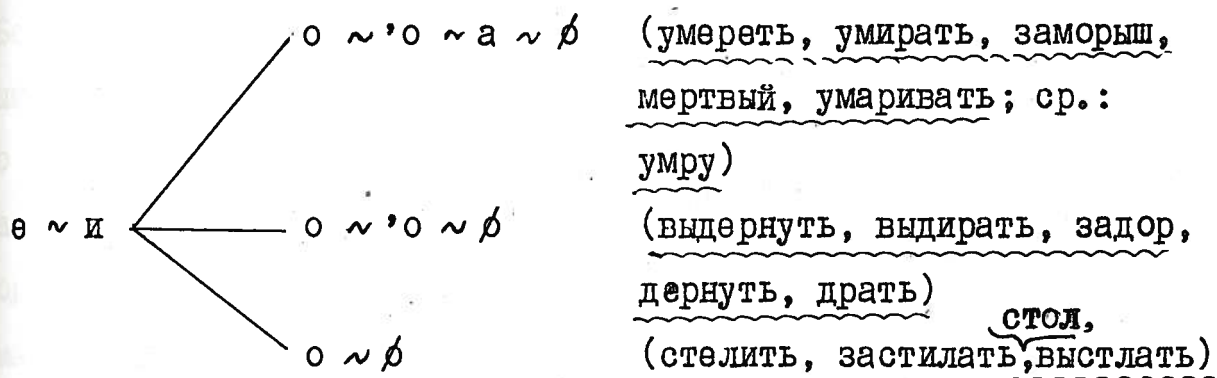
-хлад-/-хлажд-/-холаж-/-холод-/-холож-/-холо-;

-слад-/-слажд-/-солаж-/-солод-/-солощ-/-сласт-/-слащ-;

Ср.: -брег-/-2.бреж-/-1.берег-/-1.береж-/-береч-;

-пред-/-преж-/-прежд-/-перед-/-перез-/-перёд-.

Альтернационные ряды (особенно вокалические) в отдельных случаях можно сгруппировать вокруг какой-либо одной ядерной оппозиции, а затем разворачивать выбранную исходную оппозицию неосуществленным образом, например:

Ср. аналогичную картину для германских языков: Кубрякова, Панаград 1983, с.75.

В современном языкознании сильна тенденция отрицать семантическую значимость чередований (особенно гласных - для русского языка) в корне (А.А.Реформатский, Н.Д.Арутюнова, С.И.Бернштейн

роль

др.). Обычно чередования сводится к дополнительной роли при каких-нибудь других грамматических средствах (например, при аффиксации, ударении). Действительно, в русском языке чередующиеся в корне гласные не позволяют однозначно маркировать ту или иную граммему, более того, в русском глаголе 1) при одной и той же вокалической огласовке корня у слова могут быть различные грамматические значения (например, стелить - застелить. Оба глагола имеют корень -стел-, но виды их - разные); 2) при различных альтернативных вокалических рядах корня грамматические значения глаголов могут быть и одинаковые (так, в паре стелить - застелить оба глагола - несовершенного вида), и 3) разные (глагол умереть - совершенного вида, умирать - несовершенного вида, корень -мер-/мир-). При русском видообразовании существенной является аффиксация, а не альтернирующие вокалические ряды. Однако вокалические чередования в русском корне могут быть интерпретированы как маркеры итеративности - интеративности (кратности - не кратности, однонаправленности - разнонаправленности). По мнению А.М.Беспаленко (1984, с.14), "чем больше степень аллоэмичности в языке, тем больше вероятность того, что чередованиям в корне этого языка можно найти более глубокие соответствия в плане содержания слова, морфемы". В частности, чередования в русском корне содержательно истолковываются А.М.Беспаленко с помощью таких грамматических значений, как одноактность, интенсивность действия, длительная и прерывистая смягчительность действия (т.ж.).

Вопрос о семантической интерпретации чередований корневой морфемы в целом может быть решен на основании альтернатив, характеризующих не только периферийные, но и центральные зоны русской морфонологии, в связи с чем в настоящей работе он более подробно рассматриваться не будет.

Общее количество алломорфов и морфем в русском языке относится в среднем как 2:1¹²⁾, то есть ~4300 морфем можно отождествить в ~2800 морфем, хотя на самом деле распределение алломорфов по морфемам происходит очень неравномерно. Более половины морфем (~1800) состоит из одного алломорфа каждая. Из остальных морфем ~1440 представляют собой совокупность двух (например, -книг-/-книж-), 555 - трех алломорфов (например -гаш-/-гост-/-гощ-). Одно-двух- и трехалломорфная структура морфем характерна для подавляющего большинства русских морфем (88%). Далее наступает резкий перепад: 244 морфемы обладают четырехалломорфной, а около 135 - пятиалломорфной структурой (например: -глат-/-глот-/-глюч-/-глощ- или -злат-/-злащ-/-золач-/-золот-/-золоч-). Приведенные соотношения показывают, что чем больше алломорфов входит в состав одной морфемы, тем меньше существует таких морфем в современном русском языке. Однако постепенно, на периферии, эта закономерность сходит на нет. Так, 10 морфем образуется 6-ью алломорфами (-перед-/-перёд-/-перез-/-пред-/-преж-/-прежд-), 2 - 7-ью (-1.тач-/-тек-/-тёк-/-теч-/-тёч-/-1.ток-/-точ- и -влач-/-влек-/-влёк-/-влеч-/-волак-/-волок-/-волоч-), 8-ью (-слад-/-слажд-/-сласт-/-слажд-/-солаж-/-солод-/-солож-/-солощ- и -лаг-/-2.лег-/-лёт-/-леж-/-лётж-/-2.леч-/-лог-/-1.лож-), 9-ью (-дерг-/-дёрг-/-дёрж-/-дир-/-дор-/-3.дорог-/-др- и -ем-/-ём-/-1.им-/-йм-/-ним-/-ня-/-2.ым-/-1.я-/-р-) и десятью алломорфами каждая (-сад-/-саж-/-сажд-/-се-/-1.сед-/-сёд-/-сес-/-сид-/-1.сиж-/-

¹²⁾ В словаре Уорта (1970) каждое гнездо содержит в среднем три алломорфа корня (Уровни языка 1986, с.144). Расхождение с приведенной пропорцией объяснимо различиями в принципах членения слов, в составе словников и множеством явных ошибок в словаре Д.Уорта и др.

/-сяд- и -3.мер-/ -мерек-/ -мереч-/ -мерк-/ -мерц-/ -морач-/ -морок-/ -мороч-/ -мрак-/ -мрач-). Следует сразу оговорить два следующих момента.

1) На фонетическом уровне количество случаев алломорфного варьирования заметно вырастает. Так, для корня -волок- насчитывается 19 алломорфов при учете "параметра фонетической организации экспонентов морфемы" (Уровни языка 1986, с.144). Правда, в словаре Д.Уорта и др. (Уорт 1970, с.98-99) в качестве алломорфов корневой морфемы -волок- неоправданно фигурируют корни -лак-/ -лач-/ -лек-/ -лѣк-/ -леч-/ -олоч- вместо -облак-/ -облач-/ -облек-/ -облеч-/ -оболоч-, в которых произошло опрощение.

2) В тексте, по сравнению со словарными формами, также количество альтернирующих морфов может увеличиваться. Например, к восьмиалломорфной морфеме -лаг-, реализуемой в словарных формах слов, может быть добавлен девятый алломорф -ляг-, встречающийся в форме повелительного наклонения (и даже -ляж- в просторечии). В соотношении текстовой реализации морфа с его словарным видом подробнее будет сказано в главе У (ср.: Уровни языка 1986, с. 139-150).

Все сказанное можно подытожить схемой 3 (большие числа округлены), в которой вертикальными чертами отделены друг от друга центр (слева), переходная область (в середине) и периферия (справа). Видно, что по мере появления в языке новых слов или утраты старых отмеченные пропорции могут изменяться как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения и периферии, и центра.

Сопоставление корней с точки зрения их длины и количества альтернантов позволяет сделать наблюдения относительно их сравнительно слабой, но в отдельных случаях вполне четкой закоррелиро-

корневых морффов
(алломорффов)

1800 (~ 42%)	1440 (~ 33%)	555 (~ 13%)	244 (~ 6%)	135	66	14	16	27	10	244
1800	720	185	61	27	11	2	2	3	1	
морфем, состоя- щих из 1 алло- морфа каждая	морфем, состоя- щих из 2 алло- морфов каждая	морфем, состоя- щих из 3 алло- морфов каждая	морфем, состоя- щих из 4 алло- морфов каждая	морфем, состоя- щих из 5 алло- морфов каждая	морфем, состоя- щих из 6 алло- морфов каждая	морфем, состоя- щих из 7 алло- морфов каждая	морфем, состоя- щих из 8 ал- ломорфов каждая	морфем, состоя- щих из 9 алло- морфов каждая	морфе- мы, со- стоящие из 10 ал- ломорфов каждая	

~ 2800
морфем

ванности. Наиболее вариативны, то есть обладают четырьмя, пятью и более алломорфами, корни центра (трех-пятибуквенные, чаще односложные) или двухбуквенные корни (обычно тоже односложные) из периферийной зоны. Наоборот, более длинные корни, периферийные с точки зрения количества слогов и букв, относятся по признаку количества алломорфов корня к центру, иными словами, имеют малую вариативность или вообще одноалломорфны (-горноста́й-, -разги́ль-
да́й-, -балага́н-, -церемо́н-, -тарака́н-/-тарака́ш-, -чечеви́ц-/-че-
чечи́ч- и т.п.).

Безотносительно к понятиям центр и периферия по параметру длины корня и корневой вариативности можно установить следующую зависимость: чем длиннее корень, тем меньше алломорфов в корневой морфеме; чем короче корень (но не меньше двух элементов), тем больше алломорфов в корне.

Наконец, можно поставить интересный вопрос о том, существует ли взаимозависимость между количеством алломорфов корневой морфемы и словообразовательной валентностью алломорфов. Средний размер гнезда каждого корня (алломорфа) составляет приблизительно 13 слов (57 тыс.:4500).

Максимально продуктивные корни, составляющие приблизительно 8,5% (228 корней от 2700, подвергнутых анализу), образуют от 370 до 50 слов каждый (цифры округлены), давая в общей сложности около 20 тыс. слов. Среди этих корней только 33 корня, то есть 1,2% от общего числа корней или около 14% от числа наиболее продуктивных корней, входящих в периферийные ряды альтернирующих алломорфов, обладают большой продуктивностью, участвуя в образовании от 180 до 50 слов каждый (Словарь морфем 1986, с. 1122), причем в семи случаях высокая продуктивность отмечается сразу у двух или

трех алломорфов корня. Например, в семиалломорфном ряду -1. тач-/-тек-/-тёк-/-теч-/-тёч-/-1. ток-/-1. точ- гнездо с корнем -1. точ- включает 80, а с корнем -1. тач- 60 слов; в ряду альтернирующих корней -сад-/-саж-/-сажд-/-1. сед-/-сёд-/-сес-/-сид-/-1. сиж-/-сяц-/-се- гнездо с корнем -сад- содержит 110, с корнем -саж- 60, с корнем -1. сед- - 70 слов. Однако чаще в периферийных рядах альтернирующих корней, имеющих в своем составе от пяти до 10 алломорфов, высокая продуктивность отмечается только у одного алломорфа, как, например, в рядах -1. тер-/-тёр-/-тир-/-тор-/-2 тр- или -жг-/-жеч-/-жж-/-жиг-/-жог-, где гнездо корня -тир- включает около 110, а гнездо корня -жиг- около 60 производных слов.

Амплитуда колебаний "корневой силы" (Богданов 1987, с.20, 25) у корней одного ряда бывает очень велика. Так, с корнем -2. тр- в Словаре морфем (1986) фиксируется только одно слово (трение), с корнем -тор- - 27, а с корнем -тир-, как уже говорилось, - 110; корень -жг- встречается в двух словах, -жж- - в восьми, -жог- - в девяти, а -жиг- - в 60 и т.д.

Предположение Е.А.Земской (Земская 1987, с.67) о том, что в одну морфему не могут объединяться морфы активные и пассивные (правда, речь идет об аффиксах, а не о корневых морфах), неправомерно, по крайней мере, в отношении корней: в корневых морфемах, периферийных с точки зрения количества альтернирующих вариантов, нет рядов с одинаковыми у всех алломорфов гнездами; в "корневой силе" алломорфов существует большой перепад. Обычно продуктивными оказываются один-два алломорфа, у остальных алломорфов "корневая сила" незначительна или даже минимальна.

О м о м о р ф и я к о р н е й

В общем запасе анализируемых русских корней отмечено 450

случаев оморфнии, охватывающих более 1020 корней, то есть ~ 23% всего инвентаря русских корней. Такое количество корней вряд ли можно считать составляющими периферийную группу корней русского языка, но с точки зрения совпадающих оморфных единиц они относятся, безусловно, к периферийным явлениям, образуя немного более 10% совпадений (из них ~ 8% приходится на корневую оморфию - оморфию внутри класса корней).

Подавляющее большинство корней из числа оморфных имеет по одному оморфному корню (а именно: 371 случай, то есть 742 корня), например: -1.дн-(дно) и -2.дн-(дневной); -1.дорог-(дорога) и -2.дорог-(дороговизна); -1.лад-(ладья) и -2.лад-(ладить); -1.луп-(лука) и -2.луп-(лупить); -1.черт-(чертенок) и -2.черт-(чертить) и т.д. Чем больше корней совпадает в одной форме, тем меньше таких случаев. Так, совпадений по три наблюдается 65 случаев, по четыре - 15, по пяти - четыре и по шести - один:

-1.кол-(колесо), -2.кол-(колоть), -3.кол-(сколько); -1.рж-(ржавый), -2.рж-(ржать), -3.рж-(ржаной); -1.суч-(сучок), -2.суч-(сучка), -3.суч-(сучить); -1.ух-(ухо), -2.ух-(уха), -3.ух-(безуханный, благоухание) -4.ух-(ухнуть); -1.кос-(косичка), -2.кос-(косника), -3.кос-(коснуться), -4.кос-(выкос); -1.па-(паяк), -2.па-(пайка), -3.па-(выпаивать молоком), -4.па-(паять) -5.па-(впаять); -1.пар-(пара), -2.пар-(парить), -3.пар-(пар), -4.пар-(вспаривать) -5.пар-(парень), -6.пар-(оспаривать); -1.пол-(поле), -2.пол-(полоть), -3.пол-(полный), -4.пол-(половица), -5.пол-(половина). При учете поздних заимствований количество омонимичных корней (обычно связанных) возрастет. Так, возможны -6.пол-(полос, полярный); -7.пол-(ватерполист) и т.д.

Возможна оморфия как свободных корней (-1.ключ- и 2.ключ-,

-1.пост- и -2.пост-, -1.кос- и -3.кос-), часто соответствующая лексической омонимии, так и оморфизм свободного и связанного корня (-1.мин- — мина и -2.мин- — вспоминать, -1.мощ- — мощь и 2.-мощ- — вымощенный, -1.клин- — клин и -2.клин- — заклинать, -1.жир- — жир и 2.жир- — пожирать и т.п.) или двух связанных (-1.лѣг- — легкое, -2.лѣг- — полегший. В тексте встречается также свободное употребление корня -2.лѣг- — лѣг; -1.лин- — линия и -2.лин- — линька; линять. Ср. -3.лин- — линь "рыба" и -4.лин- — линь (морск.) "трос"; -1.пес- — песок и -2.пес- — песцовый; -1.руч- — ручка и -2.руч- — ручей).

Оморфизм наблюдается у корней исконных (-1.тл- — тля, -2.тл- — дотла; -1.сорок- — сорока, -2.сорок- — сорок, -3.сорок- — сорока "женский головной убор"; -1.сал- — сало, -2.сал- — подсаживать "делать соленым" и др.) и исконных и заимствованных (-1.луп- — лупа из фр. *loupe* и -2.луп- — лупить, лупка; -1.душ- — душа, -2.душ- — душ из фр. *douche*; -1.пост- — поститься, -2.пост- — пост (сторожевой) из фр. *poste*; -1.сан- — санки; -2.сан- — сановник, возможно, из турск.; -1.брош- — брошенный, -2.брош- — брошь из нем. *Brosche* или из французского *broche*. Ср. -1.граф- — графа из греч. *γραφ* и -2.граф- — граф из нем. *Graf* и т.п.).

Интересно, что в пределах группы оморфизмических корней с точки зрения других признаков корни не являются периферийными. Так, на 150 случаев оморфизма приходится только около 40 (~9%) случаев корней, обладающих периферийной длиной в одну или две фонемы из них со структурой СС или С — 9 случаев, то есть 2%, а прочие — со структурой СV или VС); остальные корни обладают средней длиной, характерной для "центра", — от 3 до 5 фонем. Точнее, большинство анализируемых корней имеет длину три-четыре фонемы.

Пятифонемных корней - около 40 случаев, из них 30 - двусложные; два оморфных корня (-1.2.мартыш- и -1.2.страст-) имеют длину в шесть букв. Этот факт подтверждает лишний раз положение о том, что нет четко очерченных периферийных областей, а есть пересекающиеся по каким-либо признакам периферийные явления, которые можно условно назвать "периферийными признаковыми пространствами".

Оморфия на графемном уровне наблюдается не только между корнями (по терминологии Н.Ф.Клименко, внутренняя омонимия. См.: Клименко 1973, с.166), но и между корнем и аффиксами (внешняя омонимия. Клименко 1973, с.166). Около 120 корней (из них ~10 - иностранных, типа -ре-, -як-, -ом- и т.п. свободных корней; их количество может быть увеличено за счет связанных иноязычных корней, как, например, -мут-, -кур-, -сан- и др. См. Юшманов 1968) оморфны префиксам, суффиксам и(или) окончаниям (обычно в тексте). Следует сразу сделать оговорку, что омонимия внутри класса окончаний, широко представленная в тексте, в настоящей работе не рассматривается; обычно из целого ряда омонимичных окончаний (см. Калугина 1965) приводится один-два примера. Так, -у- - корень (обуть), префикс (убежать), суффикс (внизу) и окончания (например, несущ); -и- - корень (найти), суффикс (и₁-сзади, и₂-носить, и₃-армия), окончание (само представляющее пучок омонимичных флексий: им.п. множ.ч. - руки, род.п.ед.ч. - руки, 2 л. ед.ч. повел.накл. - неси; множ.ч. глагола прош.вр. - если). Могут быть случаи оморфии между корнем и иностранным префиксом: -ин- - корень (иннок), ин- приставка (интурист, инволюция) и -ин суффиксы (с одной стороны, у существительных-иностранных происхождения: соломит или наймит, бандит; с другой стороны, - исконно русский у прилагательных - гусиный).

Из 120 корней, оморфных аффиксам, треть оморфна другим корням помимо аффиксов (или иначе: из 450 случаев анализированной ранее корневой оморфии 8,8% корней оморфны еще и аффиксам, чаще суффиксам, например: -1.им- (имя); -2.им- (иметь) и суффиксы -1.им- (побратим), -2.им- (невидимка); корни -1.ор- (разо- раться), -2.ор- (оратай) и суффиксы 1.ор- (танцор), 2.ор- (детво- ра) и т.д.).

Наиболее характерные случаи совпадений по форме корней с аф- фиксами (в том числе с флексиями в тексте, взятыми в скобку, для которых омонимия не указывается) на материале письменной речи представлены в таблице 12, куда добавлены иноязычные аффиксы и оморфные им русские корни.

Из данной таблицы видно, что около 140 корней оморфемны 40 префиксам (из них около 20 иностранного происхождения); более чем 100 суффиксам (часть из которых имеет собственную омонимию, например, суффикс -ист₁ и -ист₂ (суффикс существительных иностран- ного происхождения и суффикс прилагательных русского происхожде- ния, значения которых также различны) и ~20 окончаниям, большин- ство из которых представляют собой текстовые формы (некоторые при этом оморфны другим флексиям, что в таблице не отмечено: е - окончание им., дат., предл.п.п. ед.ч. слов разных типов скло- нения и т.д.). Если рассматривать оморфию корней в целом, о чем свидетельствует таблица 10 (то есть принимать во внимание не 450, а около 600 случаев, охватывающих как чисто внутрикорне- вую, так и аффиксально-корневую оморфию), то это будет явление, уже выходящее за рамки периферии (по установленному количествен- ному признаку в 10%), или, по крайней мере, находящееся на гра- нице центра-периферии, в переходной зоне. Бесспорно периферийной

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончания	Примеры
а	а	1.2.3.а	а	аканье; аномальный; справа, ку- сать, удваивать; нога
аг	аг	аг		ага (сущ.); агглютинант; мочага
ад	ад	1.2.ад		ад; адгерентный; площадка, лимо- над
ал	ал	ал		алый; аллюзия; театрал, рыбака
ах		ах	(ах)	ахать; влопыхах; (в)кустах
бан		бан		банный; чурбан
бач		бач		бачок; чурбачок
бес	бес			бесовский; беспорядок
1.2.3.во(j)	во			1.воин; 2.привой; 3.вой; вообратъ
воз	воз			возчик; воззвание
вс	вс			всякий; вскормить
1.2.3.вы(j)	вы			1.вы; 2.выкать; 3.выя; вынести
г		г		гнуть; четверг
де	де	де		одесть; деклассированный; инде
1.2.до	до			1.до (нога), 2.дойть; дослушать

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончания	Примеры
1.2.е		1.2.е	е	1.еканье; 2.отъевшийся; внове, видеть; горе
ед		ед		еда; праведник
еж		еж		ежиха; мятеж, падеж
ёж		ёж		еж; молодежный
ёк		ёк		ёкать; далекий
ел		ел		ель; тяжелеть
ёл		ёл		елка, тяжелый
ем		1.2.ем	(ем)	приемлемый; услеваемость, запоем; (в) синем (море)
ём		ём	(ём)	объем; вдвоем; (в) моем (доме)
ер		1.2.ер		паерок; мастер, шестеро
ёр		1.2.ёр		ерничать; шестерка, стажер
1.2.ес		ес		1.есть(кушать); 2.естество; чудес- ный
жд		жд		ждать; надежда

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончания	Примеры
за(j)	за			заяц; забегать
1.2.и		1.2.3.и	(и)	1.найтие, 2.йкать; вблизи; молить, армия; влаги
ив		ив		ива; червивый
иг		иг		игро; сверби́га
ик		ик		икота; старик
ил	ил	ил		ил; иллюзия; зубило
1.2.им		1.2.им	(им)	1.им(имя); 2.им (иметь); по́братим, 1 невидимка; (с) больш́им (чувством)
1.2.ин	ин	1.2.ин		1.иначе, 2.иней; инфе́кс; старина, гуси́ный
ист		1.2.ист		(вехи́ст, неистовый; заливи́стый
иш		иш		ишь; мякиш
ищ		ищ		ищейка; дури́ща
1.2.ка		ка		1.кану́ть, 2.каяться; мяука́ть
1.2.3.кол	кол			1.коло́ть, 2.околыш, 3.отколе; кол- ли́зия
ком	ком			комок; компози́ция

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончания	Примеры
1.2.кон	кон			1.конский, 2.испокон(века); кон-версия
1.3.кор	кор			1.корка, 2.укор, 3.прикорнуть; коррекция
1.2.ку	ку			1.кузнец, 2.окунуть; кумекать
лан		лан		ланка; мужлан
1.2.лен		лен		1.лентяй, 2.ленок; спаленка
ли		ли		лить; ужли
1.2.3.лин		лин		1.линъ, 2.линейка, 3.линять; павлин
лиц		лиц		лицо; виселица
лич		лич		личико; виселичный
льн		льн		льняной; купальный
1.2.3.4.ма		ма		1.май, 2.помавать, 3.умаяться; 4.обмануть; весьма
1.2.ман		ман		1.манить, 2.манка; флагман
1.2.мен		1.2.мөн		1.мена, 2.менее; сухмень, бармен

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончания	Примеры
1.2.ми		ми		1.минуть; 2.ми(нога); вельми
1.2.мя		мя		1.мять, 2.вспоминать; ливня
не	не			некать; невидаль
нищ		нищ		нищ; возница
нич		нич		ничком; скариничий
нов		нов		новый; обноваться
ну		ну		понукаль; прыгнуть
о	о	1.2.о	о	оканье; обезать; засветло, колоть
об	1.2.об	об		окно
				ободный; обсерватория, область;
				злоба
овин		овин		овин; половина
ой		1.2.ой	ой	ойкать; украдкой, двойка; большой
ок	ок	ок		окно; окклюзия; бычок
ом		1.2.ом	(ом)	ом; задом; искомый; (в) большом
				(доме)
он		1.2.он		оний; волоконный, дьякон

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончания	Примеры
1.2.ор		1.2.ор		1.разораться, 2.оратай; танцор, детвора
ост		ост		ость; злость
ох		ох		охать; выпивоха
оч		1.2.оч		очки; высочайший, светоч
1.2.3.4.5.па(j)	па			1.паек, 2.паинька, 3.выпаивать,
				4.паять, 5.впалый; пасынок
1.2.3.по(j)	по			1.поить, 2.припой, 3.поющий; подруга
1.2.под	под			1.подовый, 2.исподний; подборе- зок
пре	1.2.пре			преть; прекрасный, препозиция
пред	пред			предок; предвидеть
рав		рав		равный; дубрава
1.2.раа	раз			1.разовый, 2.разный; разломать
рас	рас			отрасль; растерзать
ре	ре			ре(название ноты); ремиссия
1.2.ров		ров		1.ров, 2.ровный; дуброва

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончание	Примеры
1.2.роз	роз			1.розовый, 2.рознъ; розвальни
1.2.рос	рос			1.роса, 2.рослый; россыпь
с	с	с	(/с/)	уснуть; сбросить; крикса; бросила/[с/]
се	се			сев; сегрегация
сел		сел		село; песельник
1.2.3.сен		сен		1.сено, 2.сени, 3.осенить; песенка
1.2.сил	сил			1.сила, 2.силок; силлогизм
син	син			синий; синхрония
сн		сн		сниться; песня
со(j)	со			соя; созыв
ста		ста		стать; пожалуйста
су	1.2.су			сунуть; сукровица, супрефект
1.2.суп	оуп			1.суп, 2.насушить; пресуппози- ция
т		т	(т)	потомок; дата; даст
1.2.тай		тай		1.тайна, 2.таять; глашатай

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончание	Примеры
1.2.тел		тел		1.теленок, 2.тело; учитель
тк		тк		ткать, верстатка
то		то		тонуть; ничто
1.2.тур		тур		1.вытурить, 2.тур; пехтура
тух		тух		тухлый; пастух
1.2.3.туш		туш		1.туша, 2.тушить, 3.туш; пастушок
тыр		тыр		стырить; пастыр
тя		тя		тянуть; слюняистый
1.2.у	у	1.2.у	(у)	1.разуть, 2.укать; убрать; снизу, рисующий; бегу
1.2.3.4.уж		уж		1.уж, 2.уженье, 3.ужели, 4.суживать; кольчужный
1.2.уз		уз		1.узы, 2.узенький; заскорузлый
1.2.ул		ул		1.улей, 2.улица; грязнуля
ус		ус		усики; бабуса
ут		ут	(ут)	утятница; пресловутый; будут

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончание	Примеры
1.2.3.4.ух		1.2.ух	(ух)	1.ухо, 2.уха, 3.безуханный, 4.ухнуть; свинуха, двухэтажный; (в) двух (домах) учить; текучка 1.ушко, 2.ушица; вруша, свину- шка наущать; будущий 1.никчемный, 2. очнуться, 3.перечень, 4.подначивать; отдача чивикать; настойчивый чикаться; стаканчик 1.чинить, 2.почин; мужчина прошлый; женишок; (ш)лю; да/ш/ нишкнуть; хрюшка
уч		уч		
1.2.уш		уш		
		уш		
уш		уш		
1.2.3.4.ч		ч		
		чив		
		чик		
1.2.чин		чин		
ш		ш	(ш)	
шк		шк		

Корни	Префиксы	Суффиксы	Окончание	Примеры
щ		щ		щи; подлежащее
1.2.ым		ым	(ым)	1.возьметь; 2.безымянный; давным-давно, (под) старым (дубом)
юг		юг		юг; подлога
юж		юж		южный; держка
юл		юл		юлить; чистюля
юн		юн		юный; пригорюниться
юш				юшка; свиношка
1.2.3.я		1.2.я	я	1.взять, 2.яства, 3.яканье; менять, походя; земля
яв		яв		явка; чернявый
яг		яг		яга; бродяга
яд		яд		яд; пестрядина
як		як		як; двоякий
1.2.яр		яр		1.ярость, 2.яровой; школяр
ят		ят		ять; кипятить; утятинка
яч		яч		ячень; пустячный

является внутрикорневая оморфия и - отдельно - аффиксально -
корневая, частично пересекающаяся с внутрикорневой оморфией.
Следует оговорить также, что на уровне устной речи (на материале
устного варианта языка) количество оморфем уменьшается за счет
того, что в корнях типа -ел-, -юг-, -яд-, в отличие от суффиксов
-ел, -юг, -яд, есть j (такие случаи составляют чуть менее 20%
от ~140 корней, представленных в таблице 12).

Рассмотрение корней, оморфных аффиксам, с точки зрения
других параметров позволяет установить следующие закономерные
корреляции: оморфные корни по параметру длины могут быть только
периферийными короткими или средней длины, относящимися к центру,
но никогда не бывают многобуквенными/полифонемными. Преобладают
периферийные корни в одну-две буквы. С точки зрения длины в тер-
минах слогов почти все корни, оморфные аффиксам, относятся к
центру и только 2% имеют неслоговую структуру типа С или СС.

Исследование корневого запаса русского языка с разных точек
зрения позволяет утверждать, что нет (и не может быть) четко
очерченной области периферии, противопоставляемой центру. Можно
выделить n -ое количество признаков и классифицировать по ним
морфемы. Большинство морфем будет концентрироваться вокруг опре-
деленной качественно-количественной характеристики признака, а у
меньшинства (которое и составит периферийное пространство по дан-
ному признаку) будет наблюдаться сдвиг в сторону увеличения или
уменьшения количественной характеристики морфем по данному призна-
ку или в сторону нечеткой выраженности качественной характери-
стики признака. При этом один и тот же корень по одному или одним
признакам окажется периферийным, по другому (или другим) - цен-
тральным, по третьему (третьим) должен быть отнесен к переходным

явлениям. Каждая морфема, следовательно, представляет собой пучок признаков, сближающих ее с одними морфемами или отличающих ее от других морфем. Нет периферийных морфем как таковых, но есть морфемы, периферийные с точки зрения какого-либо признака, нередко сосуществующего в этих же морфемах с основными, центральными. В результате возникает однопризнаковое периферийное сходство различных морфем, которые и можно чисто условно объединить в периферийную группу на основании конкретного признака. Точнее, следует говорить о периферийных явлениях в инвентаре морфем, явлениях, заключающихся в отклонениях от среднестатистических данных.

Например, корень -вод- с точки зрения наличия или отсутствия у морфем омонимичных форм, с точки зрения количества алломорфов, входящих в одну морфему, может быть отнесен в ряд периферийных корней, а с точки зрения длины или свободного употребления - в группу центральных морфем. Корни, периферийные с точки зрения их длины (-хрустал-, -хворост-, -скандал-, -жаворонок-, -вш-, -лж-) не будут таковыми ни с точки зрения количества алломорфов в составе морфемы, ни с точки зрения способности вступать в омонимичные отношения с другими корнями или образовывать только одну часть речи, ни с точки зрения свободного употребления их и т.д.

Таким образом, выбор каждый раз нового признака при анализе морфемного запаса языка или морфной структуры слова показывает, как в калейдоскопе, все новые возможные соотношения морфем друг с другом, позволяет обосновывать некоторые закономерности соединения морфем в языке (например, взаимосвязь длины и глубины морфем в пределах слова, средняя длина которого в терминах фонем равна 12 ± 1 , длины морфемы и явления оморфнии или вариативности морфемы).

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АФФИКСАЛЬНОМ ЗАПАСЕ ЯЗЫКА

Инвентарь префиксально-суффиксальных аффиксов русского языка включает около 650 единиц, которые можно охарактеризовать разными параметрами. К их числу Е.А. Земская относит 1) способность / неспособность производить новообразования (иначе – активность / пассивность морфемы); 2) количество создаваемых новообразований, которое может изменяться по шкале единичные – множественные; 3) способность сочетаться с ограниченным / широким кругом основ; 4) способность сочетаться с основами одной / различных частей речи; 5) способность производить слова одной / различных частей речи, что свойственно, по мнению автора статьи, лишь приставкам (Земская 1987, с. 72); 6) действие в одной / различных сферах языка; 7) отнесенность новообразований к узуальной / незузуальной лексике (Земская 1987, с. 66).

Перечисленные "кардинальные свойства морфем" характеризуют морфему лишь с функциональной точки зрения, в основном, – в плане словообразования.

При морфемном анализе подавляющее большинство морфем может быть охарактеризовано следующими лингвистическими факторами, часть из которых пересекается со словообразовательными:

- префиксы и суффиксы, обладая определенными деривационными значениями, участвуют в образовании новых слов, то есть являются формантами;
- средняя продуктивность деривационных аффиксов – около 90 слов, образованных с помощью каждого из них;
- средняя длина русских префикса и суффикса 3 ± 1 фонемы (или буквы), а количество слогов – один;

аффиксы основы в целом избегают омографии;

значительное число аффиксов основы обладает большой частотностью; так, аффиксы даже первых 69 рангов дают покрытие любого нового русского текста приблизительно на 88% (Кузнецова, Лавренова 1975);

для 75% наиболее частотных суффиксов и 93% самых частотных префиксов наблюдается большая согласованность между продуктивностью и употребительностью морфов (Кузнецова, Лавренова 1975);

Вместе с тем в инвентаре аффиксов есть морфы, обладающие указанными чертами, но отклоняющиеся от среднестатистических цифр. Они составят периферийные группы префиксов и суффиксов, объединенные тем или иным признаком (одним или несколькими, но никогда не всеми сразу). В настоящем разделе будет дано описание некоторых периферийных явлений в аффиксальном инвентаре русского языка.

А ф ф и к с ы, п е р и ф е р и й н ы е с т о ч к и
з р е н и я и х д л и н ы в т е р м и н а х ф о н е м
(б у к в) и с л о г о в

По признаку длины, исчисляемой в фонемах или буквах, основная масса префиксов относится к двух- или трехфонемным (буквенным) морфемам, как и большинство суффиксов (те же результаты см.: Страхова 1986, с.172).

Зная среднюю длину (в том числе, и в терминах графем) русских морфем при учете также средней длины окончания (для префиксов и суффиксов - 3 ± 1 буква, для корня 4 ± 1 . Ср. Андреев 1967, с.247 - 250), а также глубину словарного слова, можно вычислить среднюю длину русского слова, о чем ведутся частые споры, новым путем.

По данным "Частотного словаря русского языка" уменьшение сред-

той длины слова в тексте происходит (по сравнению со средней длиной слова в словаре), "за счет первой тысячи самых частых слов, включающей те одно-, двух-, трехбуквенные лексемы, которые влияют на среднюю длину слова в тексте, ... в словаре чаще встречаются слова длиной в 8-9 букв, а в тексте - длиной в 1 и 6 букв. Вообще распределение длин слов в словаре и тексте сближаются, начиная с длины в 9 букв. Если снять влияние первой тысячи самых частых слов, то можно наблюдать, что распределение длин слов в словаре и тексте близки друг другу" (Засорина 1977, с.933). Аналогичные данные можно найти в работе Т.В.Корсаковой, И.И.Меньшикова, В.И.Мордань и В.И.Ткачук, где средняя длина русского словарного слова определяется в 10 букв (Корсакова, Меньшиков, Мордань, Ткачук 1976, с.82). Близкие результаты (средняя длина русского слова в словаре - 10-13 букв) были получены автором в настоящей работе путем соотнесения средней глубины слова и средней длины морфем в русском языке.

Подавляющее количество аффиксов обоих видов, то есть префиксов и суффиксов (66% и 68% соответственно), содержит один слог.

Однофонемных/однобуквенных префиксов, составляющих периферию, - шесть, включая не только приставки, участвующие в образовании новых слов, но и приставочные элементы, часто называемые морфемами, вычленяемые в составе слова: о-, у-, з-(по-з-волить), к-наружи), в-, с-. На материале устной формы русской речи в отличие от письменной это будут префиксы в- и въ-, с- и съ-. (Ср. стоящийся предкорневой элемент н-(раз-н-уздать), а в слове арта- после выделения корня -рт-). С другой стороны, префиксов всего пять букв (но не всегда фонем!) - всего четыре (предъ, пре-, через- и черес-). Четырехбуквенные префиксы отнесенные к центру,

на самом деле составят переходную область (9 морфем на уровне устной и 13 на уровне письменной речи), типа возо-, пере-, пред-, през- и т.п. (ср. безъ-, надъ-, подъ-, разъ-). С точки зрения слоговой структуры к периферии необходимо отнести префиксы, не образующие слога (вз-, вс-), в отличие от двуфонемных односложных.

Периферийная область с у ф ф и к с о в по параметру длины в терминах букв или фонем включает 7% морфем, состоящих из одной фонемы как слогообразующей, так и консонантной: а, б, в, г, д, ж, з, л, к, м, н, о, р, с, т, у, х, ц, ч, ш, щ, (ср. помимо перечисленных однобуквенные суффиксы: я, ю, е, е, ы). По признаку односложности вокалические суффиксы попадут одновременно в центр, а консонантные, не образующие слога, по обоим признакам будут периферийными. К группе периферийных суффиксов принадлежат также пяти- и шестифонемные (буквенные) морфемы, обычно представляющие собой слившиеся в один два суффикса (морфемные блоки), например: -ехонек, -ехоньк, -изаци, -изиров, -ешенек, -ешеньк, -ошеньк, -тельств, -тельск, -овщик, -овщин, -овств, -овник, -овнич, -ственн, -ическ, -ичеств, -ительн, -ствов, -чонок, -честв, -ятник (также около 7% от всех суффиксов). Четырехфонемные суффиксы образуют зону, переходную от периферии к центру языка, в количественном отношении находящиеся ближе к центру, чем к периферии.

Многосложных суффиксов (по три слога) всего четыре (все перечислены выше); двусложные составляют переходную группу в языке.

О м о м о р ф и я а ф ф и к с о в

В разделе "Омоморфия корней" отмечались случаи омоморфии корней и аффиксов. В настоящем разделе речь пойдет о совпадениях в плане выражения (отдельно учитывается уровень фонемный и уровень письменной формы речи) при различиях в плане содержания только сре-

аффиксов основы, иными словами, будет говориться об оморфности префиксов и суффиксов, а также об омонимичных отношениях внутри каждого из этих видов аффиксов.

В таблице 12, отражающей случаи, с одной стороны, внутрикорневой, с другой стороны, межкорневой и аффиксальной оморфности и включающей не только русские, но и иностранные аффиксы, указываются также и оморфные префиксы и суффиксы.

Если в отношении оморфности с корнями находится более трети префиксов, то по отношению к суффиксам оморфными оказываются только 15% префиксов, из них треть — префиксы, вычленимые в составе слова, а не образующие новые слова. Оморфные префиксы и суффиксы (за вычетом тех, которые были оморфны с корнями, см. таблица 12), приводятся с образцами примеров в таблице 13.

Таблица 13

Префиксы	Суффиксы	Примеры
в	в	входить, залив
з	з	позволить, боязливый
к	к	книзу; трубка, порка
н	н	разнуздать; сонный
ни	ни	никчемный, купание (для устного варианта русской речи здесь оморфности нет: купани/[j]/е).
от	от	отпугнуть; доброта

Среди префиксов встречается небольшое количество оморфных префиксов исконно русских и заимствованных, например: ко₁- (колупать, закоулок) и ко₂- (кооперация, координация); про₁- (пробежать) и про₂- (проформа, прогноз) (см. также таблицу

где отмечены аналогичные случаи для префиксов об₁- и об₂-, пре₁- и пре₂-, су₁- и су₂-).

Проблема суффиксальной оморфии стоит особенно остро. В связи с этой тематикой обсуждаются различные вопросы. Так, например, И.И.Васильев (1962, с.51-52) говорит о путях возникновения оморфемных суффиксов. Намечается четыре основных пути: 1) присоединение суффиксов к различным семантическим группам основ, 2) "пересмысление значений суффиксов вследствие нарушения первоначального соотношения между составляющими слово морфемами", 3) заимствование нового суффикса, совпадающего по звучанию с бытующим в языке, и 4) переразложение суффиксов, в результате которого возникают нередко варианты формы суффиксов (ту же точку зрения высказывал в свое время Г.О.Винокур (1946, с.429)).

В некоторых работах дискутируется вопрос о критериях отнесения суффикса к омонимичному или полисемантическому, в частности, предлагаются критерии различных значений и разных словообразовательных связей (Шанский 1952, с.97; Васильев 1962, с.50, ср.: Клименко 1973, с.166); из названных критериев первый понимается в большей или меньшей мере субъективно. Так, например, бесконечные споры ведутся относительно приведенного в таблице 13 суффикса -к; одни лингвисты считают его полисемантическим (как это представлено и в данной таблице; ср. также Лемов 1973), другие - омонимичным (Виноградов 1975, с.24; Тихонов 1971, с.90; Шанский 1959, с.97 и др.). Иногда речь идет о полисемии слова при словообразовательной омонимии: 1) "предмет со значением уменьшительности от существительного пила", 2) "процесс" (от глагола пилить) (Соболева 1980).

В данном разделе анализируются случаи только морфемной омор-

нии (омоморфии), но не словообразовательной.

Для выявления аффиксальной омоморфии в настоящей работе используются (помимо несколько расплывчатого критерия разных значений) критерий частотности, критерий чередований в суффиксах (действует далеко не всегда) и критерий происхождения аффикса.

В случаях, когда суффиксы (например, -тель в словах учитель и выключатель) имеют разные значения, но не имеют никаких чередующихся с ними различных алломорфов, целесообразно считать их полисемантическими суффиксами, а не омоморфемами. В случаях, когда имеются 1) различные чередования алломорфов и (или) 2) четко выраженная разная представленность суффиксов в различных частях речи, следует рассматривать суффиксы как различные, то есть омоморфемные. Например: суффикс -у₁ (рис-у-ющий, председательств-у-ющий, где -у чередуется в других формах с -ов) и -у₂ без какого-либо чередования и всегда только у наречий (сниз-у, сверху-у); -е₁ в наречиях (внов-е, вначал-е), -е₂ - глагольная тема в инфинитивах (гляд-е-ть) и -е₃ в именах, чередующихся с -ей (сем-е-юшка и сем-ей-ка, руч-е-ек и поруч-ей-ник "растение"). Впрочем, -е₃ выделяется только на уровне письменной речи; для устной формы русской речи можно говорить здесь лишь о суффиксе -ей; -ич₁ (бар-ич, москв-ич) и -ич₂ (рукав-ич-ка, где имеем -ич/-иц, или прянь-ич-ный, где отражено чередование -ич/-ик). Этот -ич₂ можно, видимо, интерпретировать как полисемантический. Не исключено, что и -ич₁ и -ич₂ можно объединить в один суффикс, так как их семантическое различие недостаточно четко подкрепляется формальным различием. В омоморфемных суффиксах -ит₂ (круп-ит-чат-ый) и -ит₁ (банд-ит, солом-ит), -еск₁ (враж-еск-ий) и -еск₂ (юмор-еск-а), -ист₁ (за-ноз-ист-ый) и -ист₂ (служ-б-ист) учитывается дополнитель-

ю к частеречному также критерий происхождения аффикса (исконный или иноязычный аффикс). Аналогичным образом можно разделить на оморфемы суффиксы -ат₁ (старост-ат), -ат₂ (зуб-ат-ый, бород-ат-ый) и -ат₃, чередующийся с -от (обраб-от-ать, обраб-ат-ывать; хлоп-от-ать, хлоп-ат-ывать).

Под критерий "происхождение аффикса" можно подвести и случаи перехода окончаний в суффиксы, в результате чего значительно увеличивается число оморфем существительных в косвенных падежах и причастий. О.М.Ким, имея в виду подобные случаи, говорит, что оморфия пронизывает весь язык, все ярусы, что она "вездесуща" (Ким 1980, с.11). Действительно, оморфия такого рода начинает выходить за рамки периферии (примеры на нее см. в таблице 12). Впрочем, как отмечалось, морфемы, способные функционировать то как словоизменяемые, то как словообразовательные, могут быть выделены в особый класс аморфов или аморфиксов (термин в нескольконом смысле предложен Н.И.Королевым - Королев 1980, с.75), а не считаться оморфемными, как в данной работе.

Таким образом, при определении суффиксальной оморфии целесообразнее исходить из формального критерия: учитывать существующие в языке чередования аффиксов, их происхождение и (как вспомогательный критерий) соотношенность суффиксов с той или иной частью речи, что, к сожалению, наблюдается относительно редко.

На весь массив суффиксов (более 570) приходится около 4% суффиксов, бесспорно находящихся в отношении оморфии между собой, как в следующих примерах (случаи, когда оморфемные суффиксы находятся в отношении оморфии с корнями или префиксами, помещены в таблицы 12 и 13):

- ав₁ (кровавый, рукав), -ав₂ (восстанавливать, ср. восстановить)
- аж₁ (листаж), -аж₂ (мочажина, ср. мочага)
- ат₁ (бородатый), -ат₂ (адресат), -ат₃ (выхлопывать, ср. выхлопотать)
- еск₁ (вражеский), -еск₂ (юмореска)
- ет₁ (нищета), -ет₂ (вагонетчик)
- ий₁ (бараний, ср. баранья/я/), -ий₂ (орудийный)
- ит₁ (бандит), -ит₂ (крупитчатый, ср. крупица)
- м₁ (письмо), -м₂ (любимица)
- ур₁ (кожура), -ур₂ (докторантура)

Если оморфизм среди суффиксов составляет всего 4%, то межклассная оморфизм (то есть оморфизм суффиксов с корнями и префиксами) охватывает около 20% всех суффиксов (по отношению ко всему запасу суффиксов или - шире - аффиксов; по отношению же к инвентарю всех морфем в языке, то есть более чем к 5000 единицам, оморфизмные суффиксы составляют лишь 2%, а префиксы - 0,6%).

А ф ф и к с ы , п е р и ф е р и й н ы е с т о ч к и
з р е н и я и х п р о д у к т и в н о с т и и
а к т и в н о с т и в я з ы к е

Аффиксы русского языка (в первую очередь суффиксы) обладают различной продуктивностью, иначе говоря, с ними насчитывается разное число уже бытующих в языке слов и они в разной степени активны при создании новых слов.

Продуктивность находит различное истолкование в работах разных лингвистов. Не вдаваясь в подробности, можно сформулировать, по крайней мере, три основных точки зрения на продуктивность.

Одни лингвисты (например, Г.О.Винокур, Е.С.Кубрякова) под продуктивностью понимают количественную характеристику словооб-

разовательного ряда, то есть сколько производных создано в языке по образцу той или иной модели, каково количество слов взятого словообразовательного ряда (внутри такого понимания продуктивность - непродуктивность порой противопоставляется регулярности - нерегулярности, см. Н.М.Шанский). Другие (как, например, Л.И.Алексеев, О.С.Ахманова, И.С.Улукханов) считают, что продуктивность - это способность словообразовательного ряда к пополнению новыми единицами или способность аффиксов к словопроизводству. В этом смысле ее называют также активностью (Е.С.Кубрякова, Л.А.Земская) или производительностью (Н.М.Шанский), отличая от продуктивности в первой трактовке, поскольку активные аффиксы обязательно в большей или меньшей степени продуктивны, а продуктивные могут к настоящему времени уже не быть активными. Наконец, многие лингвисты (А.А.Мошова, А.А.Реформатский и др.), наоборот, не противопоставляют друг другу эти две стороны одного явления (количество слов с определенным аффиксом, и способность такого ряда к дальнейшему пополнению), а учитывают их обе при анализе продуктивности какого-либо явления в языке, так как продуктивность в количественном понимании есть результат активности, интерпретируемой как способность к словопроизводству. Именно такой точки зрения на продуктивность придерживается и автор настоящей работы. Способность/неспособность производить новые слова (иначе - активность аффиксов) некоторые лингвисты считают основным свойством аффиксальных морфем, параметром, характеризующим "жизнь морфем в языке", их функционирование (Земская 1987). По этому признаку можно выделять центральные и периферийные аффиксы. Аффиксы, которые могут быть использованы в языке при словообразовании в качестве формантов, можно условно разделить на непродуктивные или мало-

продуктивные, приближающиеся к периферийным, и высокопродуктивные (или просто продуктивные). Продуктивные аффиксы участвуют в образовании от 50 до 10 тыс. слов каждый, а малопродуктивные - от 10 до 50 (грань, естественно, проведена условно. Внутри продуктивных суффиксов и префиксов можно выделить аффиксы разной степени продуктивности).

К числу сравнительно малопродуктивных суффиксов русского языка можно отнести суффиксы, образующие лишь единицы и десятки слов от разных корней (например, -енк, -ив, -евит и другие). В работах, посвященных изучению отдельных малопродуктивных суффиксов, обычно приводится число образований на них несколько большее, чем то, которое зафиксировано в словарях современного русского литературного языка, за счет диалектной и просторечной лексики или за счет окказионализмов из языка писателей. Так, например, в статье С.Ю. Адливанкина о существительных с суффиксом -инк-а (Адливанкин 1962) приводится около 20 слов с этим суффиксом из языка различных художественных произведений нашего времени помимо зафиксированных в словарях современного русского языка; в статье А.А. Мошевой о словообразовательной модели имен прилагательных с суффиксом -к/овит в дополнение к 16 словам с суффиксами -овит/-евит, отраженным в словарях, дается описание еще 22 прилагательных с этим суффиксом, бытующих в пермских говорах (Мошева 1969), и т.п.

Таким образом, уже фиксированный по размеру словообразовательный ряд в любой момент может пополниться новыми единицами, пришедшими из разговорной речи (Красильникова 1982, с.149-156), из диалектов, в которых их наличие говорит о большей или меньшей продуктивности данного аффикса.

Активность суффиксов различна в зависимости 1) от сферы применения языка и 2) от значения данного суффикса (если у суффикса несколько значений, то суффикс может оказаться активным лишь в каком-либо одном значении).

Различная активность одного и того же суффикса (как продуктивного, так и непродуктивного) в разных сферах применения языка может быть продемонстрирована на примере суффикса -ов. С помощью суффикса -ов (в списке продуктивных суффиксов он занимает 7-ое место - см. Кузнецова, Лавренова 1975, с.85) образуется биологических терминов (таких, как барбарисовые, воронковские, выводковые, горечавковые, грушанковые, двупарноязычковые, полухордовые, разножгутиковые, хвойниковые, частиковые, ягодниковые) 4,4% (из них 3% - от русских корней (см. Богорад 1963), а лингвистических терминов (типа голосовой, звуковой, знаковый, языковой и язычковый) - только 0,3% (Ахманова 1966). Активность заимствованных суффиксов также тесно связана со сферой их использования. Например, по свидетельству С.А.Хватова, для 1129 исследованных медико-биологических терминов - существительных, зафиксированных в ССРЛЯ (1948-1965), наиболее характерным способом образования новых слов является аффиксация (35%), а в роли форманта чаще всего выступают суффиксы -ит (образует названия патологических состояний воспалительного характера), -оз (указывает на патологические состояния невоспалительного характера), -ом(а) (передает наименования опухолевидных образований), суффиксы -оз(а) и -аз(а) (служат для образования слов, называющих вещества класса углеводов и ферменты соответственно) -ин, -ол, -он и некоторые другие (Хватов 1978, с.8-12). Уместно вспомнить, что названия болезней и воспалений на -ит и -оз раньше давались в греко-латин-

кой форме на -итис и -озис: колитис, менингитис, миелитис; ки-озис, сколиозис (Гимпелевич 1977, с.195).

С другой стороны, очень часты случаи, когда активность (и соответственно продуктивность) ограничена не только сферой употребления языка, но и лексическим значением основ, на что в свое время указывал акад. В.В. Виноградов (1938). Достаточно, например, посмотреть статистический сборник "Труд в СССР", изданный ЦСУ в 1968 г. (с.177-233), чтобы убедиться в колоссальной продуктивности и активности суффиксов -щик, -льщик, -чик (и несколько меньшей -ник, -овщик, -льщиц, -ист, -щиц, -ниц, -чиц), используемых для образования многочисленных новых слов, еще не зафиксированных толковыми словарями русского языка (как от русских, так и от иностранных корней), со значением профессий (другие значения этих суффиксов в данном сборнике не представлены совсем), например: бассейн-щики, бегунышки, бердовщики, ватинщики, вулканизаторщики, затыловщики, затяжки, канавщики, карамельщики, качалышки, крепильщики, мармеладчики, навертчики, навесчики, наметчики, околачивальщики, отделяльщики, освинцевальщики, оцинковальщики, очесывальщики, просеивальщики и просеивщики, протяжки, пружинщики, профелышки и проч. (ср. РЯ и СО 1968, §85-93, с.122-132, где подробно рассматривается процесс специализации словообразовательных типов с суффиксом -щик).

Среди почти 600 неповторяющихся наименований профессий, образованных с помощью перечисленных аффиксов, наиболее многочисленную группу составляют слова с суффиксом -щик: данный суффикс участвует в образовании более чем одной трети всех названий сборника с указанными суффиксами (39,3%). Второе место занимает суффикс -льщик (15,4%), третье - -чик (15%). В списке наиболее про-

продуктивных суффиксов, составленном в результате обработки слов, помещенных только в Орфографическом словаре русского языка, суффиксы -овщик, -овщик, -льщик и -щик отсутствуют вообще (то есть не относятся к числу высокопродуктивных), а суффиксы -ник (суффикс -ник со значением действующего лица составляет более 30% от общего числа образований с данным суффиксом. См.: Кузнецова, Лавренова 1975, с.85) и -щик являются более продуктивными, чем -льщик, в то время как по материалам статистического сборника "Труд в СССР" суффиксы -ник и -щик образуют меньшее количество слов, чем суффикс -льщик (с суффиксом -ник - 5,9%, -щик - 2,1%, а с -льщик - 15,4%), который, следовательно, в данной лексической сфере проявляет большую активность в образовании новых слов, чем суффиксы -ник и -щик.

Подобные же сдвиги в продуктивности суффиксов различных лексических областей сравнительно с данными общелитературного языка наблюдаются в лексической группе названий человека по месту его жительства у суффиксов -ин, -ич и -ец. В общелитературном языке -ин и -ич во всей совокупности своих значений являются более продуктивными, чем -ец (см. Кузнецова, Лавренова 1975, с.85: по таблице 1 их места соответственно 24, 26 и 44). В лексической же сфере *nomina regionalia*, связанной с топонимическими названиями, они меняются местами: с помощью суффикса -ец образуется более 60% всех наименований жителей РСФСР (Бабкин 1964), с помощью суффикса -ин - около 16%, а с суффиксом -ич - менее 1% (остальные проценты распределяются по таким суффиксам, как -ак, -як, -арь и некоторым другим).

Таким образом, приведенные примеры показывают, что 1) во многих случаях продуктивность суффикса бывает резко ограничена

его лексическим значением и 2) отдельные суффиксы нередко оказываются в определенных сферах применения языка более активными, чем в общелитературном языке.

Малопродуктивные аффиксы, производящие особенно малое число новых слов, зафиксированных словарями, а также аффиксы, остающиеся в слове после извлечения из него корня, но не образующие вообще никаких новых слов по образцу существующих моделей (иногда их называют "мертвыми" аффиксами, иногда непродуктивными, иногда субморфами или структурными элементами слова, но не морфемами, не аффиксами), следует выделить в специальную группу аномальных (единичных, редких) аффиксов. Под названием редких аффиксов скрываются разные явления, среди которых особенно интересными могут быть такие одиночные аффиксы, оставшиеся в слове после выделения корня и регулярных суффиксов и префиксов (часто при использовании членения по аналогии), которые когда-то выполняли функцию формантов.

Реликты исчезнувших словообразовательных моделей,
сохранившиеся в морфемной структуре русского слова

В некотором количестве слов современного русского языка древние словообразовательные модели сохранились лишь в виде "осколков" суффиксов. Такие слова, хранящие, как реликвии, древние словообразовательные модели, привлекают к себе особое внимание лингвистов, вызывают часто споры, касающиеся статуса суффиксальных реликтов. Как правило, эти странные "суффиксы" -монстры, появляющиеся в современном языке при морфемном анализе как остаток после "извлечения" из слова корня (-алей, -ашлив, -вов, -евел, -евик, -елив, -елин, -ерд, -злив, -лан, -лог, -менн, -нин, -утк,

-точ, -харь, -чак, -чонок, -чук,... - всего около 50 на 50 тыс. (кроме русских слов и древнейших заимствований), встречаются в одном-двух, реже в трех-четырех и совсем редко в шести-семи словах. Подобные единичные суффиксы являются своеобразным сигналом того, что когда-то в данном слове существовала определенная морфема, утраченная современным языком, которую можно пытаться искать либо в истории языка, либо в современных диалектах.

Например, в лингвистической литературе обсуждался вопрос о том, что в словах повествовать, чествовать, участвовать, властвовать в морфемной структуре выделяется суффикс -вов, с другими формами не встречающийся, в отношении которого высказывалось предположение (Лопатин 1977, с.38), что это - результат наложения на корневую финаль ств суффикса -ьств(о) перед словообразующим окончательным формантом -овать (участв+ьств+овать), но примеров в подтверждение этого положения обычно не приводится.

Действительно, в словарях Г.Елитте (1982), А.А.Грузберга (1974), книге Ю.С.Азарх (1984) приводятся примеры образования абстрактных существительных на -ьств(о) от существительных на корневую финаль ств, а от них - глаголов на -овать, в которых полная цепочка суффиксов и финали ств основы, то есть последовательность -ствствовать, уже нигде не зафиксирована: повѣстьство → повѣствовати (но не *повѣстьствовати; оств глагол извѣствовати, видимо, образованный по тому же образцу, но нет существительного извѣстьство), властьство (четвьровластьство, языковластьство) и владство → властвовати (при наличии и владствовати) или страстьство, простъство, от которых глаголов не встречается. Обычно считается, что в этих глаголах современного русского языка усеивается не корень, а сокращается суффикс, от которого остается

последний согласный в, слившийся с последующим суффиксом -ов в сложный суффикс -вов, хотя можно считать, что суффикс -ств не претерпел никаких изменений, а редуцировался корень вместо власт' - вла, вместо вѣст' - вѣ и т.д.). Можно принять также для современного состояния языка существование чередующихся алломорфов влас-/влад-, а не власт-/влад-: тогда суффиксом надо будет объявить не -вов, а -твов или по аналогии со словами -овать выделить -в-ов. Так или иначе, но указанные примеры обращают на себя внимание своим несоответствием типичному инвентарю морфем современного языка и побуждают к изысканиям в области исторической дериватологии.

Между морфемной структурой слова и словообразованием существует определенная взаимосвязь: каждый новый словообразовательный шаг запечатлевается в составе морфем слова. В языке часто исчезает производящая основа, что ведет к процессу опрощения, а это, в свою очередь, связано с формированием сложных суффиксов, бинарность строения которых после утраты базиса (производящей основы) воспринимается с известным трудом.

В качестве примера можно взять слова, содержащие в своем составе суффикс -еј (графически это может быть -ея или -ей), часто выступающий в последовательностях -ейк, -ейн, -ейск, -еец, -ееч как их составной элемент.

В Обратном словаре русского языка (1974) приведено более 80 слов, кончающихся на -ея и приблизительно столько же - на -ей. Среди 80 слов на -ея около 60 - иностранные, где обычно ударное е(ј) входит в корень (камея, одиссея, рēja, фēja...) или (реже) выступает в качестве суффиксального элемента, но не образующего слово, а выделяемого в его составе как остаток от вычленения

орня (психея, галерея, музей...). Из остальных русских или дав-
но обрусевших слов около 10 имеет -ej(a) в корне: шея, телогрея,
шля, уклея... (ударение обычно падает на -ея, исключения
шея, ячея). Наконец, остается считанное число слов, где -ея =
/-(a)/ - суффикс (о нем-то и пойдет далее речь).

Модель на -ея считается непродуктивной (РГ-80, 238)¹³⁾:
существительные обозначают лицо женского пола (швея, жнея, воро-
жея), производящее действие, названное мотивирующим глаголом
соев.в.; конечная гласная инфинитивной основы отсутствует, уда-
ление на флексии. В основном с суффиксом -ej (-ея) встречаются
существительные жен.р. со значением лица. Иногда встречаются
корреляты муж. и жен. родов, например, ворожея - ворожей, грамо-
жея - грамотей или в старорусский период: золотошвея - золото-
шей. По свидетельству Ю.С.Азарх, "В деловом языке старорусского
периода слово ворожея принадлежит к именам общего рода. Оно упо-
ребляется обычно со словами, уточняющими пол называемого лица:
баба ворожея, ... ворожей, мужиковъ и бабъ" (Азарх 1984, с.119).
Помимо коррелятов по роду в старорусский период (реже в др.-р.)
встречались варианты рода на -ея/-ей: брижалея, -ей "краска",
ормея, -ей, ср. зодѣя, -ѣй "каждое из созвездий зодиака". У суф-
фикса -ej (-ея) возможны также значения предмета, животного, явле-
ния или процесса (колея, верея, змея, толчея. В литературном язы-
ке толчея означает "мельница ударного действия" и (разг.) "давка,
толкотня". В говорах Среднего Приобья толчея значит "то, чем тол-
кут" (Блинова 1982-1983)).

¹³⁾ В АГ-80 речь идет о процессе словообразования, однако очевидно,
что такие слова, как швея, жнея, не образуются заново от глаго-
лов шить, жать, а наследуются целиком от прошлых эпох; не слу-
чайно в подобных ситуациях в РГ-80 говорится о том, что "суф-
фикс "выделяется", а не "с помощью суффикса образуется..."

В литературном языке слова с суффиксом -ej (-ея) представлены единичными примерами; большинство слов на -ея бытует в диалектах, где особенно много встречается отглагольных образований со значением женскости (варея, плетя, плясея, печея, писея, резея, шотрея, торчея, трясея, трусея, стряпея, качея, помазея...) или предметности (верея, веретея, толчея...), в меньшей мере - со значением животного (индея, ищея "ищейка" наряду со значением лица общего рода "истец"), со значением абстрактности, процессуальности и др. (см. Попова 1978, где дан обзор лексики с суффиксом -ej (а), выделяемым в словах, правда, этимологически). В современных говорах образования на -e[j]-(a) нередко могут быть не только от глаголов, но и от имен (толстея, грамотея, ханжея, голея). В древнерусском языке и в языке старорусского периода отыменные образования встречаются значительно чаще. Так, например, в апокрифическом памятнике "Ложные слова, написанные еретиками на пакость звездам попам и диаконам", помещены ложные молитвы, из которых наибольшей популярностью пользовались в свое время молитвы об излечении лихорадочных болезней, которые представлялись в виде 12 сказанных дев со следующими именами: Гнетя, Трясея, Желтея, Пухтея, Огнетя, Ледея, Холмея, Скорчея, Знобея, Сухотея, Невея, Лопотея. В текстах заговоров, в заклинаниях встречаются и другие названия болезней на -ея (Попова 1978), также образованные от имен.

Аналогично можно отметить, что если в современном русском языке образования на -ба только отглагольные (ходьба, бороньба, вязьба...), то в древнерусском языке они могли быть мотивированы именами (нечистьба, прѣдѣстражьба) или имели двойную мотивировку (льстьба, лѣчьба). Реликтом этой модели является морф -ебн (лечебный, врачѣбный).

В словарях древнерусского и старорусского языков приводятся формы на -ея (-ѣя), исчезнувшие не только из литературного языка, но, видимо, и из диалектов, такие, как млѣя "та, кто мелет", зубрѣя "зазубрина", вохрѣя "охра", бархатѣя "бумажный бархат" (ср. келарея) и др.

Суффикс -ея особенно широкое распространение, судя по фиксации в словарях, получил в старорусский период, когда он стал даже оформлять собирательные существительные, например, казачея "казачество", и когда появляется множество новых слов иностранного происхождения.

Из всех перечисленных слов с суффиксом -ея в литературном языке бытуют только существительные швея, жнея, ворожея (они даются в словарях современного русского языка без особых помет), одновременно с которыми функционируют и однокорневые с ними слова швейный, жнейка, ворожейка, где суффикс -еј с последующими суффиксами -н, -к... трактуется в РГ-80 не как последовательность, сочетание суффиксов, а как единый суффикс -ейк, -ейн (ср. -ейск...). Наличие в этих сложных суффиксах элемента еј часто указывает на существование в древности или в современных диалектах слов на -еј(а)ея или -ей, -ј (=ѣя). Так, в современном русском литературном языке есть слова ищейка, лазейка, индейка, плетейный, швейный... (ср. ищейа, лазейа, индейа, плетея, швея...). Точно так же наличие в слове сочетаний -еец и -ееч является сигналом того, что здесь может быть в диалектах или мог быть в древности суффикс -ея/-ей (лазеечка, путеец - лазейа, путея).

Особый интерес вызывают иноязычные слова с указанными суффиксами, например, армеец, армейский, линейка, лилейный, компанейский, библейский и т.п. На первый взгляд кажется удивительным,

откуда могли возникнуть такие формы с -ej при существовании со-
временных слов армия, линия, лилия, компания, библия... Однако
в старорусский период и затем в ХУШ в, были широко распростране-
ны дублиеты на -ея/-бя и -ia/-ия, что часто объяснялось источни-
ком заимствования; армея (в древности существовал омоним армея,
армеа "вид солений", болг. "квашеная капуста") бя/ей и армия
(из фр. armée или нем. Armee, ср. пол. armeja, укр. армія,
Окончание -ия Фасмер считает ошибочной регуляризацией вместо
старого -ея, которое в ХУШ в. воспринимается как вульгарное);
лиля - лилія (из пол. lelija укр. лелія); камнания - компа-
ния; библея - библия; линея - линия, кацбя/иа/ья (из греч. κατοί
καρωνία) (ср. лядвеля - лядвия, колея - колия). Точно так же
наличие -ej в словах адмиралтейский и канарейка, канареечка
легко объяснимы существовавшими в ХУШ в. формами адмиралтея и
канарея.

Во всех приведенных и аналогичных им иноязычных словах -ej
- не формант, а конец основы, заимствуемой целиком из другого
языка в русский язык и лишь позднее, в результате сопоставления
со многими производными, появившимися уже на русской почве от
данной основы, выделился в качестве самостоятельного морфа,
нередко при этом совпадая с суффиксом дающего языка.

Таким образом, анализ слов на -ея (суффикс -ej¹⁴⁾ показал,

¹⁴⁾ Суффикс -ej в древнерусском языке мог выступать как -ьj.
С помощью суффикса -ьj также образуются в древнерусский и
старорусский периоды существительные со значением женскости
от существительных с суффиксом -(a)ль, -унь и др. и от заим-
ствований; модель малопродуктивна, но все-таки появление слов
на -ля было живым процессом: ткаля "ткачиха", бралья "тка-
чиха, изготавливающая браную ткань", купалья. В современных
говорах представлен также этот модификат суффикса -ей: спалья,
ткаля, пралья, вралья и др. (Блинова 1982-1983, СРНГ, ООДС
1973). В современном русском литературном языке суффикс -j(a)
после основ на -аль не встречается, но является продуктивным
средством образования существительных со значением лица жен-
ского пола (например, после суффикса -ун).

то хотя в настоящее время по этой модели новые слова не образуются, в прошлые века модель была достаточно активна, о чем свидетельствует большое количество в морфемной структуре современных слов субморфа -ей [-e] в сочетаниях типа еец, -ееч, -ейк, -ейн, -ейск, -ейств и т.п., несмотря на то, что в явном виде слов с суффиксом -еј (-ея или -ей) сохранилось в литературном языке очень мало (три - на -ея и ~20 - на -ей).

Когда в словах современного русского литературного языка выделяются единичные, редкие суффиксы, сам этот факт должен наводить исследователя на мысль об утраченных моделях, на мысль о необходимости поисков их. Как правило, такие модели можно обнаружить, хотя порою с большим трудом, обратившись к материалам диалектов или к историческим данным. Напр., в слове низменность однозначно опознается корень -низ- и суффикс-формант -ость. Остаточный морф (-менн) единичен в современном литературном языке. Выделение в слове ячмень суффиксального морфа -мен (ср. ячневый) наводит на мысль, что, может быть, и в словах низменный, низменность были суффиксы -мен-н (ср. ячмен-н-ый). Разыскания по диалектам и в истории языка подтверждают существование модели, хотя и малопродуктивной: в древнерусских летописях встречаются деадъективы на -мень сухмень, узмень, голомень, глухмень, а также житмень, бытующие и в современных говорах (Азарх 1984, с.17). Вероятно, было и *низмень (ср. прилагательное низменный), но не сохранилось, а современный субморф -менн - реликт исчезнувшей модели (для современного языка, следовательно, вряд ли правомерно производить прилагательное низменный от прилагательного низкий, как это делает РГ-80, § 675).

В РГ-80 (§314) указывается на непродуктивный тип существи-

ельных, образованных от прилагательных с помощью суффикса -ядь. В современном русском языке затухающий (точнее, уже завершившийся) процесс образования слов от прилагательных с помощью суффикса -ядь наблюдается в существительных пестрядь, чернядь (есть вариант чернеть "утка"), рухлядь и разговорное мокрадь (все слова имеют дублиеты на -едь). В этих словах суффикс выделяется необычайно легко, четко и однозначно, но квалифицируется как непродуктивный. В словаре И.И.Срезневского приводятся, помимо перечисленных, с этим же суффиксом слова старядь, сирядь, в СЛРЯ II-XIII вв. - зарнядь, крупнедь и др. В монографии Ю.С.Азарх (1984, с.187) отмечаются также существительные зароследь, ровнядь (к этому же ряду можно отнести существительное площадь, образованное от плоский), быстредь; последнее слово бытует и сейчас в говорах Среднего Приобья (Блинова). В ООДС (1973) встречается также существительное зябледь и т.д.

В отдельных словах наличие нерегулярных суффиксов можно объяснить укоренившимся изменением в правописании. Например, слова дурашливый и городошник еще в XIX - начале XX вв. писались как дурачливый (см., например, мемуары Боборыкина) и городочник. При таких написаниях выделение суффиксов -ач-лив и -оч-ник (или -оч-н-ик) не представляло никаких затруднений. Однако последовательность -ач-лив не характерна для русского языка (ССРЛЯ фиксирует только слово чудачливый с пометой "разговорное"), а слов с фонемной (не обязательно суффиксальной!) последовательностью -чливый и -шливый примерно одинаковое количество в языке, причем слова на -шливый в целом более частотные (ср.: ворчливый, добычливый, докучливый, незадачливый, ребячливый, удачливый..., с одной стороны, и засушливый, насмешливый, неряшливый, пройдошливый,

матюшливый, удушливый..., с другой стороны). Под воздействием морфов на -шливый, видимо, и изменилось произношение, а затем и написание прилагательного дурачливый в дурашливый.

Суффиксальная последовательность -оч-ник весьма активна в русском языке, но под влиянием произносительной нормы /шн/ вместо /чн/, а также под влиянием таких слов, как тамошний, тутошний, произошло изменение в написании слов городошник, городошница с заменившимся новым суффиксом -ошн (кстати, в ХУП в. вместо "ясачные люди", то есть "плательщики ясака", писалось "ясашные люди"). Так, суффиксы, представляющие собой остаточные (обычно единичные) морфы, в древности, а иногда и в настоящее время в диалектах, были словообразующими суффиксами - формантами, то есть с большей или меньшей активностью участвовали в процессе образования новых слов, о чем напоминают нам в современном языке нерегулярные, часто единичные суффиксы, либо сохранившиеся в прежнем виде от прошлых эпох (-ядь, -еј), либо изменившие в ходе истории свой внешний облик - сросшиеся из двух (-менн, -ашлив, -ошн) или испытывшие вложение (-вов).

Реликты ныне исчезнувших моделей словообразования можно находить в структуре русского слова и среди префиксальных морфем.

В современном русском литературном языке в качестве остаточных морфов в словах позволить, дозволить, обиход, обыденный, предисловие и их производных выделяются морфы з-, оби-/обы-, преди-, на которые в древнерусском языке и в современных диалектах можно обнаружить большие ряды слов; это значит, что когда-то в языке существовали активные словообразовательные модели, по которым образовывались, например, от глагольной основы слова со значением "окружить" с префиксами оби-/обы-, приставочные или

производные глаголы с префиксом з-. Префиксы оби-/обы- и з- в настоящее время даже не зафиксированы в РГ-80. Между тем в словаре Срезневского приводятся такие глаголы с приставкой оби-, как обизаряти "озарять", обизрѣти "осмотреть", обиити (= обити) "обойти", обисияти "окружить сиянием, сиять вокруг", обистояти "окружать, осиливать", обиступати "обступать", обисѣсти "окружить, обойти", обитѣкати "обходить", обиходити "обходить" (ср. обиход "правило, имущество"), обихыщати "захватывать, похищать", обияти (= объяти), обийѣдание "прожорливость".

В основном, как видно из данного списка, эта приставка соединялась с глаголами движения или глаголами видения, хотя могли быть и другие основы.

Суффикс обы-, имеющий по говорам вариант овы- (Пауфощима 1987, с.102), зафиксирован в единственном слове обыденный "одндневный". В говорах 1) можно обнаружить (помимо глагольных) немало отыменных образований, причем круг производных значителен (обизор → обизорный и обизоркий → обизорник и обизорница → обизорничать → обизорничанье; ср.: обыденный в сочетаниях "обыденные" полотенца и обыденные храмы (Зеленин 1911), обыденки "сутки", обыночный и параллельно обиночно = обночь "в одну ночь, за ночь", обымеки "догадки"), 2) увеличилось количество образований с обы-. Например, если в древнерусском языке, судя по словарю Срезневского, был только глагол обизрѣти, то в диалектных словарях отмечаются глаголы обызрити (раз.) "призреть, приютить, помочь" и обызреть "увидать, усмотреть", распространенный в южных областях.

Выделяемый в глаголах позволить, дозволить и производных от них существительных субморф з-, являясь результатом польского влияния (z-, ze-), пришел из украинского языка (iз-, з-) и функционировал в древнерусском языке в качестве приставки вместо из-

или вз- (позднее, по свидетельству В.И. Даля, префикс з-, перешедший из белорусского языка в тверской, псковский, калужский говоры, стал заменять также префиксы с-, воз- и др.: зрадоваться - возрадоваться, звеселиться - возвеселиться).

В словарях древнерусского языка приводятся целые ряды слов с префиксом з-: зволити, злихой, зливатится, зголобие = възголобие "изголобие; нижняя подушка", знемочи "изнемочь", знутри, здавна, зломить "изломить", здърнѹти (вместо въздърнѹти, ср. здърнѹтая "крюковой знак I!", замыслити (из пол. *zmyślić*), змерлыи (из пол. *zmarły*), змиловати ся и др. Приставка з- = из- в церковнославянских словах соответствует народной русской приставке вы- (зрасти = израсти; вырасти; збити = избить; выбить и т.п.). В словаре Грузберг (1974) приведен глагол здоволить ометатезой приставок (вместо дозволить).

В современных русских говорах (не только южных и юго-западных. Ср., например, в сибирских говорах глаголы згонять, здохнуть, здумать, здыматься, знять, зреветь, вызножить... ООДС 1973) широко бытует приставка з-, обычно соответствующая литературным префиксам вз- или из-, и омонимичная суффиксальному остаточному морфему з- в слове боязливый:

збалмошный	звестить
звизгивать	здержки
зволноваться	зволить
знуздать	здалека
збудоражить	зредка
зрослый	знурить
забелениться	збавить
здор	збаловаться

здымать

звинять

звар

зранить

згрустнуть

ззябнуть

зреветь

згальяться и т.п.

В отличие от приставок оби-/обы- и з- префикс преди- в существительных предисловие, предисловщик имел более узкое и более позднее распространение (в старорусский период) в истории русского языка. С ним зафиксированы главным образом причастные формы: предибудущий, предитекущий, предихотящий, предивышенанписанный, предиписанный, предиглаголаный, предипомянутый, предипущенный, предиреченный; ср. также: предисловейцо (Грузберг 1974).

Итак, обнаруженные в словах современного русского литературного языка единичные (нерегулярные, редкие, аномальные, омертвевшие и т.п.) морфы в настоящее время не являются формантами, не служат средством образования новых слов. Это — живые свидетели исчезнувших производящих основ. Они представляют собой реликты древних словообразовательных моделей (как продуктивных, так и малопродуктивных), утраченных современным языком, реликты, позволяющие восстановить шаг за шагом модели, по которым когда-то происходило активное образование слов в языке.

Отсюда может быть поставлен вопрос, существенный не только для исторической дериватологии, но и для современного словообразования: если в настоящее время есть морфы, которые не являются формантами (обратное неверно: всякий формант — морф или морфный блок), то встречаются ли в языке такие морфы, которые никогда не были регулярными, никогда не выступали в качестве форманта? Ответом на этот вопрос служит следующий раздел работы.

Остаточные морфы в основе слова, никогда не функциониро-
вавшие в качестве форманта

Среди редких элементов аффиксального типа, остающихся в слове после извлечения из него корня, встречаются - в отличие от только что рассмотренных - такие квазиаффиксы, которые по происхождению никак не связаны с деривационными морфами, по крайней мере, на русской почве. Так, в заимствованных словах могут выделяться единичные суффиксы в качестве остаточных элементов в слове: пост-амт, пост-альон (и устаревшее пост-ильон, см. Куракин, Бобовкин), флот-или-я и т.п. Подобный "шлак", "морфная крошка" бывает разного происхождения.

Во-первых, неоднократно высказывалось мнение, что в структуре слова существуют особые "прокладки, вставки, наращения...", возникшие, якобы, на русской основе даже в таких словах, как аргоизм, кабаретист, византинист (Земская 1981, с.177), драматический, травматический (АГ-70, с.193) и др. Обычно в таких случаях просто фиксируется наличие в слове прокладки между корнем и суффиксом или между двумя суффиксами, но не делается попытки выяснить, почему именно данный, а не какой-либо другой элемент выступает в роли "прокладки" или "наращения". Между тем некоторые примеры поддаются расшифровке.

В словах иностранного происхождения это может быть "проявившаяся", как при проявлении фотопленки, конечная согласная основы заимствованного слова, к которой прибавляется русский суффикс. На русской почве ее можно рассматривать как морф, остаточный после выделения корня и суффикса-форманта. Так, при наличии в языке

ствительных арго, кабаре, буржуа, бонмо, комильфо, Византия и стандартных суффиксов -изм, -ист, -ин, производные слова с указанными корнями будут члениться следующим образом: арго-т-изм¹⁵⁾, кабаре-т-ист, буржуа-з-ия, бонмо-т-ист (последнее слово, уже устоявшее, анализируется, в частности, в статье Лагутовой 1980, с.235-30), комильфо-т-ный, византи-н-ист (фр. argot; cabaret, cabare-
ter; bourgeois, bourgeoisie; bon mot; comme il faut; Byzance, Byzantine. Ср. появление согласной при склонении фамилии Дега в русском языке начала XX века: в книге А.Белого "На рубеже двух столетий" употребляется форма Дат.п. ед.ч. Дегазу - "В ту пору открылась французская выставка; ... я удивлялся явлению, над которым Москва хохотала: французским импрессионистам (Дегазу, Моне и т.д.); наши профессорши негодовали").

"Наращения" также могут быть заимствованы из языка-источника, как например, в существительном ботинок (ср. фр. bottine +ок), в прилагательных того-лезский (ср. фр. togolaise +ск-ий), драматический, флегм-атический... По свидетельству И.А.Ширшова, "суффикс -атическ/ий/ сложился в русском языке из русского суффикса -ск/ий/, суффикса древнегреческого прилагательного -ικ и конечной части основы косвенных падежей греческих существительных -ат, которая, следовательно, досталась русскому языку в наследство от древнегреческого. Процесс образования прилагательных данной группы в древнегреческом языке и создание на их материале русских прилагательных на -атический можно представить в следующей схеме:

$$\{[(\text{бтлбмат}^{-05})-\text{ик}^{-05}]-\text{еск}\}-\text{ий}'' \quad (\text{Ширшов 1972, с.131})$$

В словаре Уорт 1970 по-разному и алогично решен вопрос о членении слов арготизм и комильфотный: в первом слове выделяются алломорфы корня -арго-/аргот-, а во втором дан корень -комильфо- и аффикс т-.

Во-вторых, остаточные морфы-прокладки, встречающиеся в словах русского происхождения, могут быть результатом ликвидации статуса (зияния), как в словах давивать, продавец, возможно, бешунит. Впрочем, не исключено, что в этих примерах мы имеем дело с результатами наложения при словообразовании: давивать < дава/ть/ива; продавец < продава/ть/+ец.

Самую большую группу морфов в основе слов составляют, в-третьих, вошедшие в основу окончания слов. Оторвавшись от своей парадигмы, отдельные формы слова начали функционировать как новые слова; в этих случаях окончания, обычно называемые застывшей флексией, функционируют как суффиксы, благодаря чему увеличивается количество омоморфных элементов в языке. Лексикализации, то есть превращению отдельных форм слова в самостоятельное слово, нередко переходящее в другую часть речи, подвергаются чаще всего падежные формы существительных (тогда существительное адвербиализируется). Например, анализ таких случаев у Янович 1978), некоторые глагольные формы — императив, деепричастные формы, формы прошедшего времени и т.д. — с последующим переходом этих форм в частицы, междометия, предлоги или наречия. Отрыв и лексикализация некоторых грамматических форм от парадигмы слова происходит неравномерно: так, судя по Обратному словарю (1974), в разряд наречий перешло более 150 форм существительных в Твор.п. ед.ч. на -ом, в шесть или меньше форм прилагательных Вин.п. ед.ч. на -ую (типа втихую) и менее 10 форм существительных ж.р. Твор.п. ед.ч. на -ою (зимую)... Таким образом, суффиксы в основе слова, омоморфные окончания (см. таблица 12), никогда не обладали словообразовательной активностью, не выполняли функции словообразующего элемента (форманта). В настоящее время некоторые из них активизируются, превращаясь в суффикс-формант.

шего времени, которое может быть выделено из их состава в силу внятия по аналогии.

Изредка суффиксом становится бывшее слово, как например, -жды- шды (действительное причастие прош.вр., м.р. ед.ч., им.п.): жды, дважды, четырежды, однажды.

Среди квазиморфов, занимающих в слове препозитивное положение, также изредка встречаются элементы, никогда не выполнявшие функции формантов, как например, чи- в глаголах чихвостить, отчихвостить и расчихвостить, где исторически чи-, видимо, произошло из частицы чи "ли".

В препозиции по отношению к корню может находиться также протетический гласный а- (артачиться; ср. просторечное аржаной), который в глаголе артачиться после выделения корня -рт- остается в правах субморфа. Этот элемент оказывается омонимичен иноязычному префиксу а- в словах типа аморальный, адинамиа.

Все разнородные редкие суффиксы, о которых шла речь, имеют общие черты: 1) они не являются в настоящее время формантами (за исключением нескольких застывших флексий и некоторых сложных суффиксов); 2) практически не имеют никакого словообразовательного значения (об их значениях невозможно вообще говорить); не случайно их называют субморфы, морфные прокладки или вообще не выделяют в структуре слова, подсоединяя при членении к предыдущему или следующему морфу). Редкие суффиксы почти всех перечисленных разновидностей приобрели в языке лишь структурное значение, выполняя определенную функцию и свидетельствуя об асимметрии между планом выражения и планом содержания, не столь уж редкой в языке.

Такая же картина наблюдается и в префиксальном запасе русско-го языка, хотя среди префиксов значительно меньше элементов, вы-

яемых в слове, но не участвующих в образовании слов (Кузнецова, Ефремова 1986, с.576). Это префиксы ку-, ко- (кумекать, колу-
ть, закоулок), уже упоминавшиеся элементы а-, з- (артачиться,
зволить), н- (нутро, разнуздать, внушать, снедь), че- и чи-
хвалиться, отчихвостить), приди- (предисловие), а также когда-
то очень активные префиксы оби-/обы- (обиход, обыденный), па-,
п-, пра-, имеющие впрочем, сейчас немало образований, иногда
новь созданных, например: пасолнце (XX в., спец.), падымок, сур-
(1940), празык (1939) и т.п.

Для всех редких аффиксов характерна низкая частотность и ма-
лая (чаще единичная) продуктивность (Кузнецова, Лавренова 1975).

Проблема полуаффиксов (аффиксоидов)

В системе словообразования и словосложения нередко наблюда-
ется передвижение каких-либо типов, явлений деривации и словосло-
жения из центральной системы на периферию. Именно таким передви-
жением из центра на периферию пытаются объяснить в последнее вре-
мя существование промежуточных групп морфем в инвентаре морфем,
которые обладают значением, близким к значению корневых морфем,
но находятся в позиции аффиксов, отличаясь значительной продуктив-
ностью и высокой частотностью. Такого рода морфемы с ослабленным
лексическим значением, промежуточные между корневыми и аффиксаль-
ными, имеют в работах разных лингвистов целый веер наименований:
аффиксоиды (префиксоид и суффиксоид) (Б.И. Бартков, Е.К.Беспо-
ко и Е.Г.Городенская, Н.Ф.Клименко, Л.И.Полякова, С.А.Хватов,
П.Цыганенко, М.В.Черепанов, Н.М.Шанский и др.);

полуаффиксы (О.В.Азарова, С.А.Алиев, Н.Д.Андреев, В.П.Григорьев, О.Маликова, Л.И.Полякова, М.Д.Степанова...);

словоэлемент (префигированный и суффиксированный словообразовательный элемент или морфема) (В.В.Виноградов, В.П.Григорьев, О.Маликова, Ю.С.Сорокин, Н.М.Шанский...);

глагольные морфемы (С.В.Бархударов, В.В.Виноградов, Е.С.Истрина);

относительно связанные морфемы (относительный префикс, относительный суффикс) (Е.С.Кубрякова);

субаффикс (субпрефикс и субсуффикс) (Е.А.Крашенинникова);

комбинирующаяся форма (Л.Я.Хмелик) и некоторые другие.

Чаще других используются (в том числе и в настоящей работе) как абсолютные синонимы термины полуаффикс и аффиксоид, подразделяемый на префиксоид и суффиксоид (ср. также Бартков 1982 : циркумфиксоид). Иногда, впрочем, эти термины различаются, что отмечено в названии сборника статей, выпущенного в 1980 г. во Владивостоке; "Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме" (ср.: "Основосложение и полуаффиксация в научном стиле и литературной норме" Владивосток, 1982; Полуаффиксация терминологии и литературной норме". Владивосток, 1986). В.И.Бартков предложил "использовать количественные критерии для объективного установления градаций статуса формантов по трихотомическому принципу (суффикс - полусуффикс - суффиксоид" (Бартков 1986, с.36). Однако чисто количественный подход не позволяет определять степень семантического выветривания" корня одновременно с установлением степени деривационной активности корня, поэтому в данной работе различаются полуаффиксы, то есть "форманты, находящиеся на пути превращения компонента композита в общепризнанный аффикс", и

аффиксоиды - "форманты, находящиеся на начальной стадии превращения в аффиксы подобные аффиксам, но еще не достигшие статуса полуаффиксов" (Бартков 1986, с.13).

Исследуемые элементы могут употребляться препозитивно по отношению к корню и постпозитивно (второе преобладает). При этом с ослаблением основного лексического значения эти морфемы приобретают обобщающее значение, но не столь абстрактное, как у аффиксов, поскольку видна связь этих компонентов с полнозначными словами. Например, полуаффиксы -вод, -ход, -вед с глаголами водить, ходить, ведать, а полуаффиксы, состоящие из нескольких морфем образный, -подобный, -видный с существительными образ, подобие, вид. Истинных полуаффиксов в русском языке очень мало, особенно среди русских морфем. Порою к полуаффиксам относят также "морфемы, отличающиеся от полнозначных компонентов сложных слов только тем, что они стали продуктивными, соединяются со множеством основ, образуя таким образом открытые ряды слов, которые могут постоянно пополняться новыми словами. Момент абстрактности и служебности у них отпадает. Это преимущественно препозитивные компоненты" (Маликова 1982, с.168). Такие морфемы на деле нельзя признать промежуточным звеном между корневыми и суффиксальными морфемами. Это полнозначные корневые морфемы, компоненты сложных слов, имеющие большую валентность, "хотя иногда они отклоняются от значений, которые имеют их самостоятельные корреляты, и в качестве связанных морфем часто приобретают также новые значения" (Маликова 1982, с.169). По определению Г.П.Цыганенко (1978, с.42), аффиксоиды это морфемы, выступающие в сложных словах в роли аффиксов (опорные морфемы); это морфемы переходного характера: в одних случаях они выполняют свою служебную функцию (как в сложных словах типа лесо-

из, водомер, шелковидный, птицелов, снотворный), в других явля-
ются полнозначными корнями (как в составе простых слов - мера,
творить, лов, возить, вид).

Аналогичные примеры (но в меньшем количестве) можно привести
для препозитивных аффиксоидов, то есть префиксоидов, например:
внутриведомственный (и внутри чего-либо), сверхзвуковой (и сверх
лимита) и т.п., но они, как правило, вызывают споры (ср. для ук-
раинского языка: Беспояско, Городенская 1987, с.199-201). Наиболее
диспутными полуаффиксами обычно считаются морфемы -вед, -вод, -ход
последняя далеко не всегда: в словах типа пароход, теплоход зна-
чение уже стерто, как, впрочем и первого компонента, а в словах
типа рыбоход, снегоход оно полнозначно). Ряды слов с -вед и -вод
все время пополняются, хотя в словарях русского языка их зафикси-
ровано всего около 100 случаев. Так, например, в книге "Новое в
русской лексике. Словарные материалы -78" (Котелова 1981) приво-
дятся слова кофевод и сорняковед. Легко представить себе образова-
ние типа лермонтовед (с наложением; ср.: в мемуарах П.Д.Боборыки-
на "За полвека" встречается образование иного вида - лермонтист),
астернаковед или селькуповед и т.п., отсутствующие в современных
словарях.

Полуаффиксы -ведение, -водец, -носец, -ходец (и даже -прохо-
дец), -образный, -подобный, -видный и др. (Григорян 1981) напоми-
нают слитные суффиксы (морфемные блоки) типа -льщик, -овщик,
-ственн, -ительн (Кузнецова 1987).

Точно так же можно говорить о "суффиксированных морфемах"
(суффиксоидах) иностранного происхождения, значение которых на
русской почве полностью десемантизировано (см. с. 36). Это такие
морфемы, выполняющие чисто деривационную функцию, как -лог, -граф,

ман, -метр; -фил, -фоб и другие: геолог, филолог, биолог; спек-
трограф, психрограф, картограф; меломан, библиоман, балетоман,
термометр, хронометр, психрометр; библиофил, термофил, славяно-
фил; термофоб, галлофоб, англофоб и т.д. (ср. в украинском языке:
Григоренко, Городенская 1987, с.23-25, 199-201).

В других случаях они могут выступать и в функции корней (в
числе и в сложных словах в качестве первого компонента), хотя
значение их на русской почве (особенно у корня -лог-¹⁶) и -фоб-)
четко, размыто и производных от них мало: графоман, графика;
хронометр, метр; логопед, логограмма, логогриф; мания и его произ-
водные; философ, филантроп, филокартист; -фобия (Кузнецова 1980,
с.135).

Большинство из перечисленных суффиксоидов имеет широкий диа-
пазон использования, который не ограничивается терминообразовани-
ем. Однако для терминосистем могут быть специфичны отдельные аф-
фиксоиды, например, в медико-биологических терминах-существитель-
ных встречаются преимущественно суффиксоиды -фил(ия), -фоб(ия)
(Хватов 1978, с.15). В группе медико-биологических терминов-суще-
ствительных способом аффиксоидного сложения образовано в целом ме-
нее 10% терминов, среди них 2/3 - с помощью суффиксоидов, 1/3 -
с помощью префиксоидов (Хватов 1978, с.14).

Анализ аффиксального инвентаря с точки зрения различных пара-
метров, указанных в начале раздела (с.263), позволил установить
каждому из них статистически редкие, периферийные явления.

Так, периферийными префиксами можно считать морфы длиной в
одну и пять букв и не образующие слога (при переходной области в

¹⁶В греческом языке $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ означает 1) слово, речь (ср.логогриф)
2) отношение (ср.логарифм), 3) мысль, понятие (логос, логика)
и др. Отсюда трудность восприятия значения корня -лог- в русском
языке, где в свободном виде корень не встречается.

за слова), а периферийными суффиксами являются морфы длиной в одну или пять - семь букв (это обычно морфемные блоки типа -ичеств, -ственн, -овщик) и суффиксы неслоговые или в три слога (например, -ёшенек).

Среди русских префиксов и суффиксов есть незначительное количество морфов, оморфных русским или иноязычным префиксам и суффиксам. Морфемную омонимию (оморффию) следует отличать от словообразовательной омонимии. Аффиксальная оморффия по отношению ко всему запасу морфем также составляет периферийную зону (у префиксов она охватывает 0,6%, а у суффиксов 2% всех морфов).

С точки зрения продуктивности периферийными могут быть названы единичные элементы, выделяемые в структуре русских слов, являющиеся реликтами бывших словообразовательных моделей или различного рода нерегулярные элементы в структуре слова, которые также составляют абсолютное меньшинство в аффиксальном запасе языка.

Г Л А В А У

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ МОРФЕМИКИ В ТЕКСТЕ

Выборка единиц, подлежащих анализу, по словам Е.С.Кубряковой и З.А.Харитончик (1976), репрезентативна не только тогда, когда она объемна, но и тогда, когда она базируется на результатах обследования материала в двух планах - словарном и текстологическом.

В последнее время в распознающих системах при автоматическом распознавании речи стала использоваться информация о морфологической организации слова, разновидностями которой являются словообразовательная, формообразовательная и морфемная структуры. Использование морфемы (конечной внутрисловной составляющей) "в качестве основной единицы системного представления языковых средств" (Уровни языка 1986, с.11) требует особого внимания к вопросу о соотношении разного рода внутрисловных структур. Сравнение формообразовательной и морфемной структур фактически есть сравнение структур слова и составляющих его морфем в тексте и словаре (в системе).

Сопоставление внутрисловных структур можно проводить как в плане фонетическом (именно так поступают авторы монографии "Уровни языка в речевой деятельности", изучая многочисленные фонетические характеристики слов и морфем, реализующихся в словаре и тексте), так и в плане чисто морфемном (в этом случае допустимо обращение к письменной форме русской речи).

Формообразовательная структура слова представляет собой формообразующую основу плюс форматив (в понимании этого термина

Ю.С.Масловым); формообразующая основа, в свою очередь, имеет сложную морфемную структуру. Исходные формы слов, фиксируемые в словаре и вместе с тем встречающиеся все и в тексте (исключения редки; к ним относятся, например, реституируемые в словаре, но реально не сохранившиеся в языке формы И.п. ед. или множ.ч. некоторых существительных, имеющих так называемые дефектные парадигмы. Подача таких ирреальных форм в словаре выглядит следующим образом: умолк, -у: без умолку; тормашки, -шек: вверх тормашками и т.п.), обладают естественно, одной и той же морфемной структурой; остальные (не "основные") парадигматические, сугубо "текстовые" словоформы (косвенные падежи существительных, спрягаемые формы глаголов...), не приводимые (обычно кроме Род.п.) в словаре, нередко отличаются по своим морфемным структурам и входящим в состав слова морфам от словарных словоформ.

В настоящей главе, с одной стороны, сравнивается запас (инвентарь) морфем, реализующихся в словаре и тексте, с другой стороны, сопоставляются морфемные структуры словарных словоформ и текстовых форм слова. В тексте могут встретиться такие структуры, такие особенности морфемного состава слова, такие корни и аффиксы, которых нет в словаре, особенно в системе литературного языка. Выявление этих достаточно редких специфических черт текста может пригодиться при машинной обработке текста.

ОСОБЕННОСТИ МОРФЕМНОГО СОСТАВА СЛОВ В ТЕКСТЕ

При изучении морфемного состава слов в тексте можно анализировать материал, как и в словаре, с разных точек зрения. Relevantными признаками в этом случае по-прежнему будут количество морфем в слове (глубина слова); неповторяемость морфем в пре-

делах слова; длина морфем в терминах фонем (или букв при письменной разновидности речи. Данный признак является - в отличие от двух первых, морфологических, - фонетической характеристикой морфемы) и т.п.

Особенности глубины слова в тексте

Количество морфем в слове (глубина слова) в исходной словарной форме составляет, как уже отмечалось, 4 ± 1 морфемь.

В отличие от словаря глубина слова в тексте в среднем сохраняется такой же в именах существительных и прилагательных (за исключением степеней сравнения), но изменяется (то в сторону уменьшения, то в сторону увеличения) в глаголах, прежде всего за счет появляющихся агглютинативно выражаемых форм времени (особенно прошедшего времени), а также за счет форм наклонения (особенно 2 л. множ. ч.). Так, можно сравнить некоторые глагольные формы в тексте и словаре (в скобках возле примера указывается количество морфем):

Словарь	Текст
<u>хвал-и-ть</u> (3)	<u>хвал-и-те</u> (3), но: <u>хвал-и</u> (2) <u>хвал-ит</u> (2), <u>хвал-и-л-а</u> (4)
<u>у-держ-а-ть</u> (4)	<u>у-держ-и-те</u> (4), но: <u>у-держ-ит</u> (3), <u>у-держ-а-л-а</u> (5)
<u>пред-у-пред-и-ть</u> (5)	<u>пред-у-пред-и-те</u> (5), но: <u>пред-у-</u> <u>-пред-и</u> (4), <u>пред-у-пред-и-л-а</u> (6)

Незначительный сдвиг (обычно на одну морфему) в сторону уменьшения глубины слова в формах императива (особенно ед.ч.) и сдвиг в сторону увеличения глубины слова в формах прошедшего времени наблюдается не только в словах с глубиной 4 ± 1 морфемь, но также в глаголах большой глубины, имеющих в своем составе

более семи морфем, и в глаголах малой глубины (двуморфемных глаголах):

нес-ти (2)

нес-ѳ (2), нес-ет (2), нес-и (2),

но: нес-л-а (3), нес-и-те (3)

вос-про-из-вод-и-ть-ся (7)

вос-про-из-вод-и-те-сь (7), но:

вос-про-из-вод-ит-ся (6), вос-про-из-вод-и-л-о-сь (8)

пере-о-с-вид-е-тель-ств-ов-а-ть-ся (11)

Но: пере-о-с-вид-е-тель-ств-уй-

-ся (9), пере-о-с-вид-е-тель-ств-

-у-ет-ся (10), пере-о-с-вид-е-

-тель-ств-ов-а-л-и-сь (12)

Изменение глубины слова в тексте возможно за счет вариативности форм времени у некоторых групп глаголов. Так, например, В.В.Виноградов (1947, с.438-439, 449-450) вслед за А.Мазоном (1908) говорит о 60 глагольных основах с суффиксом -ну, в которых наблюдается двойственность форм прошедшего времени. В словаре Л.К.Граудиной, В.А.Ицковича и Л.П.Катлинской (1976, с.199-202) их упоминается уже более 120.

Эти 120 глаголов с безударным -нуть (всего глаголов на -нуть более 1200), образуют прошедшее время двойко: без суффикса -ну (особенно у приставочных глаголов) и с суффиксом -ну. За счет этих колебаний в образовании форм прошедшего времени, а также за счет форм императива разброс в глубине слова в текстовых формах становится особенно заметным:

мерз-ну-ть (3)

мерз-л-а (3), мерз-н-и (3), но: мерз-ѳ (2),

мерз-ну-л-а (4), мерз-н-и-те (4)

мок-ну-ть (3)

мок-л-а (3), мок-н-и (3), но: мок-ѳ (2),

мок-ну-л-а (4), мок-н-и-те (4)

Вариативность форм при глагольном словоизменении, свойственная глаголам типа брызгать, двигаться (брызгает - брызжет, двигается - движется, всего около 40 глаголов), также ведет к колебаниям в количестве морфем в слове:

двиг-а-ть-ся (4) двиг-а-ет-ся (4), но: движ-ет-ся (3)
мяу-ка-ть (3) мяу-ч-ит (3), но: мяу-ка-ет (4)

В подобных парах одна из форм обычно интерпретируется как разговорная или просторечная, например: хлестает, хныкает, шипет, лазает (разг.), нянчает, колебает (прост.) наряду с литературными формами хлещет, хнычет, щиплет, лазит, нянчит, колеблет (Граудина, Ицкович, Катлинская 1976, с.202-210). Иногда грамматическая вариантность сопровождается или, наоборот, предшествует расхождению в значениях форм слова. Так, от клепать возможны формы клепает (в значении "скреплять металлические части с помощью заклепок") и клеплет (в значении "клеветать, наговаривать на кого-либо"); от метать - метает (в значении "прошивать или сшивать крупными стежками, намечая линию шва") и мечет (в значении "бросать") и т.п.

Таким образом, в тексте наблюдается осцилляция глубины глаголов (в том числе и периферийных по признаку глубины слова) - она увеличивается в одних формах глаголов и уменьшается (что случается статистически реже) в других.

Омоморфные морфемы в пределах формы слова в тексте

Для словаря и текста характерна неповторяемость в пределах слова одинаковых морфем, хотя незначительный процент рекуррентных аффиксов, как уже было показано в главе III, возможен. Столь же статистически редко явление омоморфии в рамках одного слова. В тексте омоморфия увеличивается в количественном отношении по

сравнению с омоморфией среди словарных форм. Происходит это за счет совпадений окончаний в плане выражения с другими морфемами. Иными словами, омоморфемных префиксов и суффиксов, корней и префиксов, корней и суффиксов, префиксов и интерфиксов, суффиксов и интерфиксов в тексте столько же, сколько и в словаре. Зато случаев омоморфных совпадений окончаний с другими видами морфем в тексте значительно больше, чем в словаре (аналогичные выводы и конкретные подсчеты, проведенные на материале устной реализации связного текста - в отличие от данной работы - можно найти в книге Уровни языка 1986, с.232, табл.4.9). Например:

корень - окончание: объ-ем-л-ем (все примеры приводятся в орфографии, то есть для письменной разновидности русской речи; фонетическая транскрипция дается с той степенью точности и там, где она необходима для изучения морфем и структур слова), ом-ом (твор. п. ед. ч. от заимствованного существительного ом "единица сопротивления");

суффикс - окончание: (о) сид-е-лк-е, (о) вес-ом-ом, цен-и-тел-и;

префикс - окончание: у-бег-у, у-пад-у.

Если возвратную частицу -сь относить к окончанию (считать компонентом окончания или одним из двух окончаний, в отличие от РГ-80, где -сь, -ся называются постфиксами, то есть выделены в особый вид аффикса), то в тексте возможны дополнительные омоморфемные префиксы и окончания, отсутствующие в системе: с-кук-с-и-л-а-с/с/ (при учете старомосковского произношения).

В тексте встречаются совпадения иностранного префикса а- и окончания род. п. ед. ч. - а (в примерах выделяются только

омоморфные элементы): а-логизм-а, а-морфизм-а, а-политизм-а, а-теист-а, а-стигматизм-а, а-спиратор-а и др. (в нескольких словах омоморфия этого типа отмечена и в словаре, в существительных жен. рода, например: а-теистк-а, а-септик-а, а-спират-а). Иногда в тексте становятся омоморфными иностранный префикс а- и окончание глагола жен. рода прошедшего времени: а-ранжировал-а, а-трофировал-а-сь, а-нонсировал-а-сь, а-пробировал-а.

В дефектных парадигмах типа без у-держ-у, без у-молк-у, превратившихся в наречия, омоморфия префикс - окончание заменилась омоморфией префикс - суффикс, типичной для словаря.

Колебания длины окончаний в тексте

В качестве релевантного признака морфем в тексте (в отличие от словаря) можно признать длину окончания, которое в тексте постоянно изменяется (от минимальной длины в одну фонему до длины в три фонемы. В морфологии принято говорить о так называемых "нулевых" морфемах, в частности, окончаниях, которые не имеют плана выражения, в связи с чем минимальной длиной окончания в терминах фонем и считается одна фонема, а не нуль фонем). В глаголах настоящего времени и действительных причастиях на -ся возможно четырех- и даже пятифонемное окончание, если принять трактовку глагольных показателей -ться и окончаний причастий типа -ийся (ср. твор. п. множ. ч. -имися) как двухкомпонентное окончание. Другие примеры на омоморфные окончания в тексте приводятся в главе IV, табл. 12.

Длиной слогов и длиной слов в слогах как существенными лингвистическими факторами, влияющими на опознание слов в тексте, наряду с другими параметрами, много занимаются в последнее время фонетисты. Недавно появились сведения о длине и морфем (Уров-

ни языка 1986). Эти сведения важны при морфемном анализе: должен быть изоморфизм длины слова (что можно установить и через длину слогов, и через длину морфем) и его глубины, причем в тексте и словаре изоморфные отношения между длиной и глубиной слова должны быть различными. Видимо, в сторону уменьшения колебаний бывает больше, поскольку средняя длина слова в тексте меньше, чем в словаре (и не только за счет аллегривной редуцированной речи), а именно - 5,4, по данным Л.Н.Засориной (1977, с.933) или -5,0, по данным Н.Д.Андреева (1967, с.247). На укорочение слова в спонтанной речи указывает О.Ф.Кривнова, полагая, что "укорочение... достигается... за счет увеличения числа односложных слов (редких в научной речи) и уменьшения числа слов со слоговой длиной больше трех слогов (в том числе четырех- и пятисложных, достаточно частых в научной речи): Это позволяет считать, что конкретная граница по длине слова в русской речи проходит между тремя и четырьмя слогами" (Кривнова 1982, с. 3). Уменьшение средней длины слова в тексте по сравнению со средней длиной слова в словаре, как уже указывалось (см. с.265), происходит за счет первой тысячи самых частотных слов русского языка.

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕНТАРЯ МОРФЕМ, РЕАЛИЗУЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ, ПО СРАВНЕНИЮ С ИНВЕНТАРЕМ МОРФЕМ, РЕАЛИЗУЮЩИХСЯ В СЛОВАРЕ

Запас морфем словаря и текста в основном совпадает. Исключением является лишь запас флексий, которых значительно меньше в словарных формах, чем в тексте (приблизительно 1:8). Данную пропорцию можно вывести на основании сведений, приводимых в кни-

ге З.М.Волоцкой, Т.Н.Молошной и Т.М.Николаевой (1964). Более того, по подсчетам Ю.Д.Апресяна и др., в составе парадигмы русского глагола содержится более 220 форм (Апресян и др. 1978, с.10).

Расхождения в альтернирующих морфмах (алломорфмах) корневых и суффиксальных морфем, незначительные в количественном отношении, заслуживают особого внимания, так как в строении некоторых парадигм (то есть в тексте) участвуют нередко альтернирующие морфмы корней или суффиксов, которые не встречаются в исходной (словарной) форме. Такие морфмы, являясь сигналами разнообразных определенных грамматических функций, выполняемых далеко не всегда и не всеми алломорфами, могут служить особыми приметами для распознавания текста. Вопрос о том, как осуществляется в языке противопоставление разных классов морфем с помощью фонологических средств, подробно рассматривается (для германских языков) Е.С.Кубряковой и Ю.Г.Панкрацем (1983. Ср. также: Бартош 1977; Касевич 1986).

Анализ текстовых алломорфов, отсутствующих в системе литературного языка, позволяет сделать любопытные наблюдения для других подсистем общенародного русского языка, в связи с чем рассмотрение специфичных текстовых алломорфов корней (в меньшей мере суффиксов) выделяется в отдельный параграф.

Корневые и суффиксальные алломорфы, специальные для текста и отсутствующие в словаре

Корневые и суффиксальные алломорфы в тексте отличаются от алломорфов в словаре. В отличие от словаря морфемы в тексте состоят из большего числа алломорфов, поскольку в тексте реализуются не только все словарные формы, но и формы словоизменения, по-

ую отличные - в силу морфологических закономерностей - от исходных, словарных форм (то есть форм им. п. ед. ч. и формы инфинитива).

Повышенное содержание новых по сравнению со словарем алломорфов в тексте наблюдается прежде всего за счет форм спряжения. Обычно новые, отсутствующие в словаре, алломорфы возникают при образовании форм прошедшего времени, типа брё-, вё-, вёз-, мё-, плё-, цвё-, шё- в словах брел, вел, вез, мел, плел, цвел, шел. а также 1 и 3 лиц. ед. ч. настоящего времени, например: обяж- в глаголе обяжет, виш- - в глаголе завишу, гляж- - в глаголе гляжу, леч- - в глаголе лечу (летать), виж- - в глаголе вижу, пояш- - в глаголе опояшу. Формы повелительного наклонения также дают не совпадающие с системными алломорфы, например: беј-, пеј-, шеј- (но не леј-, так как этот корень встречается и в словаре, ср. лей-к-а "сосуд для поливки"); ср. императив теш-и ("хоть кол на голове теши!") от глагола тесать.

Дополнительные по сравнению со словарем алломорфы в тексте возникают за счет форм склонения, в частности, особенно много за счет форм род. п. множ. ч. (-дупел- - при корне в системе -дупл-; -кнопок- - при словарных алломорфах -кнопк-, -кнопоч-; -банок- и -пятен- при наличии в системе -банк-, -баноч- и -пятн-) и кратких форм прилагательных (-полон- - при словарном морфе -полн-, -пресен- - при -пресн-, -тесен- - при -тесн- и т.д.). За счет вариативности в склонении, а именно - за счет вариантов род. п. множ. ч. (например, буден - будней), текстовые формы в отдельных случаях могут исчезнуть, уступив место род. п., который образуется от основы "системной", как в слове будни - будней, сосуществующей пока с формой буден.

Возможны отдельные текстовые устаревшие формы, сохранившиеся и широко употребляющиеся во фразеологических выражениях и в пословицах: почил в Бозе (в словаре есть только алломорфы -бог- и -бож-); темна вода во облацех (в словаре существуют только корни -облак- и -облач-); притча во языцех (в словаре есть алломорфы -язык- и -языч-); с холоду ежится, с голоду ичется (в словаре отмечается лишь корень -ик- -икать, икота) и т.п. (ср. также обороты с энклитической формой местоимения те вместо тебе: Вот те и на! Вот те раз! Вот те крест!).

Наконец, специфически текстовые морфемы (корни) появляются за счет уменьшительных, увеличительных, оценочных образований, не фиксированных словарями (в лучшем случае зарегистрированных среди новых словарных материалов (Котелова 1980), часто лишь сиюминутных слов: компаш-а (при корне -компан- в словаре), тон-яг-а (при корне -тонн- в словаре; ср. аналогичные случаи усечения корня - колонн-а и колон-к-а).

При склонении слов нередко изменяется и суффикс, но, как правило, возникшие варианты не являются абсолютно новыми по сравнению с имеющимися в словаре: селед-к-а и селед-ок-ѳ, ср. обратное соотношение - пирож-ок-ѳ и пирож-к-а. Однако при склонении слов с редкими, единичными суффиксами, часто испытывшими на себе процесс опрощения, в тексте обычно появляются новые алломорфы. Таковы суффиксы в словаре -утк/-уточ (прибаутка, прибауточник), -ынк/-ыноч (косынка, косыночка), -урк/-уроч (дочурка, дочурочка), -ульк/-улеч (танцулька, танцулечка) и т.п. и суффиксы в тексте -уток (прибауток, род. п. множ. ч.), -ынок (косынок), -урок (дочурок, печурок), -улек (танцулек) и т.д.

Дефектность парадигмы (особенно глагольной) создает иногда

двусмысленные варианты: неизвестно, можно или нельзя образовать формы 1 л. ед. ч. от глаголов пылесосить, гудеть и т.п. и какие они будут.

В общей сложности среди рассмотренных более чем 4000 корневых морфем русского языка, от которых образовано 52 тыс. русских слов, лишь 150 корней (3,61% от 4150) имеют в тексте такие алломорфы, которых не встречается в словаре, то есть они появляются только при склонении и спряжении, выполняя особые узкограмматические функции.

Алломорфы корней в диалектных текстах

Совершенно иная картина предстает при обращении к текстам других подсистем русского языка, особенно к диалектам, просторечию. В этих сферах текстовые алломорфы корня, обнаруженные в подсистеме литературного языка, оказываются уже словарными формами, то есть формами, присущими системе того или иного диалекта, например: в литературном языке корень -друз- (друзья) встречается только в парадигме множественного числа, а по говорам зафиксировано слово друз-як-а "уживчивый человек"; или: диал. корень -зол- (золкий, золить) при литературном словарном корне -зл- (злой, злить; ср. краткая форма прилагательного зол) и др.

Практически почти все "текстовые" корни литературного языка оказываются "системными", словарными формами в диалектах и просторечии.

Рассмотрение инвентаря морфем и структуры слов в тексте русского языка позволило установить в этой области следующие особенности текста:

- при сохранении средней глубины слова, свойственной словоформам словаря (4 ± 1 морфема), глубина различных текстовых форм

постоянно испытывает колебания то в сторону ее уменьшения, то в сторону увеличения;

- количество оморфемных префиксов, флексий и некоторых других морфем в составе слова увеличивается в тексте по сравнению со словарными формами;
- в тексте литературного языка отмечаются такие алломорфы корней, которые не встречаются в словаре, в то время как в диалектах корневые алломорфы текста и словаря, как правило, не отличаются друг от друга. Это обстоятельство лишний раз подтверждает необходимость и разумность при морфемном анализе привлекать весь доступный исследователю материал русского языка, взятый из всех его подсистем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Морфемика не может и не должна изучаться изолированно, вне связи с другими областями языка. Взаимодействуя с другими уровнями, подсистемами языка, морфемный подуровень участвует в образовании, организации системы языка в целом. По словам В.Крупа, "каждая система имеет периферию и ядро. Ядро является доминантой системы, которая представляет собой решающий внутрисистемный фактор развития и поведения" (Крупа 1980, с.163). Существование в языке центральной и периферийной зоны считается универсальным принципом структурирования любого языка на любом языковом уровне. Однако данный принцип структурирования языка, признаваемый всеми в общем виде, имеет в лингвистике различные интерпретации.

Идея сферического устройства языка, когда система языка представлена в виде сферы, ядро которой окружено периферическими словами, была высказана в свое время Л.В.Щербой и В.В.Виноградовым. Позднее В.В.Бабайцева дополнила её представлением о системе языка, состоящей из ряда пересекающихся кругов, в каждом из которых есть свои центральные и периферийные области и множество промежуточных, переходных, но нет единого центра для языка в целом.

В настоящей работе идея структурирования языка на центр и периферию пересмотрена с точки зрения многомерного признакового (параметрического) подхода к описанию языка, при котором много объектов рассматривается с помощью многих признаков, причем, чем больше признаков, тем полнее может быть описана та или иная система или подсистема языка. Подобный подход не оставляет никаких надежд на "единую, универсальную, оптимальную или единственно правильную классификацию" языковых фактов на центральные и периферийные. На месте одного понятия (центр - периферия), с жестки-

границами и простой делимостью, оказывается система взаимосвязанных понятий, позволяющая дать разностороннее описание сложного, многомерного явления в разных аспектах его функционирования.

По каждому признаку, релевантному для поставленной задачи, можно установить центральные и периферийные явления (однопризиковое периферийное пространство). При этом невозможно изучать периферийные явления без всякого соотнесения их с явлениями центра; в результате сквозь призму подробно рассмотренных в работе периферийных явлений оказались по-новому увиденные многие и центральные явления русской морфемки. Если по какому-либо признаку нельзя выделить периферию, противостоящую центру, то такой параметр надо признать нерелевантным для структурирования.

Понятие периферии получило количественную оценку. К количественным критериям, наиболее пригодным для выделения периферийных явлений в языке, относится размер класса, который условно определяется в данной работе в 10%. Периферийное явление - отклонение величины, характерной для подавляющего большинства языковых явлений (языковых единиц), охватывающих до 90% языковых фактов, проанализированных по выбранному исследователем признаку и принятому за эталон.

Одно и то же явление языка может быть отнесено под одним углом зрения к центру, под другим - к периферии: иначе говоря, все зависит не только от выбранного параметра, но и от точки отсчета. Например, оморфные отношения суффиксов с корнями и префиксами (веклассная оморфия) охватывают около 20% всех суффиксов при составлении их со всеми суффиксами языка; вместе с тем, по отношению к полному инвентарю основных морфем в языке, включающему и корни, и префиксы, и суффиксы, оморфные суффиксы составляют лишь

от числа всех морфем основ; оморффия среди суффиксов, то есть интраклассная оморффия, равняется 4%.

Часть периферийных явлений находится в отношении корреляции, образуя пучки, целый веер периферийных явлений; другая часть оказывается изолированной. Богатые возможности открываются перед исследователем в поисках коррелирующих языковых явлений, как периферийных, так и центральных. Как и всякая задача большой размерности, эта проблема максимально полным образом может быть решена с помощью ЭВМ, но в ряде случаев она получила свое решение и в самостоятельной работе. На основании установленных корреляций были обнаружены причинные связи, общие закономерности проанализированных периферийных явлений.

Рассмотренные со многих разных и неожиданных точек зрения, морфемные явления образуют причудливые сплетения, часто с большим трудом поддающиеся раскрытию. Морфемную структуру языка в целом можно назвать, перефразируя Торнтон Уайлдера, "цельнотканым гобеленом": "Напрасны попытки выхватить из него взглядом кусок шириною больше ладони... Немало споров идет о рисунке, который выткан на гобелене. Иным кажется, будто они видят его. Иные видят лишь то, что им велят увидеть. Иным помнится, что когда-то они видели этот рисунок, но потом позабыли... Иные черпают силу в убеждении, что рисунка вообще никакого нет".

Особенно четкий рисунок виден при анализе глубины слова - количества морфем в слове: более 87% русских слов состоит из 4 ± 1 морфема. Фактор глубины слова выполняет роль регулятора в образовании новых слов и потому может быть назван законом морфмостроения слова, которому подчиняется более 90% вновь образуемых слов в языке. Слова меньшей или большей, чем 4 ± 1 морфема,

глубины составляют периферийные области языка по признаку количества морфем в слове.

В работе исследовано более 20 периферийных явлений, имеющих место в структуре слова и в инвентаре морфем. Количество периферийных явлений соответствует количеству признаков, релевантных для процедуры обнаружения периферии. Отдельные признаки, видимо, пригодны только для анализа русских морфем и структур слов; большинство же параметров может быть использовано при анализе морфемики и других флективных языков, а некоторые даже - для анализа агглютинативных и корневых языков.

Анализ многих периферийных явлений показал, что в области морфемики, как и в других языковых сферах, действует закон экономии языковых усилий, который проявляется, в частности, в наличии в структуре слов рекуррентных аффиксов (словообразовательных кругов), случаев аффиксальных метатез, в существовании морфемных блоков, выполняющих роль связующих звеньев между морфемикой и словообразованием. При этом экономия в плане выражения обычно вызывает избыточность в плане содержания и наоборот.

Периферийные явления в языке оттеняют, подчеркивают особенности, закономерности центра и - одновременно - хранят в себе много тайн прошлого развития языка и зародыши будущих изменений, благодаря чему представляют непреходящий интерес для исследователя.

Акцентирование внимания на разного рода раритетах морфемики позволило продемонстрировать во всей полноте неоднородный характер инвентаря морфем, наметить новые возможные пути для осуществления классификаций морфем с учетом нескольких различных параметров.

Сам инвентарь морфем, исследованных путем параметризации, был получен в результате использования хорошо известной сопоставительной методики членения слов, которая, впрочем, подверглась некоторому корригированию: 1) для сравнения однокоренных слов русского происхождения или давно обрусевших) привлекались слова всех подсистем русского языка, поскольку в подавляющем своем большинстве слова всех подсистем устроены из одних и тех же морфем и соединяются по одним и тем же законам; кроме того, любое слово любой подсистемы может быть употреблено в другой подсистеме; 2) при сравнении слов центр тяжести перенесен с семантического критерия на формальный, на структуру слова (это означает, что исследование ведется от формы к содержанию, и форме уделяется внимания больше, чем значению, вследствие чего материал легко доступен машинной обработке). Благодаря этим дополнениям удалось вскрыть в слове напластование морфем более древние, чем это кажется при первом взгляде на слово (принцип синхронности при этом соблюдается неукоснительно).

Поиски в системе языка и ее подсистемах центральных и периферийных явлений или целых зон пересечения однопризнаковых периферийных пространств могут дать практический выход, например, могут помочь решению ряда научно-педагогических задач, поскольку при обучении русскому языку (как говорящих на русском языке, так и иностранцев) полезно выделить минимум (морфологический, синтаксический, лексический), который обеспечил бы основы владения языком, как устным, так и письменным. На последующих этапах обучения языку, наоборот, можно обращаться к его периферийным явлениям. Знание того, как устроены слова, какова их средняя и предельная глубина, что характерно для слов

ольшой глубины, в чем специфика строения разных частей речи и т.п., может быть привлечено при изучении русского языка как иностранного; все эти сведения позволяют также точнее судить о словотворчестве писателей.

Учет подразделения языковых явлений на центральные и периферийные может быть полезен при реферировании, когда сохраняется ядро и редуцируется периферия.

Достаточно полные сведения, накопленные современной лингвистикой, об инвентаре морфем, исследованном с различных точек зрения и содержащем в своем составе весьма разнородные единицы, а также знания о внутрисловных структурах слова и некоторых закономерностях морфного строения слова вплотную подводят современную морфемику к проблеме создания общей теории морфемы — единицы, справедливо претендующей на положение основной единицы языка. Настоящая работа — теоретический и практический вклад в разработку данной проблемы.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Г - 70 : Грамматика современного русского литературного языка. - М: Наука, 1970. - 767 с.
- Адамец 1965: Адамец П.К вопросу о трансформационном анализе предложений без номинатива и с неядерным номинативом в современном русском языке. // Slavica Pragensia. - 1965. - V. 11. - S. 63-80.
- Адливанкин 1962: Адливанкин С.Ю. Об одной словообразовательной модели в современном русском языке (существительные с суффиксом -инк-а). // Уч. Зап. Пермского гос.ун-та им. М.Горького. - Пермь, 1962. - Т. XXII, вып. 1. - С. 87-93.
- Адмони 1964: Адмони В.Г. Основы теории грамматики. - М.-Л.: Наука, 1964. - 105 с.
- Адмони 1968: Адмони В.Г. Полевая природа частей речи (на материале числительных). // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. - Л., 1968. - С. 98-106.
- Азарх 1981: Азарх Ю.С. Центр и периферия в деривации суффиксальных имен существительных русского языка. // Тезисы докл. конф. "Проблемы дериватологии". - Пермь, 1981. - Вып.П. - С.3-4.
- Азарх 1984: Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. - М.: Наука, 1984, - 247 с. (особенно с.50-78)
- Акимова, Нукалова 1982: Акимова Н.Ф., Нукалова В.И. К вопросу о словообразовательных асимметричных связях эмоциональной лексики (на материале французского языка). // Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц различных языковых уровней. - Барнаул, 1982. - С. 26-42.

- Алпатов 1980: Алпатов В.М. Морфема и субморф // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). - М.: Наука, 1980. - С. 6-9.
- Алпатов 1982: Алпатов В.М. О разных значениях термина "Факультативность". // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 7-12.
- Алпатов 1982²: Алпатов В.М. О двух подходах к выделению основных единиц языка. // ВЯ. - 1982. - № 6. - С. 66-73.
- Андреев 1967: Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. - Л., 1967. - 404 с.
- Андреев 1975: Андреев Н.Д. Структурно-вероятностная типология отношений между семантикой слова и его грамматическими категориями. // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. - М.: Наука, 1975. - С. 77-90.
- Андреева 1972: Андреева И.П. Структурно-семантические особенности функционирования малопродуктивных суффиксов -ун, -ня, -ыш в современном русском языке: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1972. - 22 с.
- Андреева 1974: Андреева Л.Д. Доминантные и периферийные элементы языка. // Структурно-вероятностный анализ языка и речи. - Таллин, 1974.
- Андреевская 1987: Андреевская А.В. Принципы составления и информативные возможности словаря корневых слов (на материале корневых слов русского языка XI-XX веков): дипломная работа, рукопись. - М.: МГУ, 1987. - 83 + 869 с.
- Андрющенко 1985: Андрющенко В.М. Машинный фонд русского языка: постановка задачи и практические шаги. // ВЯ. - 1985. - № 2. - С. 54-64.

- Антышев 1979: Антышев А.Н. Морфемика основообразования в грамматике и словообразовании (на материале сильных глаголов немецкого языка). // Тезисы докл. конф. "Словообразование и фразообразование" МТИИЯ им.М.Тореза. - М., 1979. - С. 11-12.
- Апресян и др. 1978: Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Крысин Л.П., Лазурский А.В., Перцов Н.В., Санников В.З. Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения (предварительная публикация АН СССР). - М.: Наука, 1978. - 47 с.
- Апресян 1980: Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл - текст". - Вена, 1980. - 119 с.
- Аракин 1979: Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. - Л.: Просвещение, 1979. - 259 с.
- Аркадьева 1972: Аркадьева Т.Г. К вопросу о деэтимологизации слова. // XXV Герценовские чтения. - Л., 1972. - С. 28-31
- Аркадьева 1973: Аркадьева Т.Г. Деэтимологизация и ее обусловленность в русском языке: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Л., 1973. - 18 с.
- Артемов 1972: Артемов А.М. Множественность словообразовательной структуры глаголов на -ничать в современном русском языке. // Труды Самаркандского гос. ун-та, Новая серия "Русское словообразование". - Самарканд, 1972. - № 209. - С. 175-182.
- Арутюнова 1968: Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка. // Исследования по общей теории грамматики. - М.: Наука, 1968. - С. 58-116.
- Асиновский 1986: Асиновский А.С. Выступление в дискуссии о машинном фонде русского языка. // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. - М.: Наука, 1986. - С. 157-158.

- Бабайцева 1967: Бабайцева В.В. Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений. - Воронеж, 1967. - 391 с.
- Бабайцева 1971: Бабайцева В.В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка. // РЯШ. - 1971. - № 3. - С. 81-84.
- Бабайцева 1983: Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка. // Филологические науки. - М., 1983. - № 5. - С. 35-42.
- Барнет 1966: Barnett V. О морфологических противопоставлениях в структурной диахронии. // TLP - Prague, 1966. - 2. - с. 193-205.
- Бартков 1979: Бартков Б.И. О статусе некоторых постфиксальных словообразовательных формантов в современном английском языке. // Особенности аффиксального словообразования в терминосистемах и норме. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. - С. 63-91.
- Бартков 1980: Бартков Б.И. Английские суффиксоиды, полусуффиксы, суффиксы и словарь 100 словообразовательных формантов современного английского языка (научный стиль и литературная норма). // Аффиксоиды, полуаффиксы и аффиксы в научном стиле и литературной норме. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1980. - С. 3-62.
- Бартков 1982: Бартков Б.И. Количественное представление деривационной подсистемы и экспериментальный словарь 100 словообразовательных формантов русского языка (научный стиль и литературная норма). // Особенности словообразования в научном стиле и литературной норме. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. - С. 114 - 163.

- Бартков 1986: Бартков Б.И. Дериватография украинского языка и количественный деривативный 100 аффиксов, полуаффиксов и аффиксоидов научного стиля и литературной нормы. // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. - Владивосток ДВНЦ АН СССР, 1986. - С. 8 - 58.
- Бартков, Мельникова, Алексеенко, Ланевский 1979; Бартков Б.И., Мельникова Т.Н., Алексеенко Т.А., Ланевский А.В. Параллельные одноосновные разнородные дериваты в английском, немецком и испанском языках и роль фонеморфологических факторов в их образовании. // Особенности аффиксального словообразования в терминотемах и норме. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1979. - С. 63-91.
- Бартош 1977: Бартош П.А. О вариативности корневой морфемы (на материале словообразовательных гнезд современного немецкого языка): автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Минск, 1977. - 24 с.
- Баудер 1982: Баудер А.Я. Части речи - структурно-семантические классы слов в современном русском языке. - Таллин, 1982. - 184 с. (Валтус,)
- Бауер 1966: Bauer J. Phénomènes centraux et périphériques dans l'évolution du système syntaxique de la langue tchèque. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 225-238.
- Белошапкина, Шмелева 1981: Белошапкина В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения. // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. - 1981. - № 2. С. 43-51.
- Белошапкина 1981: Современный русский язык (авторы: В.А.Белошапкина, Е.А.Земская, И.Т.Милославский, М.В.Панов). Под ред. В.А.Белошапкиной. - М.: Высшая школа, 1981. - 560 с.

Белый 1977: Белый В.В. Американская дескриптивная лингвистика.

// Философские основы зарубежных направлений в языкознании.

- М., 1977. - С. 158-203

Беляева 1977: Беляева Е.И. К проблеме лексико-грамматических полей в языке (на материале микрополей возможности и вынужденности в английском и русском языках): автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Воронеж, 1977. - 23 с.

Бергельсон, Кибрик 1981: Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический "принцип приоритета" и его отражение в грамматике языка. // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. - М., 1981. - Т. 40, № 4. - С. 343-355.

Бережан 1967: Бережан С.Г. О синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью. // Лексическая синонимия. - М., 1967. - С. 142-151.

Беркетова 1984: Беркетова З.В. Иерархические и параллельные связи мотивационных полей современного немецкого языка. // ВЯ. - 1984. - № 4. - С. 131-139.

Беспаленко 1984: Беспаленко А.М. Значимость морфонологических явлений в корне слова при отглагольном словообразовании: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Киев, 1984. - 24 с.

Безпояско, Городенская 1987: Безпояско О.К., Городенська К.Г. Морфеміка української мови. - Київ: Наукова Думка, 1987. - 211 с.

Бланар 1968: Blanar V. Die Einbürgerung entlehnter Wörter in graphischer Darstellung. // TLP. - Prague, 1968. - V. 3. - S. 155-178.

Блок, Трейджер 1942: Bloch B., Trager G. Outline of linguistic analysis. - Baltimore, 1942. - 82 p.

Блумфильд 1968: Блумфильд Л. Язык (1933). - М.: Прогресс, 1968. - 607 с.

Богданов 1980: Богданов С.И. Семантика морфемы и способы ее определения в современной морфологии. // Вестник ЛГУ. - 1980. - № 14. - С. 82-86.

Богданов 1984: Богданов С.И. Собственно морфемный анализ и морфологическая интерпретация структурно элементарной лексики русского языка: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Л., 1984. - 18 с.

Богданов 1986: Богданов С.И. Одноморфемные слова или простые знаки? // Вестник ЛГУ. Сер. 2. - 1986. - вып. 2. - С. 57-61.

Богданов 1987: Богданов С.И. Морфемные структуры в системе морфологических форм. // Морфемика. Принципы и методы системного описания. - Л., 1987. - С. 16 - 26.

Богданов, Евтюхин 1982: см. Динамика структуры 1982.

Богданов, Евтюхин 1983: Богданов С.И., Евтюхин В.Б. Задачи описания разновидностей внутренней структуры русской словоформы (проблемы формообразовательного и морфемного типов анализа). // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. К IX Международному съезду славистов. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. - С. 79-98.

Богданова, Юдина 1984: Богданова Н.В., Юдина Л.С. К проблеме способа статистического описания вокалической структуры русского слова. // Лингвистика и модели речевого поведения. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. - С. 122-129.

Богородицкий 1915: Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению. - Казань, 1915. - С. 153-158.

Богородицкий 1933: Богородицкий В.А. Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. - Казань, Татиздат, 1933. - X+156 с.

Бондарко 1968: Бондарко А.В. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий): автореф. дис. на соискание уч. степ. доктора филологических наук. - Л., 1968. - 36 с.

Бондарко 1971: Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. - 115 с. (особенно с. 20-32).

Бондарко 1978: Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. - 175 с. (особенно с. 149-169).

Бондарко 1981: Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики (на материале русского языка). // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. - 1981. - Т. 40, № 6. - С. 483-495.

Бондарко 1983: Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. - 208 с.

Бондарко 1984а : Бондарко А.В. Функционально-семантические поля в сопоставительном аспекте. // Тезисы докл. III Всесоюзной конф. по теоретическим вопросам языкознания. "Типы языковых общностей и методы их изучения". - М., 1984. - С. 18-20.

Бондарко 1984б: Бондарко А.В. Теория значения в аспектологических исследованиях. // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. - С. 5-21.

- Бондарко, Величко, Загоруйко 1982: Бондарко Л.В., Величко В.М., Загоруйко Н.Г. Словообразовательный словарь и его использование для автоматического распознавания речи. // Автоматическое распознавание слуховых образов. - Киев, ¹⁹⁸² - С. 337-339.
- Бондарко, Саламатина, Юдина 1984: Бондарко Л.В., Саламатина Н.В., Юдина Л.С. Фонетические характеристики корневых морфем русского языка. По данным автоматической обработки словаря. // Экспериментально-фонетический анализ речи. Проблемы и методы. - Вып. I, Л., 1984. - С. 65-73.
- Бородкин 1986: Бородкин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. - 188 с.
- Босак 1977: Bosák J. Worfémy a submorfy. // Jazykovedné štúdie. Ružičkov zborník. - Bratislava, 1977. - XIII. - S. 45-51.
- Брагина 1977: Брагина А.А. Чужое - свое (от заимствования к словотворчеству). // Грамматика и норма. - М.: Наука, 1977. - С. 250-267.
- Брайкова 1976: Braikova Chr. A system for automatic segmentation of Bulgarian Wordforms into Morphemes. // Использование математических моделей и ЭВМ в лингвистике. - София, 1976. - С. 323-326.
- Буранов 1963: Буранов Дж. Происхождение и развитие полусуффикса -man в английском языке: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. - 22 с.
- Бурлакова 1968: Бурлакова В.В. Иерархия синтаксических отношений внутри словосочетания в современном английском языке. // Проблемы германской филологии. - Рига, 1968. - С. 43-52.

- Буслаев 1959: Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. - М.: Учпедгиз, 1959. - 623 с.
- Вандриес 1937: Вандриес Ж. Язык. - М.: Соцэкгиз, 1937. - 410 с.
- Варбот 1969: Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. - М.: Наука, 1969. - 229 с.
- Варбот 1984: Варбот Ж.Ж. Праславянская морфология. Словообразование и этимология. - М.: Наука, 1984. - 255 с.
- Василевская 1972: Василевская Л.И. Словообразовательная омонимия и словообразовательная вариативность (синонимия). // АПРС. - Самарканд, 1972. - Т. I. - С. 123-125.
- Васильев 1962: Васильев А.И. Оморфемность словообразовательных суффиксов существительных. // Уч. зап. Киргизского гос. ун-та. - Фрунзе, 1962. - Вып. 8. - С. 50-56.
- Вахек 1966: Vachek J. On the integration of the peripheral elements into the system of language. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 23-37.
- Вейль 1968: Вейль Г. Симметрия. - М.: Наука, 1968. - 191 с.
- Вейнрейх 1970: Вейнрейх У. О семантической структуре языка (1961-1965). // Новое в лингвистике. - М.: Прогресс, 1970. - Вып. V. - С. 163-249.
- Вербицкая 1979: Вербицкая Л.А. К вопросу о соотношении нормы и вариантов. // Звуковой строй языка. - М., 1979. - С. 38-43.
- Верещагин, Костомаров 1983: Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М.: Русский язык, 1983. - 269 с.

- Виноградов 1938: Виноградов В.В. Современный русский язык. - М.: Учпедгиз, 1938. - Вып. I-II. - 160 + 592 с.
- Виноградов 1947: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). - М.-Л.: Учпедгиз, 1947. - 784 с.
- Виноградов 1975: Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике (статьи: О грамматической омонимии в современном русском языке. - С. 13-32; Вопросы современного русского словообразования. - С. 155-165; Об омонимии и смежных явлениях. - С. 295-312). - М.: Наука, 1975. - 559 с.
- Виноградов 1980: Виноградов В.В. О художественной прозе (1930). // Избранные труды. О языке художественной прозы. - М.: Наука, 1980. - С. 55-175.
- Виноградова 1984: Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. - М.: Наука, 1984. - 184 с.
- Винокур 1959: Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию (1946). // Избранные работы по русскому языку. - М.: Учпедгиз, 1959. - С. 419-442.
- Волков 1963: Волков С.С. Наблюдения над производными бессуффиксными существительными в актах начала ХУП в. // Вопросы теории и истории языка. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. - С. 53-66.
- Волоцкая, Молошная, Николаева 1964: Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. - М.: Наука, 1964. - 186 с.
- Ворд 1965: Ward D. The Russian Language today. System and Anomaly. - London, 1965. - 297 p.

- Ворожцов 1978: Ворожцов Б.Н. Синтаксическая конструкция и словообразовательная модель (на материале отыменных глаголов современного французского языка): автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1978. - 23 с.
- Ворожцов 1982: Ворожцов Б.Н. Об эксплицитном представлении формально-содержательной асимметрии в словообразовании (на материале отыменных глаголов французского языка). // Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц различных языковых уровней. - Барнаул. 1982. - С. 42-50.
- Восточное языкознание 1982: Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - 151 с.
- Гак 1978: Гак В.Г. Межъязыковая асимметрия и прогнозирование трансформаций при переводе. // Сб. научн. трудов МГПИИЯ. - М., 1978. - Вып. 127. - С. 14-20.
- Гак 1979: Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. - М., 1979. - 304 с.
- Гамкрелидзе, Елизаренкова, Иванов 1977: Гамкрелидзе Т.В., Елизаренкова Т.Я., Иванов В.В. Лингвистическая теория Р.О.Якобсона в работах советских лингвистов. // Roman Jakobson. Echoes of his scholarship. - Lisse, 1977. - P. 91-121.
- Гвенцадзе 1983: Гвенцадзе Ц.А. Константность и вариативность фонотактических элементов. // ВЯ. - 1983. - № 5. - С. 50-58.
- Гендлина 1980: Гендлина И.Е. Определение некоторых терминов теории классификации. // Научно-техническая информация. - М., 1980. - Сер. 2, № 7. - С. 1-6.
- Герд 1964: Герд А.С. О статистическом распределении структурных типов слов и морфем, их образующих. // Материалы конференции "Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследие Е.Д.Поливанова". - Самарканд, 1964. - Т. I. - С. 77-78.

- Герд 1973: Герд А.С. Структурные типы слов в современном русском языке. // Исследование по грамматике русского языка. - Л., 1973. - Вып. 5. - С. 56-66.
- Герд 1974: Герд А.С. Статистика русских словообразовательных типов. // Тези доповідей та повідомлень міжвузської наукової конференції з питань східно-слов'янського іменного словотвору. - Київ, 1974. - С. 14-15.
- Герд 1983: Герд А.С. Морфологическая сегментация текста и параметрическая характеристика морфем. // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. - Л., 1983. - С. 151-156.
- Герд 1986: Герд А.С. Русская морфология и машинный фонд русского языка. // ВЯ. - 1986. - № 6. - С. 90-96
- Гимпелевич 1977: Гимпелевич В.С. Развитие моделей оформления рода иноязычных существительных в русском языке (по данным статистического анализа). // Языковая норма и статистика. - М.: Наука, 1977. - С. 189-207.
- Гинзбург 1972: Гинзбург Е.Л. Слово как членимое единство или как комбинация морфем? // Уч. Зап. Пермского Гос. ун-та. Вопросы грамматики. - Пермь, 1972. - № 243. - С. 44-57.
- Гловинская 1972: Гловинская М.Я. Морфемная членимость слова в связи с его фразеологизацией. // АПРС. - Самарканд, 1972, - Т. I. - С. 88-94
- Граудина 1977: Граудина Л.К. Словоизменительные варианты: вес переменных элементов в грамматике (формы существительных). // Грамматика и норма. - М.: Наука, 1977. - С. 144-170.
- Граудина 1977а: Граудина Л.К. Статистический критерий грамматической нормы. // Языковая норма и статистика. - М.: Наука, 1977. - С. 135-173.

- Григорян 1981: Григорян Э.А. Принципы классификации суффиксоидов (на материале сложных существительных с корнями глаголов движения в опорном компоненте). // Филологические науки. - М., 1981. - № 3 (123). - С. 55-61.
- Гринберг 1963: Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической классификации языков. // Новое в лингвистике. - М.: Изд-во Иностранной литературы, 1963. - Вып.3. - С. 60-94.
- Грушкина 1980: Грушкина Е.В. Периферийные компоненты темпоральности в энецком языке (на материале диалекта маду). // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. - С.55-61.
- Гулыга, Шендельс 1969: Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. - М.: 1969. - 184 с. Просвещение,
- Гухман 1971: Гухман М.М. Единицы анализа словоизменительной системы и понятие поля. // Фонетика, фонология. Грамматика (к 70-летию А.А.Фефформатского). - М.: Наука, 1971. - С. 163-170.
- Гуцу 1975: Гуцу Е.Г. Функционально-семантическое микрополе предположительно-вероятной модальности и средства ее выражения в современном французском языке: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1975. - 28 с.
- Данеш 1966: Daneš F. The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 9-21.
- Даниленко 1963: Даниленко В.П. О словообразовании глаголов на -ничать в современном русском языке советского периода. // Развитие современного русского языка. - М.: Наука, 1963. - С. 98-108.

- Даунене, Судавичене 1971: Даунене З.П., Судавичене Л.В. О некоторых грамматических особенностях имен прилагательных, обозначающих цвет // РЯШ. - 1971. - № 1. - С. 97-100.
- Демьянков 1985: Демьянков В.З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. - 76 с.
- Динамика структуры 1982: Динамика структуры современного русского языка. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. - 136 с.
(Раздел "Динамические аспекты внутрисловных структур" написан С.И.Богдановым и В.Б.Евтюхиным. - С. 76-85).
- Добрев, Киркова 1976: Добрев Д.М., Киркова Р.К. Программное обеспечение автоматизированного анализа семантического содержания текстов. // Использование математических моделей и ЭВМ в лингвистике. - София, 1976. - С. 207-210.
- Драганов 1979: Драганов А.К. Семантические связи в системе и тексте. // Вопросы лингвистики текста. - Грозный, 1979. - С. 68-76.
- Едличка 1973: Jedlička A. K pojetí a vymezení knižnosti. // Slovo a slovesnost. - Praha, 1973. - V. 34, N 1. - S. 92-97.
- Елизаренкова 1982: Елизаренкова Т.Я. О факультативности и ее особенностях в древнеиндийском языке. // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 36-42.
- Елитте 1982: Jelitte H. Die abstrakten Nominalbildungen im Russischen. Ein Beitrag zur altrussischen Wortbildung und Wortforschung. - Frankfurt am Main. Bern, 1982. - Teil 1,2. - 280+453 S.
- Елитте 1984: Jelitte H. Die russischen Nomina abstrakts des 18. und beginnenden 19. Jahrhunderts. - Frankfurt am Main, Bern, New York, Nancy, 1984. - 533 S.

- Ермакова 1980: Ермакова О.П. Типы связанных корней и принципы определения их значений // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). - М.: Наука, 1980. - С. 45-50.
- Ермакова 1981: Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных и членимых слов. // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. - 1981. - Т.40, - № 2. - С. 156-164.
- Ефремова 1968: Ефремова Т.Ф. Несколько замечаний о структурных типах единиц морфемного уровня. // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. - С. 56-73.
- Ефремова 1969: Ефремова Т.Ф. Опыт составления словаря морфем русского языка. // РЯНШ. - 1969. - № 4. - С. 7-15.
- Ефремова 1970: Ефремова Т.Ф. Опыт описания современного русского языка на уровне морфем: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1970. - 24 с.
- Живов 1973: Живов В.М. Центр и периферия в фонологической организации слова. // Лингвотипологические исследования. - Вып. I, ч. I, - М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. - С.80-163.
- Живов, Успенский 1973: Живов В.М., Успенский Б.А. : Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий. // ВЯ. - 1973. - № 5. - С. 24-35.
- Жигачева 1976: Жигачева Э.Г. Стратификация общей лексики. // Вопросы прикладной лингвистики. - Днепропетровск, 1976. - Вып. 6. - С. 15-21.
- Жукова 1980: Жукова Н.С. Взаимодействие единиц различных уровней и явления синкретизма и омонимии в морфологии. // Сб. научных трудов "Вопросы грамматики германских языков". МГПИИЯ им. М.Тореза. - М., 1980. - Вып. 161. - С. 33-45.

- Журавлев 1986: Журавлев В.К. Диахроническая фонология. - М.: Наука, 1986. - С. 83-87.
- Загвоздина 1971: Загвоздина Т.А. "Междугородный" или "междугородний". // РЯШ. - 1971. - № 1. - С. 8-13.
- Захарова 1983: Захарова О.В. Периферийные явления в области русских местоимений: дипломная работа, МГУ. - М., 1983. - 90 с.
- Зеленин 1911: Зеленин Д.К. "Обыденные" полотенца и обыденные храмы (русские народные обычаи) // Живая старина. - СПб., 1911. - Т. XX, вып. 1. - С. 1-20.
- Земская 1964: Земская Е.А. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке. // ВЯ. - 1964. - № 2. - С. 84-88.
- Земская 1973: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. - М.: Просвещение, 1973. - 304 с.
- Земская 1980: Земская Е.А. Теология квазиморфем в русском языке. // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). - М.: Наука, 1980. - С. 54-56.
- Земская 1981: см. Белошапкова 1981
- Земская 1987: Земская Е.А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика. Принципы и методы системного описания. - Л., 1987. - С. 65-73.
- Золотова 1974: Золотова Г.А. О характере норм в синтаксисе. // Синтаксис и норма. - М.: Наука, 1974. - С. 145-175
- Золотова 1982: Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982. - 368 с.
- Зятковская 1971: Зятковская Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка. - М.: Просвещение, 1971. - 181 с.

- Иванов, Топоров 1977: Иванов В.В., Топоров В.Н. Вклад Р.О.Якобсона в славянские и индоевропейские фольклорные и мифологические исследования. // Roman Jakobson. Echoes of his Scholarship. - Lisse, 1977. - P. 285-308.
- Ильина 1974: Ильина Н.Е. Социальное распределение глагольных вариантов. // Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения. Под ред. Л.П.Крысина. - М.: Наука, 1974. - С. 199-223.
- Истрина 1948: Истрина Е.С. Нормы русского литературного языка и культуры речи. - М.-Л., 1948. - 31 с.
- Ицкович 1982: Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. - М.: Наука, 1982. - 199 с.
- Йоссельсон 1966: Йоссельсон Г.Г. Подсчет слов и частотный анализ грамматических категорий русского литературного языка (1953). // Автоматизация в лингвистике. -М.-Л.: Наука, 1966. - С. 105-127.
- Кантино 1972: Кантино Ж.П. Сигнификативные оппозиции (1952). // Принципы типологического анализа языков различного строя. - М.: Наука, 1972. - С. 61-94
- Карлсен, Эдвардс 1955: Carlsen J.M. and Edwards P.M.H. A numericon of Russian inflections and stress patterns. A guide for students of Russian. - Vancouver, Canada, 1955. - 213 p. /рец./ Кузнецова А.И. // ВЯ. - 1957. - №4. - С. 121.
- Карцевский 1965: Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака (1929) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX - XX вв. в очерках и извлечениях. - М.: Учпедгиз, 1965. - С. 85-90.

- Касевич 1977: Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. - М.: Наука, 1977. - 184 .
- Касевич 1986: Касевич В.Б. Морфология. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. - 161 с.
- Кацнельсон 1948: Кацнельсон С.Д. О грамматической категории. // Вестник ЛГУ. - 1948. - № 2. - С. 114-134.
- Ким 1980: Ким О.М. Об омонимии существительных с наречиями // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы III Республиканской научной конференции. - Ташкент, 1980. - Ч. II - С. 11-17.
- Киселева 1982: Киселева Л.Н. Несколько замечаний по вопросу о факультативности. // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 43-47.
- Китайгородская 1975: Китайгородская М.В. О членимости слов типа поляночка. // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. - М.: Наука, 1975. - С. 219-221.
- Клименко 1970: Клименко Н.Ф. Система аффиксального словообразования современного украинского языка (на основе аппликативной порождающей модели): автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Киев, 1970. - 23 с.
- Клименко 1973: Клименко Н.Ф. Система аффиксального словотворения сучасної української мови. - Київ: Вид-во "Наукова Думка", 1973. - 186 с.
- Клименко 1978: Клименко Н.Ф. Парадигмы словоизменения прилагательных в современном украинском языке. // Структурная и математическая лингвистика. - Киев, Изд-во Киевского гос. ун-та, 1978. - Вып. 6. - С. 25-33.

- Клименко 1981: Клименко Н.Ф. Потенциальные и реализованные слова. // Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. - Киев, 1981. - С. 129-146.
- Кнорина 1978: Кнорина Л.В. Освоение новых слов в связи с тенденцией русского языка к аналитизму. // Языковая практика и теория языка. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. - С.82-89.
- Козлова 1982: Козлова Л.А. Субстантивация прилагательных в аспекте формально-содержательной асимметрии языкового янана (на материале английского языка). // Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц различных языковых уровней. - Барнаул, 1982. - С. 83-90.
- Колесникова 1982: Колесникова В.С. Об асимметрии в сложных предложениях с двумя однородными подчиненными предложениями в современном немецком языке. // Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц различных языковых уровней. - Барнаул, 1982. - С. 90-102.
- Комарова 1981: Комарова Л.И. Вероятность как мера возможного в языке. // Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. - Киев, 1981. - С. 102-114.
- Комри, Стоун 1978: Comrie B., Stone G. The Russian language since the revolution. - Oxford, 1978. - 258 p.
- Конецкая 1968: Конецкая В.П.
- Конецкая 1979: Конецкая В.П. К типологии словообразовательных гнезд. // Тезисы докл. конф. "Словообразование и фразеобразование" МГПИИЯ им.М.Тореза. - М., 1979. - С. 46-48.
- Конецкая 1984: Конецкая В.П. О системности лексики. // ВЯ. - 1984. - № 1. - С. 26-35.

- Королев 1980: Королев Н.И. Основные черты морфологической структуры глагола в гималайских языках // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). - М., 1980. - С. 71-76.
- Корсакова, Меньшиков, Мордань, Ткачук 1976: Корсакова Т.В., Меньшиков И.И., Мордань В.И., Ткачук В.И. К вопросу об определении средней длины слова. // Вопросы прикладной лингвистики. - Днепропетровск, 1976. - Вып. 6. - С. 79-82.
- Косериу 1963: Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (1958). // Новое в лингвистике. - М.: Изд-во Иностранной литературы, 1963. - Вып. IV. - С. 143-342.
- Костинский 1977: Костинский Ю.М. К оценке и возможной активизации лексического потенциала языка. // Литературная норма и просторечие. - М.: Наука, 1977. - С. 118-146.
- Красильникова 1978: Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1970-1973 гг. Словообразование. Под ред. Ф.П.Филина. - М.: Наука, 1978. - С. 44-100. (Раздел "Структура слова").
- Красильникова 1982: Красильникова Е.В. Инвентарь морфем // Способы номинации в современном русском языке. - М.: Наука, 1982. - С. 133-158.
- Кржижкова 1966: Křížková H. Первичные и вторичные функции и т.наз. транспозиция форм. // TLP. - Prague, 1966. - v. 2. - S. 171-182.
- Кривнова 1982: Кривнова О.Ф. Ритмика фонетического слова в разных видах русской прозаической речи. // Тезисы докладов и сообщений XII Всесоюзного семинара "Автоматическое распознавание слуховых образов" (АРСО - 12). - Киев, 1982. - 4 с. + 4 табл. + 3 графика.

- Кроккетт 1976: Crockett D.B. Agreement in contemporary standard Russian. - Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1976. - 456 p.
- Крупа 1980: Krupa V. Jednota a variabilita jazyka (Systémový prístup a tzv. exotické jazyky). - Bratislava: Veda, 1980. - 166 s.
- Крушевский 1891: Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. - Казань, 1883. - 151 с.
- Крылов 1960; Крылов Н.А. Бессуффиксные существительные лица, соотносительные с производными и отыменными глаголами. // Уч. Зап. МГПИ им.В.И.Ленина. - 1960. - т.158. - С.3-40.
- Крысин 1961: Крысин Л.П., Скворцов Л.И., Шварцкопф В.С. Проблемы культуры русской речи (обзор). // Известия АН СССР, ОЛЯ. - 1961. - т. XX, вып. 5, - С. 425-434.
- Кубарев 1980: Кубарев Е.М. О методике сопоставительного анализа понятийно-грамматических денотативно-коннотативных категорий (На основе сравнения художественных текстов и их переводов). // Сопоставительный лингвистический анализ. Межвузовский сборник научных трудов. - Куйбышев, 1980. - Т.240. - С. 3-49.
- Кубрякова 1974: Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. - М.: Наука, 1974. - 319 с.
- Кубрякова 1980: Кубрякова Е.С. Отличительные свойства морфемы и проблема классификации служебных морфем языка. // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980 г.). - М.: Наука, 1980. - С. 80-85.
- Кубрякова, Панкрац 1983: Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. - М.; Наука, 1983. - 118 с.

Кубрякова, Харитончик 1976: Кубрякова Е.С., Харитончик З.А.

О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа. // Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976. - С. 202-233.

Кузнецов 1980: Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике. - М.: Наука, 1980. - С. 77-79. (гл. II, § 3.

Центр и периферия семантической структуры).

Кузнецова 1957: Кузнецова А.И. /рец./ Carlsen J.M., Edwards P.M.H.

A numericon of Russian inflections and stress patterns. A guide for students of Russian. - Vancouver, B.C., Canada, 1955. - 213 p. // ВЯ. - 1957. - №4. - С. 121.

Кузнецова 1970: Кузнецова А.И. Существуют ли в русском языке корневые морфемы, специфичные только для имени или для глагола? // Язык и человек. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. - С. 157-163.

Кузнецова 1972: Кузнецова А.И. Роль семантического фактора при морфологическом членении слов русского языка и составлении словаря морфем. // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. - Пермь, 1972. - С. 254-258.

Кузнецова 1973: Кузнецова А.И. Словообразовательный круг в русском языке // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. - С. 145-151.

Кузнецова 1977: Кузнецова А.И. Периферийные явления в морфологии русского языка. I. Слова-одиночки. II. Корневые слова. // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. - С. 210-223.

- Кузнецова 1980: Кузнецова А.И. Периферийные явления в морфологии русского языка. Ш. Поликорневые сложные слова. IV. Бессуффиксные слова. // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. - С. 128-141.
- Кузнецова 1981: Кузнецова А.И. Соотношение центра и периферии в области морфемики русского языка. // Тезисы докл. конф. "Проблемы дериватологии." - Пермь, 1981, - Вып. II. - С.153-156.
- Кузнецова 1985: Кузнецова А.И. Количественные критерии выделения центра и периферии при многомерном признаковом подходе к описанию языка. // Сопоставительно языковедение. - 1985. - Кн.6. - С. 16-25
- Кузнецова 1986: Кузнецова А.И. Принципы морфемного анализа и построение словаря морфем. // Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. - М.: Изд-во Русский язык, 1986. - С. 3-19.
- Кузнецова 1986а: Кузнецова А.И. Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов (на материале русского языка). // Деривация и семантика: слово - предложение - текст. - Пермь, 1986. - С. 43-50.
- Кузнецова 1987: Кузнецова А.И. Морфемные блоки и их роль в морфемной и словообразовательной структуре русского слова. // Морфемика. Принципы и методы системного описания. - Л., 1987. - С. 97-106.
- Кузнецова, Лавренова 1975: Кузнецова А.И., Лавренова О.А. О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. - С. 83-99.

- Кулешова 1976: Кулешова Л.В. Описание корней русского языка с помощью статистических методов: диссертация на соискание уч.степ. канд. филологических наук. Рукопись. - М.: МГУ, 1976. - 189 + 383 с.
- Кулешова 1976а: Кулешова Л.В. Описание корней русского языка с помощью статистических методов: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1976. - 28 с.
- Кумахов 1974: Кумахов М.А. О структуре предложения в языках полисинтетического типа // Универсалии и типологические исследования. - М.: Наука, 1974. - С. 125-134.
- Лагутова 1980: Лагутова Е.Н. Образование имен существительных от несклоняемых заимствованных слов на гласные в современном русском языке. // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы III Республиканской научной конференции. - Ташкент, 1980. - Ч. II. - С. 235-250.
- Лайонз 1978: Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. - М.: Прогресс, 1978. - 543 с.
- Лев 1979: Лев Л.С. Словообразовательные характеристики слов и их сочетаемость. // Тезисы докл. конф. "Словообразование и фразеобразование". - М., 1979. - С. 50-52.
- Лейчик 1983: Лейчик В.М. Новое в советской науке о терминах (Обзор тематических сборников ИРЯ АН СССР). // ВЯ. - 1983. - № 5. - С. 118-127.
- Лемов 1973: Лемов А.В. К вопросу омонимии суффиксов в русском языке на материале суффикса -к(а). // Вопросы металингвистики. - Л., 1973. - С. 77-84.
- Лепская 1984: Лепская Н.И. Языковая номинация и процесс ее становления (на материале детских высказываний). // Вестник МГУ. - 1984. - № 6. - С. 59-65.

- Лешка 1966: Leška O. "Le centre" et "la périphérie" des différents niveaux de la structure linguistique. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 53-57.
- Логвиненко 1977: Логвиненко И.А. О некоторых категориях языковой асимметрии. // Синтаксис предложения и сверхфразового единства. - Ростов-на-Дону, 1977. - С. 47-56.
- Лопатин 1972: Лопатин В.В. Лексическая вариантность и словообразовательная синонимия. // Уч. зап. Пермского гос.ун-та. Вопросы грамматики. - Пермь, 1972. - № 243. - С. 80-83.
- Лопатин 1973: Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. - М.: Наука, 1973. - 152 с.
- Лопатин 1977: Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. - М.: Наука, 1977. - 315 с.
- Лотман 1983: Лотман Ю.М. Избыточность в смыслопорождающих системах (на материале объектов "текст" и "культура"). Тезисы докл. и сообщений "Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности". Школа-семинар "Телави - 83". - М., 1983. - С. 212-214.
- Лыков 1959: Лыков А.Г. Образование имен существительных со значением лица в современном русском языке: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1959. - 23 с.
- Лыков 1976: Лыков А.Г. Современная русская лексикология. - М., 1976. - 119 с.
- Лубашовский 1976: Lubaszowski W. A technique for the automatic Segmentation of polish words without using a stem Dictionary. // Использование математических моделей и ЭВМ в лингвистике. - София, 1976. - С. 351-354.

- Людсканов 1976: Людсканов А. Некоторые проблемы эвристического моделирования в лингвистике. // Использование математических моделей и ЭВМ в лингвистике. - София, 1976. - С. 17-34.
- Люшинская 1977: Люшинская Е.Х. Функционально-семантическое поле кратности глагольного действия в современном французском языке: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1977. - 27 с.
- Лятина 1978: Лятина А.М. Гнездовой словарь языка романа М.Д.Шолохова "Поднятая целина". // Вопросы русского языка, литературы и методики их преподавания. Сб. научных трудов. Ташкентский пед. ин-т им. Низами. - Ташкент, 1978. - Т. 255. - С. 2-7.
- Мазон 1908: Mazon A. Morphologie des aspects du verbe russe. - Paris, 1908.
- Малеева 1983: Малеева М.С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. - 127 с.
- Маликова 1982: Маликова М.О. К проблеме полуаффиксов. // Recueil linguistique de Bratislava. - Bratislava, 1982. - V. VI. - S. 163-172.
- Мамудян 1980: Mahmoudian M. Structure linguistique: problèmes de la constance et des variations. // La linguistique. - 1980. - Vol. 16, fasc. 1. - P. 5-36.
- Мамудян 1985: Мамудян М. Лингвистика. - М.: Прогресс, 1985. - 200 с.
- Манучарян 1972: Манучарян Р.С. Вопросы интерпретации и измерения глубины слова. // ВЯ. - 1972. - № 1. - С. 114-123.
- Манучарян 1981: Манучарян Ф.С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. - Ереван: Изд-во Луис, 1981. - 315 с.

- Маркарян 1970: Маркарян Р.А. Типы семантического противодействия в сфере формообразования и словообразования. - Ереван, 1970. - 418 с.
- Мартине 1963: Мартине А. Основы общей лингвистики (1960). // Новое в лингвистике . - М.: Изд-во Иностранной литературы, 1963. - Вып. III. - С. 366-566.
- Мартине 1975: Martinet A. Studies in functional syntax. - Munich: Finck, 1975. - 275 p.
- Мартынов В.В. Кибернетика, семиотика, лингвистика. - Минск, 1966. - 146 с.
- Мартынов 1982: Мартынов В.В. Категории языка. - М., 1982. - 192 с.
- Марузо: Marouzeau J. Notre langue. - Paris, 1955. - 279 p.
- Маслов 1968: Маслов Ю.С. Об основных и промежуточных ярусах в структуре языка. // ВЯ. - 1968. - № 4. - С. 69-80.
- Маслов 1983: Маслов Ю.С. Морфологическая конверсия в славянских языках. // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур (Сб. статей к IX Международному съезду славистов). - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. - С. 6-24.
- Маслов 1984: Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. - 263 с. (особенно с.78-82)
- Матафонова 1978: Матафонова Н.М. Сцепление и теория уровней. // Система языка и речевая реализация его категорий (сб. науч. трудов Ленинградского пед. ин-та им.Герцена). - Л., 1978. - С. 70-73.
- Медникова 1958: Медникова Э.М. О конверсии в английском языке. // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. - М., 1958. - № 4. - С. 111-115.

- Мейе 1951: Мейе А. Общеславянский язык. - М.; Изд-во Иностранной литературы, 1951. - 491 с.
- Мельников 1971: Мельников Г.П. О типах дуализмов языкового знака. // Филологические науки. - 1971. - № 5. - С. 54-69.
- Мельчук 1967: Мельчук И.А. К понятию словообразования. // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. - 1967. - 26. - С.352-362.
- Микаэлян 1984: Микаэлян Н.М. Суффиксоиды со значением действующего лица в языках различных типов (на материале русского, армянского и английского языков): автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Ереван, 1984. - 21 с.
- Милославский 1979: Милославский И.Г. Об ограничениях сочетаемости русских морфем. // Вестник МГУ, филология, серия 9. - 1979. - № 2. - С. 3-14.
- Милославский 1980: Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. - 295с.
- Минина, Бартков 1986: Минина Л.И., Бартков Б.И. Диахроническая и синхроническая продуктивность, модельная и суммарная частотность суффиксоидов русского языка. // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. - с. 111-135.
- Морозова 1981: Морозова Т.С. К проблеме "центр и периферия системы словообразования". // Тезисы докл. конф. "Проблемы дериватологии". - Пермь, 1981. - Вып. П. - С. 41-42.
- Москович 1967: Москович В.А. Глубина и длина слов в естественных языках. // ВЯ. - 1967. - № 6. - С. 17-33.

- Мошева 1969: Мошева А.А. О словообразовательной модели имен прилагательных с суффиксом -(к)овит- в говорах пермской области. // Уч.зап. каф. русского языка и общего языкознания Пермского гос. ун-та. Лексика. Грамматика, Материалы и исследования по русскому языку. - Пермь, 1969. - 192. - С. 107-122.
- Мразек 1968: Мразек Р. Модели русских конструкций с возвратной глагольной формой // *Československá rusistika*. - Praha, 1968. - R. XIII, N 2. - S. 102-108.
- Мразек 1970: Мразек Ф. Модели чешских конструкций с возвратной глагольной формой. // Исследования по современному русскому языку. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. - С. 166-176.
- Муравицкая, Слипченко 1981: Муравицкая М.П., Слипченко Л.М. Симметрия в лингвистических системах. // Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. - Киев, 1981. - С. 70-84.
- МФРЯ 1986: Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. - М.: Наука, 1986. - 240 с.
- Найда 1946: Nida E. Morphology: the descriptive analysis of words. - Ann Arbor, 1946. - XII + 221 p.
- Найда 1970: Найда Ю.А. Наука перевода. // ВЯ. - 1970. - № 4. - С. 3 - 14.
- Найденев, Котаров, Янакиев, Котова 1976: Найденев К., Котаров М., Янакиев М., Котова Н.В. О "силе" межморфемной связи. // Использование математических моделей и ЭВМ в лингвистике. - София, 1976. - С. 65-70.
- Немец 1978: Немец И. Об изучении лексических подсистем языка. // Языкознание в Чехословакии (1956-1974). - М.: Прогресс, 1978. - С. 413-425.

Неуступны 1966: Neustrupný J.V. On the analysis of linguistic vagueness. // TLP. - Prague, 1966. - V.2. - S. 39-51.

Нещименко 1984: Нещименко Г.П. Проблема центра и периферии при сопоставительном изучении словообразовательной категории. // Тезисы международного симпозиума "Сопоставительное изучение словообразования славянских языков". - М.: Наука, 1984. - С. 49-52.

Нещименко 1987: Нещименко Г.П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков (к проблеме центра и периферии при изучении словообразовательной категории). // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М.: Наука, 1987. - С. 62-73

Никонов 1959: Никонов В.А. Статистика русских падежей. // Машинный перевод и прикладная лингвистика. - М., 1959. - Вып. 3(10). - С. 45-65.

Никонов 1978: Никонов В.А. Длина слова. // ВЯ. - 1978. - № 6. - С. 45-65.

Новак 1966: Novák L. Caractère périphérique des consonnes dans le système phonologique et dans la structure syllabique. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 127-132.

Новиков 1973: Новиков Л.А. Типы антонимов в русском языке (структурная классификация). // РЯШ. - 1973. - № 3. - С. 69-76.

Озеров 1971: Озеров Г.В. Поле пассивности в современном немецком языке: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1971. - 25 с.

Оливериус 1967: Оливериус З.Ф. Морфемный анализ современного русского языка. // Проблемы современной лингвистики (монографии, посвященные IY международному съезду славистов). - Praha, 1967. - С. 7-78.

- Оливериус 1968: Оливериус З.Ф. Роль структурного параллелизма при идентификации морфем и определении их типов. // Československá rusistika. - Praha, 1968. - R. XIII, N 1-5. - S. 73-77.
- Оливериус 1970: Оливериус З.Ф. Основы описания морфемных альтернатив в современном русском языке. // Československá rusistika. - 1970. - R. XV, N 2. - S. 49-55.
- Омельянович 1982: Омельянович Н.В. К вопросу о факультативности в изолирующих языках. // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 63-68.
- Остапенко 1987: Остапенко В.Е. Лексико-грамматическая классификация языковых единиц при помощи квантитативных моделей (на материале целостного французского научно-технического текста по железобетону); автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Л., 1987. - 16 с.
- Панкрац 1987: Панкрац Ю.Г. Морфемные границы и проблемы их установления и классификации. // Морфемика. Принципы и методы системного описания. - Л., 1987. - С. 139-148.
- Панов 1966: Панов М.В. Русский язык. // Языки народов СССР. - М., 1966. - Т. I. - С. 55-122.
- Панов 1968 - см. РЯ и СО.
- Панов 1971: Панов М.В. О членимости слов на морфемы. // Памяти Виктора Владимировича Виноградова. Сб. статей. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. - С. 170-179.
- Панов 1975: Панов М.В. О степенях членимости слов. // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. - М.: Наука, 1975. - С. 234-238.

- Панов 1975а: Панов М.В. О переводах на русский язык баллады "Джабберворки" Л.Кэррола. // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. - М: Наука, 1975. - С. 238-248.
- Парадигматика 1987: Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании. - Красноярск, 1987. - 145 с.
- Паулини 1966: Pauliny E. The principle of binary structure in phonology. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 121-126.
- Пешковский 1956: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. - 511 с.
- Питтман 1948: Pittman R.S. Nuclear structure in linguistics. // Language. - 1948. - V. 24, N 3. - P. 287-292.
- Плющ 1983: Плющ М.Я. Категория падежа в семантико-синтаксической структуре предложения: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Киев, 1983. - 48 с.
- Поливанова 1976: Поливанова А.К. Морфология русского субстантивного основообразования: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1976. - 26 с.
- Поликарпов 1984: Поликарпов А.А. Оппозиция "ядро - периферия" и "специфичность - усредненность", - основания двух типов словарной иерархии. // Тезисы докл. конф. по теоретическим вопросам языкознания. "Типы языковых общностей и методы их изучения". - М., 1984. - С. 124-125.
- Попела 1966: Popela J. The functional structure of linguistic units and the system of language. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 71-80.

- Попов 1976: Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. - М.: Высшая школа, 1976. - 200 с.
- Попова 1978: Попова Н.В. Обзор лексики с суф. - еј(а) в русском языке и его диалектах (с привлечением фольклорного материала). // Диалектная лексика (1975). - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. - С. 174-188.
- Потебня 1941: Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. - Т. IY, - 320 с.
- Прасол 1984: Прасол А.Ф. К вопросу о взаимоотношениях постпозитивных союзов и частиц в современном японском языке. // Новое в японской филологии. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. - С. 78-84.
- Расулова 1978: Расулова М.И. О межуровневости категории уменьшительности в английском языке. // Сб. научных трудов "Иностранные языки в педагогических вузах Узбекистана". - Ташкент, 1978. - Т. 236, вып. 10. - С. 3-10.
- Г-80: - Русская грамматика. - М.: Наука, 1980. - Т. I. - 783 с.
- Ревзина 1969: Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. - 152 с.
- Ревзина 1975: Ревзина О.Г. Типологическое анкетирование и грамматические категории. // Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). - М.: Наука, 1975. - С. 197-218.
- Редькин, Мирзоян 1980: Редькин В.А., Мирзоян Л.Г. О пустых морфемах в русском литературном языке. // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). - М.: Наука, 1980. - С. 94-96.

- Ремарчук 1974: Ремарчук В.В. Некоторые вопросы центра и периферии в системе вьетнамского литературного языка (очерки лексики, словообразования, звукового состава): автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М., 1974. - 27 с.
- Розина 1982: Розина Р.И. Принципы классификации в лексической семантике (имя существительное). Научно-аналитический обзор. - М., 1982. - 65 с.
- Ромпорта 1966: Romportl M. Zentrum und Peripherie im phonologischen System. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 103-110.
- Рубинчик 1982: Рубинчик Ю.А. Относительно узкого и широкого понимания факультативности. // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 74-78.
- Ружичка 1963: Ružička J. Prázdná morféma // Jazykovedný časopis. - Bratislava, 1963. - R. XIV, N 1. - S. 3-7.
- Русская разговорная речь. - М.: Наука, 1973. - 485 с.
- РЯ и СО 1968: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М.В. Панова. - М.: Наука, 1968. - 300 с.
- Савицкий 1968: Савицкий Н.П. Синтаксическая омонимия и порядок слов в русском языке. // Československá rusistika. - Praha, 1968. - R. XIII, N 1-5. - S. 108-111.
- Савченко 1981: Савченко И.Ф. Соотношение части и целого в лингвистических единицах. // Система и структура языка в свете марксистско-ленинской методологии. - Киев, 1981. - С. 58-69.
- Семенова 1977: Семенова С.К. Система средств выражения функционально-семантической категории результативного состояния в современном немецком языке (опыт моделирования поля результативного состояния): автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Минск, 1977. - 17 с.

- Семенюк 1967: Семенюк Н.Н. Проблемы формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. - М.: Наука, 1967. - 299 с.
- Сидоров 1982: Сидоров Е.В. Системные категории текста (централизация). // Перевод как лингвистическая проблема. - М., Изд-во Московского ун-та, 1982. - С. 77-87
- Скаличка 1967: Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых единиц (1935). // Пражский лингвистический кружок. - М.: Прогресс, 1967. - С. 119-127.
- Скворцов 1984: Скворцов Л.И. Актуальные теоретические проблемы культуры речи. // Основы культуры речи. Хрестоматия. - М.: Высшая школа, 1984. - С. 5-42.
- Скоумалова 1968: Скоумалова Зд. Синтаксические конструкции с глагольным существительным. // Československá rusistika. - Praha, 1968. - R. XIII, N 4. - S. 220-229.
- Смаль Стоцький 1929: Смаль Стоцький Роман. Примітивний словотвір. - Варшава, 1929. - 200 с.
- Смирницкий 1956: Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. - 260 с.
- Смирнова 1979: Смирнова Ф.Ф. Словообразование и правила линейной упорядоченности текста. // Тезисы докл. конф. "Словообразование и фразообразование". МПШИЯ им. М.Тореза. - М., 1979. - С. 96-97.
- Соболева 1980: Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. - М.: Наука, 1980. - 294 с.
- Солнцева 1982: Солнцева Н.В. К вопросу о факультативности. // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 103-107.

Степанова 1979: Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка (краткий очерк). // Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. - М.: Русский язык, 1979. - С. 519-536.

Стракова 1986: Стракова В. К понятию продуктивности в связи со словообразовательными единицами. // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. - С. 170-174.

Стрелков 1967: Стрелков П.Н. Флективное словообразование коррелятивных существительных женского рода в современном русском языке. // Уч. Зап. Горьковского Гос. пед. ин-та им. Горького "Вопросы языка и стиля". Серия филологических наук. - Горький, 1967. - Вып. 68. - С. 145-160.

Супрун 1982:

Сухошин 1984: Сухошин Б.В. Выделение морфем в тексте без привнесения смысла. - М.: Наука, 1984. - 97 с.

Суяров 1972: Суяров Г.Х. Принцип экономии и вопросы словообразования в лингвистическом наследии проф. В.А.Богородицкого. // АПРС. - Самарканд, 1972. - Т. I. - С. 172-176.

Сыромятников 1982: Сыромятников Н.А. Факультативность в текстах на современном японском языке (публицистика, языкознание, хрестоматии по родному языку). // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 108-116.

Таунсенд 1975: Townsend Ch.E. Russian Word-Formation. - Cambridge, Mass.: Slavica Publishers, 1975. - 272 p.

Тешителова 1966: Těšitelová M. Zur morphologischen Homonymie des Nomens. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 207-218.

Тихонов 1971: Тихонов А.Н. О словообразовательной омонимии. // РЯШ. - 1971. - № 1. - С. 88-93.

- Тихонов 1972: Тихонов А.Н. Слово и его родня. // Труды Самаркандского Гос. ун-та им.А.Навои "Русское словообразование". Новая серия. - Самарканд, 1972. - Вып. 209. - С. 39-52.
- Тихонов 1987: Тихонов А.Н. Морфемные модели слов в современном русском языке. // Морфемика. Принципы и методы системного описания. - Л., 1987. - С. 170-184.
- Тласкал 1981: Тласкал Я.,мл. Tláskal J., jr. Morphèmes monophonématiques (vocaliques) en portugais du Brésil. // Philologica pragensia. Časopis pro moderní filologii. - Praha, 1981. - V.24, №1 (ročník 63/ 1981). - S. 22-32 + 35-36 (резюме на русском языке).
- Толстая 1982: Толстая С.М. Морфонология. Морфемика.// Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1974-1977 гг. Словообразование. Материалы для обсуждения. - М.: Наука, 1982. - С. 89 - 149 (за исключением с. 141-145)
- Топоров 1966: Топоров В.Н. Материалы для дистрибуции графем в письменной форме русского языка. // Структурная типология языков. - М.: Наука, 1966. - С. 65-143.
- Торндайк 1941: Thorndike E.L. The teaching of English Suffixes. - N.Y.: Teacher's College, Columbia Univ., 1941. - 81 p.
- Торсуев 1977: Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе (на материале английского языка). - М., 1977. - 123 с.
- Трубецкой 1960: Трубецкой Н.С. Основы фонологии. - М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. - 372 с.
- Тулдава 1987: Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики. - Таллин: "Валгус", 1987. - 204 с.

- Тынянов 1977: Тынянов Ю.Н. Литературный факт (1924). О литературной эволюции (1927). // Поэтика. История литературы. Кино. - М.: Наука, 1977. - С. 255-281.
- Улукханов 1967: Улукханов И.С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем (в сравнении с образованием форм слов). // Русский язык. Грамматические исследования. - М.: Наука, 1967. - С. 166-204.
- Улукханов 1972: Улукханов И.С. О некоторых промежуточных явлениях в словообразовании (к соотношению синхронии и диахронии). // АШРС. - Самарканд, 1972. - Ч. I. - С. 207-212.
- Умарходжаев 1980: Умарходжаев М.И. Центр и периферия во фразеологии. // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. - 1980. - Т. 39, № 2. - С. 147-152.
- Уорт 1971: Уорт Д.С. Чередования гласных с нулем в словообразовании. // Предвар. публ. ин-та Русского языка АН СССР. - М., 1971. - Вып. 18. - 30 с.
- Ушфал 1980: Ушфал Г.Я. Чередование гласных с нулем в глагольных словообразовательных гнездах. // АШРС. - Ташкент, 1980. - Ч. II. - С. 221-229.
- Уровни языка 1986: Уровни языка в речевой деятельности. К проблеме лингвистического обеспечения автоматического распознавания речи. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. - 260 с.
- Федорова 1967: Федорова В.В. Связанные корни и варианты корней (к вопросу о критериях выделения связанных корней) // Уч. Зап. Горьковского Гос. пед. ин-та им. Горького "Вопросы языка и стиля". Сер. филологических наук. - Горький, 1967. - Вып. 68. - С. 85-94.

Филипец 1966: Filipec J. Problems des Sprachzentrums und der Sprachperipherie im System des Wortschatzes. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 257-275.

Филипец 1978: Филипец И. О конфронтации частных семантических систем в словарном составе двух разных языков. // Языкознание в Чехословакии (1956-1974). - М.: Прогресс, 1978. - С. 373-394.

Фирбас¹⁹⁶⁶: Firbas J. Non-thematic subjects in contemporary English. A contribution to the problem of central and peripheral phenomena in the system of functional sentence perspective. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 239-256.

Фирсова 1978: Фирсова Н.М. Грамматические архаизмы как одна из форм проявления языковой симметрии (на материале испанского языка). // Тезисы докл. конф. "Современные проблемы романистики (семантический аспект изучения романских языков)". - Калинин, 1978. - Ч. II. - С. 21-23.

Фортунов 1956: Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. // Избранные труды. - М: Учпедгиз, 1956. - Т. I. - С. 21-197

Фрей 1929: Frei H. La grammaire des fautes. - Paris, 1929. - 317 p.

Ханпира 1966: Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. // Развитие словообразования современного русского языка. - М.: Наука, 1966.

Харрис 1951: Harris Z.S. Methods in structural linguistics. - Chicago: Univ. of Chicago Press, 1951. - XV + 384 p.

Хватов 1978: Хватов С.А. Словообразовательная система биологических терминов в современном русском языке: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - Л., 1978. - 18 с.

Хоккетт 1970: Хоккетт Ч.Ф. Проблема языковых универсалий (1961).

// Новое в лингвистике. - М.: Прогресс, 1970. - Вып. V. - С. 45-76.

Хрбачек 1971: Hrbáček J. Citátové výrazy a jiné periferní lexikální prvky cizího původu v slovní zásobě češtiny. // Slovo a slovesnost. - Praha, 1971. - R. 32, N 1. - S. 26-34.

Цароева 1984: Цароева М.Г. Понятие центра и периферии в ареальной лингвистике (по материалам региональных лингвистических атласов Франции). // Тезисы докл. конф. "Типы языковых общностей и методы их изучения". - М., 1984. - С. 159-160.

Цукерман 1968: Цукерман И.И. Вариативность как диахронический лимит развивающейся системы. // Тезисы докл. конф. "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока". - Л., 1968. - С. 124-127.

Цыганенко 1978: Цыганенко Г.П. Состав слова и словообразование в русском языке. - Киев: Радянська Школа, 1978. - 152 с.

Чейф 1975: Чейф У. Значение и структура языка. - М.: Прогресс, 1975. - 432 с.

Чельцова 1977: Чельцова Л.К. Форма множественного числа имен существительных как исходная форма в лексикографии (на материале толковых словарей современного русского литературного языка). // Грамматика и норма. - М.: Наука, 1977. - С. 106-144.

Чернышев 1948: Чернышев В.И. О некоторых русских префиксах и предлогах. // Язык и мышление. - Л., Изд-во АН СССР, 1948. - Т. XI. - С. 376-394.

- Чинчлей 1974: Чинчлей Г.С. Проблематика минимальных значимых единиц (на материале французского языка): автореф. дис. на соискание уч. степ. доктора филологических наук. - М., 1974. - 44 с.
- Чинчлей 1975: Чинчлей Г.С. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры (морфема, монема, темема). - Кишинев: Изд-во "Штиинца", 1975. - 222 с.
- Чинчлей 1980: Чинчлей Г.С. Вопросы тождества морфемы и супплетивизм. - Кишинев: "Штиинца", 1980. - 141 с.
- Чинчлей 1981: Чинчлей Г.С. "Центр и "периферия" словообразовательной и лексической систем. // Тезисы докл. конф. "Проблемы дериватологии". - Пермь, 1981. - Вып. II. - С. 61.
- Чурганова 1973: Чурганова В.Г. Очерк русской морфологии. - М.: Наука, 1973. - 239 с.
- Шабршула 1966: Šabršula J. Un problème de la périphérie du système morphologique: à propos des formations pré-morphologiques. // TLP. - Prague, 1966. - V. 2. - S. 183-192.
- Шадрина 1982: Шадрина Е.И. О тенденции к устранению асимметрии в словообразовательной семантике (на материале лексики ранне-новофранцузского периода). // Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц различных языковых уровней. - Барнаул, 1982. - С. 150-156.
- Шаламов 1982: Шаламов Ю.В. О природе грамматических изменений. // Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц различных языковых уровней. - Барнаул, 1982. - С. 14-25.
- Шанский 1959: Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. - М.: Учпедгиз, 1959. - 246 с.
- Шанский 1968: Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. - М.: Изд-во Московского Университета, 1968. - 310 с.

- Шанский, Тихонов 1981: Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Словообразование. Морфология. // Современный русский язык. - М.: Просвещение, 1981. - Ч. II. - 270 с.
- Шапкин 1967: Шапкин А.П. Об одной категории формально-содержательной асимметрии в языке. // Уч. Зап. МГПИ им.В.И.Ленина "Исследования по синтаксису современного английского языка" - М., 1967. - № 285. - С. 6-20.
- Шапкин 1969: Шапкин А.П. К вопросу о взаимодействии классов слов в английском языке. // Уч. Зап. МГПИ им.В.И.Ленина "Вопросы грамматики английского языка". - М., 1969. - № 367. С. 75-81.
- Шварцкопф 1977: Шварцкопф Б.С. Типы соотношения вариантов и статистические исследования нормы. // Языковая норма и статистика. - М.: Наука, 1977. - С. 126-134.
- Шевернина 1982: Шевернина З.В. Факультативны ли видовые формы в монгольском языке? // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 124-129.
- Шеляховская 1980: Шеляховская Л.А. Лексикографические источники как материал для морфемного и словообразовательного анализа. // АИРС. - Ташкент, 1980. - Ч. II. - С. 62-64
- Ширшов 1972: Ширшов И.А. О происхождении "наращения" -ат- в прилагательных на -атический. // XXV Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика. - Л., 1972. - С. 129-131.
- Ширшов 1972: Ширшов И.А. К вопросу о членении прилагательных на -атический. // XXV Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика. - Л., 1972. - С. 131-133
- Ширшов 1980: Ширшов И.А. К проблеме морфемного комплекса. // АИРС. - Ташкент, 1980. - Ч. II. - С. 97-105.
- Ширшов 1981: Ширшов И.А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. - Ростов, 1981. - 115с.

- Шишкина 1979: Шишкина Л.С. Система отыменных гнезд современного английского языка: дис. на соискание уч. степ. канд. филологических наук. - М.: Физтех, 1979. - 180 с.
- Шкарбан 1982: Шкарбан Л.И. О факультативности служебных средств тагальского языка. // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 130-137.
- Шнайдман 1980: Шнайдман М.Н. Некоторые аспекты теории поля. // Сб. научных трудов "Вопросы грамматики германских языков" ИТНН им. М.Тореза. - М., 1980. - Вып. 161. - С. 65-79.
- Шомье 1981: Шомье Ж. Банки данных. Использование электронной вычислительной техники. - М.: Энергоиздат, 1981. - 70 с.
- Шуба 1975: Шуба П.П. О компонентах конфикса в русском языке. // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. - М.: Наука, 1975. - С. 249-253.
- Шутова 1982: Шутова Е.И. Относительно факультативности (на материале китайского языка). // Восточное языкознание. Факультативность. - М.: Наука, 1982. - С. 138-143.
- Шухардт 1950: Шухардт Г. Этимология и исследование истории слова. // Избранные статьи по языкознанию. - М.: Изд-во Иностранной литературы, 1950. - С. 210-220.
- Щерба 1915: Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. - Пг., 1915. - Т. 1. - 194 с.
- Щерба 1945: Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. - М., 1945. - Т. IV, вып. V. - С. 173-187.
- Щур 1971: Щур Г.С. Об основных теориях поля в языкознании. // Вопросы филологии. - Омск, 1971. - С. 81-126.
- Яглом 1967: Яглом И.М. Герман Вейль. М.: Изд-во "Знание", 1967. - 47 с.

Языкознание в Чехословакии 1978: Языкознание в Чехословакии (1956-1974). - М.: Прогресс, 1978. - 464 с.

Якобсон 1971: Якобсон Р.О. Значение Крушевского в развитии науки о языке (1851-1887). // Jakobson R. Selected writings. - The Hague - Paris: Mouton, 1971. - V. II. - P. 429-450.

Якобсон 1975: Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. // Структурализм: "за" и "против". Сб. статей. - М.: Прогресс, 1975. - С. 193-230.

Якобсон 1977: Roman Jakobson: Echoes of his scholarship. - Lisse, 1977. - P. 285-308.

Якобсон 1985: Якобсон Р.О. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) (1958). // Избранные работы. - М.: Прогресс, 1985. - С. 176-197.

Якобсон, Халле 1962: Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике (1957). // Новое в лингвистике. - М.: Изд-во Иностранной литературы, 1962. - Вып. II. - С. 231-278.

Янко-Триницкая 1972: Янко-Триницкая Н.А. Междусловное наложение. // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. - М.: "Наука", 1975. - С. 253-260.

Янко-Триницкая 1976: Янко-Триницкая Н.А. К системности русского словообразования. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1976. - № 5. - С. 44-54.

Янович 1978: Янович Е.И. Наречие в истории русского языка: генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий. - Минск, 1978. - 144 с.

Ярцева 1965: Ярцева В.Н. О принципах определения морфологического типа языка. // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л.: Наука, 1965. - С. 109-115.

Ярцева 1974: Ярцева В.Н. Проблема универсалий и классификация языков. // Универсалии и типологические исследования. - М.: Наука, 1974. - С. 5-28.

Ярцева 1975: Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков. // Типология грамматических категорий (Мещаниновские чтения). - М.: Наука, 1975. - С. 5-23.

СЛОВАРИ

Амиров 1975: Словарь-справочник по словообразованию под ред. Г.С.Амирова (Авторы: И.А.Аджигалиев, В.П.Бредихина, М.А.Глазман, О.И.Ларина, Л.А.Шеляховская). - Алма-Ата: Изд-во "Мектеп", 1975. - 184 с.

Ахманова 1966: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Изд-во Советская Энциклопедия, 1966. - 608 с.

Ашенбрённер 1971: Aschenbrenner M. Russische Wortkunde. - Göttingen, 1971. - 152 S.

Бабкин 1964: Словарь названий жителей (РСФСР). Под ред. А.М.Бабкина. - М.: Советская энциклопедия, 1964. - 399 с.

Блинова 1982-1983: Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). Под ред. О.И.Блиновой. - Томск: Изд-во Томского Гос. ун-та, 1982. - Т. I. - 267 с. - 1983. - Т. II. - 369 с.

Богорад 1963: Богорад В.Б. Краткий словарь биологических терминов. - М., 1963.

Бордович, Шакун 1975: Бардовіч А.М., Шакун Л.М. Марфемны слоўнік беларускай мовы. - Мінск, 1975. - 784 с. /Рец.: Беларуская лінгвістыка. - 1978. - Вып. 13. - С. 76-77/.

- Броунинг 1985: Browning G.L. Workbook to Russian Root List.
- Columbus Ohio: Slavica Publishers, 1985. - 85 p.
- Букчина, Калакуцкая 1974: Букчина В.З., Калакуцкая Л.П. Сложные слова. - М., 1974. - 150 с. (С. 79-150 - краткий словарь).
- Вахек 1964: Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы.
- М.: Прогресс, 1964. - 250 с.
- Вейсманнов 1731: Вейсманн Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка к общей пользе при имп. Академии наук печатию издан. - СПб., 1731.
- Волконская, Полторацкая 1961: Wolkonsky S., Poltoratzky M.
Handbook of Russian roots. - New York, 1961. - XXXI p. + 414 p. /рец./ ВЯ. - 1964. - № 4. - С. 139-141.
- Гайдарова 1974: Гайдарова Л.М. Частотный словарь специальных терминов. // Русский язык за рубежом. - М., 1974. - № 1. - С. 77-82.
- Герман 1975: Herman L.J. A dictionary of slavic word families.
- Columbia etc., 1975. - XV + 667 p.
- Грабис, Барбаре, Бергмане 1963: Grabis R., Barbara Dz.,
Bergmane A. Valodniecības terminu vārdnīca. - Riga, 1963.
- Граудина, Ицкович, Катлинская 1976: Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. - М.: Наука, 1976. - 455 с.
- Гриббл 1973: Gribble Ch.E. Russian root list, with a sketch of word formation.- Cambridge, 1973; 2ed. - Columbus, Ohio, 1981. - 62 p.p. /Рец./ Филологические науки. - М., 1975. - №1. - С. 107-108.

- Грузберг 1974: Грузберг А.А. Частотный словарь русского языка второй половины XVI - начала XVII века. - Пермь, 1974. - 462.
- Даль 1955: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - М.: Изд-во Иностраных и национальных словарей, 1955. - Т. I - IV.
- Дурново 1924: Дурново Н.Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). - М.-Пг., 1924.
- Дыбина, Шеболева 1986: Дыбина Т.В., Шеболева И.И. Словарь словообразовательных значений префиксальных глаголов перемещения в современном русском литературном языке. - Ростов-на-Дону, 1986. - Т. I. - 178 с. [цеп. 26436/86].
- Жирков 1946: Жирков Л.И. Лингвистический словарь. - М., 1946. - 155.
- Зализняк 1977: Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1977. - 879 с.
- Засорина 1977: Частотный словарь русского языка. Под ред. Л.Н.Засориной. - М.: Русский язык, 1977. - 935 с.
- Засорина 1979: Образование употребительных слов русского языка. Под ред. Л.Н.Засориной. - М.: Русский язык, 1979 (Авторы: Акуленко Л.М., Засорина Л.Н., Припалова М.И., Тисенко Э.В., Яковлев Б.Н.). - 277 с.
- Калугина 1965: Калугина В.В. Словарь ложной омонимии флексий русского языка. - Кишинев: Изд-во "Картя Молдовеняскэ", 1965. - 282 с.
- Колесников 1978: Колесников Н.П. Словарь несклоняемых слов. - Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. - 215 с.
- Котелова 1980: Новое в русской лексике. Словарные материалы - 77. Под ред. Н.З.Котеловой. - М.: Русский язык, 1980. - 176 с.
- Котелова 1981: Новое в русской лексике. Словарные материалы - 78. Под ред. Н.З.Котеловой. М.: Русский язык, -1981. - 262 с.

- Котелова 1982: Новое в русской лексике. Словарные материалы - 79.
Под. ред. Н.З. Котеловой. - М.: Русский язык, 1982. - 320 с.
- Котелова 1984: Новое в русской лексике. Словарные материалы - 80.
Под ред. Н.З.Котеловой. - М.: Русский язык, 1984. - 286.
- Котелова 1986а: Новое в русской лексике. Словарные материалы - 81.
Под ред. Н.З.Котеловой. - М.: Русский язык, 1986. - 288 с
- Котелова 1986б: Новое в русской лексике. Словарные материалы - 82.
Под ред. Н.З.Котеловой М.: Русский язык, 1986. - 256 с.
- Котелова 1987: Новое в русской лексике. Словарные материалы - 83.
Под ред. Н.З.Котеловой. - М.: Русский язык, 1987. - 191 с.
- Кротевич, Родзевич 1957: Кротевич Е.В., Родзевич Н.С. Словник
лінгвістичних термінів. - Київ: Вид-во АН УРСР, 1957. - 236с.
- Кузнецова, Ефремова 1986: Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь
морфем русского языка. - М.: Русский язык, 1986. - 1136 с.
- Марузо 1960: Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. - М.:
Изд-во Иностранной литературы, 1960. - 436 с.
- Матюшонок 1983: Матюшонок В.Н. Англо-русские словообразователь-
ные параллели. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983. - 180с.
- Миклошич 1845: Miklosich F. Radices linguae slovenicae veteris
dialecti. - Lipsiae, 1845. - 147 S.
- Немченко 1985: Немченко В.Н. 1) Основные понятия морфемики в тер-
минах (краткий словарь-справочник). - Красноярск: Изд-во
Красноярского ун-та, 1985. - 215 с.
- 2) Основные понятия словообразования в терминах (краткий
словарь-справочник). - Красноярск: Изд-во Красноярского
ун-та, 1985. - 204 с.
- Нечаев 1976: Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь.
- Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1976. - 183 с.

- Обратный словарь 1974: Обратный словарь русского языка. - М.: Изд-во "Советская энциклопедия", 1974. - 944 с.
- Оливериус 1976: Оливериус Эд.Ф. Морфемы русского языка. Частотный словарь. - Прага, 1976. - 198 с. (словарь с.71-191).
- ООДС 1973 - Опыт обратного диалектного словаря (пособие по словообразованию). / Под ред. М.Н.Яценецкой. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. - 170 с.
- Орфографический словарь¹⁹⁶³: Орфографический словарь русского языка. 5-ое изд. / Под ред. С.Г.Бархударова, С.И.Ожегова, А.Б.Шапиро. - М.: Изд-во Иностранных и национальных словарей, 1963. - 1040 с.
- Орфографический словарь 1978: Орфографический словарь русского языка. 15-ое изд. / Под ред. С.Г.Бархударова, И.Ф.Протченко, Л.И.Скворцова. - М.: Русский язык, 1978. - 480 с.
- Патрик 1938: Patrick G.Z. Roots of the Russian language. An elementary guide to Russian wordbuilding. - New York, 1938. - 198 p.
- Поликарпов 1704: Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный, сиречь реченый славянских, еллиногреческих и латинских сокровище. - М., 1704. - 206 с.
- Потиха 1964: Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. 2-е изд. - М.: Просвещение, 1964. - 391 с.
- Потиха 1981: Потиха З.А. Строение русского слова. Учебный словарь для зарубежных школ. - М.: Русский язык, 1981. - 320 с.
- Розенталь, Теленкова 1976: Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. - М.: Просвещение, 1976. - 543 с.
- Русский язык (энциклопедия). - М.: Изд-во "Советская энциклопедия", 1979. - 431 с.

- Сикорская 1985: Сікорська З.С. Українсько-російський словотворчий словник. - Київ: Радянська школа, 1985. - 188 с.
- Славичкова 1975: Slavičková E. Retrográdní morfematický slovník češtiny s připojenými inventárními slovníky českých morfemů kořenových, prefixálních a sufixálních. - Praha, 1975. - 645 р.
- Словарь иностранных слов 1979: Словарь иностранных слов. 7-ое изд. - М.: Русский язык, 1979. - 622 с.
- М. РЯ XI-XVI: Словарь русского языка XI-XVI вв. - М.: Наука, 1975-1987. - Т.т. 1-13.
- Советский энциклопедический словарь. - М.: Изд-во "Советская энциклопедия", 1981. - 1600 с.
- Презневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. - СПб., 1893 - 1903. - Т. 1-III.
- СРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. - М.-Л.: Наука, 1948-1965. - Т. 1-17.
- Тихонов 1978: Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. - М.: Просвещение, 1978. - 727 с.
- Тихонов 1985: Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1985. - Т. 1-II.
- Турко 1968: Турко Л.А. Частотный словарь русской разговорной речи. // Статистика речи. - Л., 1968. - С. 191-199.
- Уорт 1970: Worth D.S., Kozak A.S., Johnson D.B. Russian derivational dictionary.-New York, 1970. - XXIV р. + 748 р.
- Хэмп 1964: Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии. - М.: Прогресс, 1964. - 264 с.
- Цыганенко 1982: Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. - Киев: Радянська школа, 1982. - 240 с.

- Шимкевич 1842: Шимкевич Ф. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с 24 иностранными языками. - СПб., 1842.
- Штейнфельдт 1963: Штейнфельдт Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. 2500 наиболее употребительных слов. - Таллин: Валгус, 1963. - 316 с.
- Юшманов 1968: Юшманов Н.В. Элементы международной терминологии. Словарь-справочник. - М.: Наука, 1968. - 72 с.
- Яновский 1806: Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. - СПб., - ч. III. - 1806.
- Concise Oxford Dictionary 1951: The Concise Oxford Dictionary of current English. 4th. - Oxford: At the Clarendon Press, 1951. - XVI p. + 1536 p.

С О К Р А Щ Е Н И Я

- АПРС - Актуальные проблемы русского словообразования.
- ВЯ - Вопросы языкознания.
- РЯНШ - Русский язык в национальной школе.
- РЯШ - Русский язык в школе.
- TLР - Travaux linguistiques de Prague.